

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 2 (89)

февраль, 2024

S. NIKAS

СЛОВО РЕДАКТОРА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Февральский номер литературно-исторического журнала «Александръ» посвящён непобедимому русскому солдату.

«Гуманен и благороден советский солдат. Он протянул руку помощи всем, кто был ослеплён и обманут... Советские солдаты поделятся всем, что они умеют, поделятся с русской щедростью и с отзывчивостью людей, много испытавших и научившихся понимать и ценить жизнь».

Со времён Великой Отечественной войны, когда русский маршал Константин Рокоссовский произнёс эти слова, ничего не изменилось.

23 февраля – это праздник мужества, силы духа, доблести и чести! Этот праздник, который имеет почти столетнюю историю, прочно вошёл в нашу жизнь как олицетворение патриотизма, мужества, благородства и отваги. В этот день мы поздравляем солдат и офицеров, доблестно несущих ратную службу и защищающих страну от лютого врага.

Сегодня Отчизна живёт благодаря беспримерному мужеству и отваге русского солдата! Отрадно, что нынешнее поколение защитников Отечества не подвело в тяжёлый для страны час свою Родину и доказало, что русский дух не сломить.

От всей души желаем всем военнослужащим, ветеранам Вооружённых сил крепкого здоровья и стойкости духа! Пусть мир и добро царят в ваших семьях, пусть военные тревоги будут только учебными! С праздником, дорогие друзья!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Сегодня главными защитниками Отечества являются доблестные воины земли Русской, принимающие участие в специальной военной операции. К защитникам Отечества необходимо отнести наших отцов, дедов, которые с оружием в руках отстаивали независимость нашей страны – Союза Советских Социалистических Республик – в 1941–1945 годах. Я считаю, что защитниками Отечества являются и те, кто делает оружие, причём самое качественное и эффективное, которое используется для достижения победы в специальной военной операции.

И я однозначно отнёс бы к защитникам Отечества настоящих патриотов, тех, кто своим практическим трудом делает всё для того, чтобы Отечество процветало, и тех, кто готов по первому же призыву отстоять его свободу.

Настоящим патриотом может считаться только тот, кто беззаветно любит свою Родину, работает на её процветание и готов в любой момент защитить её с оружием в руках.

Любовь к Отечеству – это нравственный ориентир, который во многом определяет личность. Особенно в наше время. Правильное патриотическое и военно-патриотическое воспитание молодёжи – один из элементов национальной безопасности страны. И действовать на этом «фронте» необходимо системно, сочетая целевую работу государства с усилиями гражданского общества.

Поэтому мне искренне хотелось бы поздравить с праздником защитника Отечества тех, кто отстаивал и отстаивает свободу и независимость нашей Родины! Нашу Российскую землю!

Добра вам всем, здоровья, благополучия и удачи в ваших благих делах!

Геннадий ЗАЙЦЕВ,
Герой Советского Союза,
генерал-майор

Журнал издан при финансовой поддержке Правительства Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член правления Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 2 (89), февраль 2024 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.02.2024 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

- 6 Евгения Широкая.
Герои времени Z

ЮБИЛЕЙ

- 14 Александр Бобров.
Летающая строка

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

- 17 Анатолий Труба.
Гордость малой родины
- 20 Защитник и настоящий воин
- 22 Не выдержало сердце
- 23 Вижу цель и обязательно
к ней приду

СИМВОЛИЗМ

- 27 Нина Ищенко.
Элиас, Донбасс, СВО ~
новый образ Рыцаря с лебедем
- 34 Елена Заславская.
Элиас

ПОГРАНИЧНЫЕ ИСТОРИИ

- 37 Андрей Коваленко.
Пограничные истории

ЖИТЕЙСКОЕ

- 46 Александр Александров.
Кисет

ИСТОРИЯ РОССИИ

- 51 Виктор Елисеев.
Георгиевский кавалер из Пушкино
- 55 Не щадя жизни

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 57 Сергей Корытин
- 59 Татьяна Дульнева
- 62 Лариса Пушина

КРИТИКА

- 64 Валентина Матушкина.
В традициях русской классики

РЯЗАНСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

- 68 Андрей Пронин
- 72 Дмитрий Ивков
- 75 Дмитрий Пасалин
- 77 Михаил Даньшов
- 81 Надежда Михалина

МЫ ПОМНИМ

- 84 Рифат Измаилов.
Сестрёнка!

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 87 Вадим Кулинченко.
Холодная война в океане

ФЕЛЬЕТОН

- 90 Валерий Румянцев.
Невероятная встреча в Москве

ГЕРОИ ВРЕМЕНИ

ПОЛИПТИХ

Победить может лишь тот народ, который выступает единой нацией. Герои времени Z не только на поле боя. Они и в тылу держат оборону: поддерживают мирную жизнь, хранят традиции, воспитывают детей, заняты волонтерской работой...

ГЕРОЙ

Мирон притаился в засаде за диваном. Мальчишке невероятно хотелось услышать то, о чём родителям будет рассказывать дядя Толя, он же военкор, который, будучи в отпуске, собрался навестить брата. Десятилетний Мирон, случайно услышав переговоры мамы с папой, смекнул, что его могут отстранить от якобы детского разговора, поэтому придумал обходной манёвр. Сказав маме, что пошёл делать уроки к соседу, он спрятался в гостиной. Дядя Толя должен был прийти с минуты на минуту. Мальчик вспотел от щедро дарившей тепло батареи, ноги начинали затекать. Он хотел поменять позицию, но услышал, как хлопнула входная дверь и из прихожей раздались радостные возгласы. Любое движение обозначало, что он выдаст себя колыханием шторы, и Мирон неподвижно замер, как игрушечный солдатик, которого он прихватил с собой.

На удивление мальчишки разговор взрослых был наполнен чем угодно, но не историями о боях, которые он так надеялся подслушать. Мама спрашивала про семью дяди Толи, отец рассказывал о здоровье дедушки с бабушкой и планах на отпуск. Обливаясь потом, Мирон

сжимал солдатика и смотрел на ноги, которые ему почему-то казались ватными. Неожиданно папе позвонили с работы, и он поспешил в спальню с ноутбуком. Мама тут же объявила, что тоже собирается покинуть гостиную, и мальчишка воспрял духом.

– ...Толик, жаркое уже на подходе. Я на стол буду накрывать. Ты посиди тут, телевизор посмотри. А я пока кухню проветрю.

Раздались лёгкие шаги. И как только мама прикрыла дверь, Мирон решил выползти из укрытия. Он появился перед родственником на четвереньках.

– О! А ты откуда? – рассмеялся дядя Толик.

– Вы не сердитесь? – глядя исподлобья спросил племянник.

– Ты что! Как вымахал! Иди обними дядьку! – воскликнул мужчина, широко раскинув руки.

Мирон, прихрамывая, рванул в объятия.

– А это у тебя кто? – любопытствовал дядя Толя, заметив игрушку.

– Это у меня самый лучший солдатик.

– А-а, понятно. А ты чего спрятался-то?

Мирон, понимая, что в любой момент вернутся родители, сразу перешёл к делу.

– Дядя Толя, вы героев видели?

Лицо мужчины на мгновение застыло.

– Видел. Там все герои.

– А расскажите, пожалуйста, хоть про одного, – взмолился мальчишка.

– Что рассказать?

– Герой – это как? Какой он?

Дядя Толя на какое-то время замолчал. Племянник уже хотел повторить вопрос, как тот вдруг оживился.

– Хорошо. Слушай. Сижу я, значит, в блиндаже. Это такое подземное укрытие от снарядов. Там тепло от печки, фонарь ярко светит. Приготовил блокнот, жду отличившегося солдата интервью брать. Заходит командир. За ним парень, на вид ему чуть больше двадцати. «Вот он, наш герой», – отчеканил командир и удалился. Начинаю выспрашивать, что да как. Без подробностей ведь статью не написать. А он мне сухо так отвечает: «Ну командира ранило. Ну оттащил его в безопасное место. Ну вернулся в бой и БТР подбил. Ну медаль дали». Как тут из такого куцега наборчика данных на статью собирать? Я и так и этак изловчался, а он мне по кругу то же самое толкует. Спрашиваю: «Где хоть этот БТР стоит, показать можешь?» Он кивнул. Выходим из блиндажа. Ночь. В бинокль ничегошеньки не видно, как я только настройки ни крутил. А он вдруг говорит: «Эх, картину бы написать. Лесопосадка, где БТР подбитый стоит, силуэт лисы с лисёнком напоминает». Я присмотрелся – и правда что-то есть. Ещё подумал тогда, что парень-то не «одеревенел» от войны, живой сердцем. Я ему: «Какие твои годы? Нарисуешь ещё!» Он соглашается: «Как война закончится, нарисую, а пока надо с нацистами разобраться». И постучал автоматом по левой руке. Раздался глухой звук. Спрашиваю, как же он с протезом на фронт пробился. А солдат отвечает: «Да вот так. Это моя земля». Вот и скажи мне, Мирош, какой он, герой?

Племянник изумлённо посмотрел на дядю и, крепко сжав солдатика, выдал:

– Как какой? Настоящий! Я завтра всем своим друзьям о нём расскажу!

Мужчина похлопал мальчишку по плечу:

– Вот и я думаю, что настоящий.

Евгения ШИРОКАЯ

Евгения Широкая-Ляшко – прозаик, член Российского союза писателей, Межрегионального союза писателей. Родилась в Краснодарском крае. Предки казаки. С отличием окончила Донской государственный аграрный университет по специальности технология с/х производства. Почти двадцать лет проработала на пищевых производствах в российских и международных компаниях. Прошла путь от мастера цеха до директора завода. Когда родила сына начала осваивать писательское ремесло. Пишет для подростков и детей в жанре: приключения, фантастика, реализм. Публиковалась в периодических изданиях, коллективных сборниках и Интернет-ресурсах. Обучалась в Первой Литературной Мастерской писателя-фантаста Сергея Лукьяненко и Семинарах СПР. Лауреат «Кубань Литературная» (2022). Лауреат «Звёздное перо» им. Г. Кольцова (2022). Дипломант журнала «Эколог и Я» (2022). Лауреат «Мост в будущее» (2023). Отмечена бронзовой медалью «Art Excellence Awards» (2023). Победитель литературного конкурса Белорусской Православной Церкви «Книга мне — книга во мне» (2023).

ОТЕЦ ПЁТР

После прошедшего накануне боя солдаты Народной милиции ДНР занимали укрепления, брошенные сбежавшими националистами. Всюду были следы от снарядов: земля испещрена осколками, ветки деревьев обгорели, зияли воронки. В воздухе витал запах гари. Настроение бойцов было приподнятым, но про осторожность никто не забывал. Линия фронта пролежала совсем близко.

Послышался звук старенькой «Нивы», которая на огромной скорости протарахтела по

разбитой дороге. В бойнице блиндажа показались веснушчатое лицо:

– По ходу, «гуманитарка» прибыла. Командир сопровождал «Газель» с наклейками голубков. Я поражаюсь, и как только волонтеры не боятся так далеко забираться?

Через час на пороге бетонного блиндажа появился бородатый жилистый мужчина в камуфляже без погон, в каске и бронежилете. Он постучал по мощной железной двери, привлекая внимание тройки бойцов-новобранцев, занятых благоустройством центрального помещения.

– Бог в помощь!

– Спасибо, – отозвался парень, на руках которого виднелись синеватые узоры. – Вы кто?

– Гуманитарный груз привёз и детские письма.

Бойцы подобрили взглядами.

– Что делаете? – дружелюбно спросил мужчина.

– Хотите помочь – присоединяйтесь, а отвлекать нас не надо, – пробурчал крепыш в веснушках.

Мужчина улыбнулся:

– Я пришёл помочь.

Круглолицый парень со светло-рыжими бровями оживился:

– Надо листовки содрать. Тут националистам будто делать больше нечего было. Стены прямо как в деревенском туалете!

Крепыш невесело рассмеялся:

– А ну-ка за восемь лет такие укрепления отгрохали, конечно, у вэсэушников было время всё тут облепить.

Боец с тату криво усмехнулся:

– Отгрохать-то отгрохали, и оружие им НАТО подарило, да вот морального духу не хватило, чтобы позиции удержать.

Потирая бороду, мужчина задумчиво произнёс:

– Тут разве что закрасить...

Круглолицый замахал руками:

– Не-не! А дышать чем потом?.. Как вас там?

– Пётр Олегович.

– Идите, Пётр Олегович, мы тут сами, нам только бомбоубежище осталось примарафетить.

Но тот уходить не собирался.

– Я с вами поговорить хотел. Воин русский – он всегда духовный, милосердный. Если нет духовности, то не может человек быть истинно милосердным. На службу хочу вас пригласить, – кротко произнёс Пётр Олегович.

– Мы уже на службе! – изрёк круглолицый боец, и парни дружно расхохотались.

– Образы святые успокоение приносят. Молитва помогает очистить разум. Приходите, пообщаемся.

Парень с татуировками оголил руку:

– Смотрите, сколько я берегов наколот, меня ни одна пуля не возьмёт. А пообщаться мы всегда и так успеем.

Мудрый взор Петра Олеговича обратился к остальным. Крепыш потупил взгляд, шмыгнул носом и, покусывая губу, стал усерднее сбивать доски будущей скамьи. А круглолицый фыркнул:

– Я реалист. Увижу знамение – уверую. А вы там в госпиталь сходите или ещё куда. Тут мужики свою работу знают. Вам бы подальше отсюда надо. А то спасай вас потом, если что. Хлопот только прибавите.

Он сделал пару шагов, потянул за ручку и хотел было открыть дверь, ведущую в бомбоубежище, но та распахнулась сама. Многие украинские блиндажи имели внушительной длины подземные ходы. Из лестничного прохода за дверь выпрыгнул с бесноватым видом боевик и открыл беспорядочный огонь.

Отец Пётр в миллисекунду осознал, что спасти бойцов кроме него некому: потому как он попал в «слепую зону» за дверь и боевик его не видел. Действия Петра Олеговича были молниеносными. В три прыжка он достиг железной двери и всем телом ударил по ней. Та сразила стрелявшего. Автоматная очередь, напоследок отстучав по потолку, прекратилась. Боевик кубарем полетел вниз и затих. Лёгкие ранения получили все новобранцы. Кто держался за плечо, кто за ногу.

Пётр Олегович достал из-под бронежилета наперсный крест и стал им крестить остолбеневших бойцов:

– Господи, помилуй! Помогите нам, Господи!
Оцепенение сначала отпустило круглолицего:

– Батюшка, вы что? Мы же живые! Это самое главное!

Вторым пришёл в себя крепыш:

– Когда, говорите, служба?

– Ближе к вечеру.

– Придём! – ответил за всех третий.

СЁСТРЫ

Военный госпиталь работал в режиме образцового муравейника. Люди в белых халатах методично делали свою работу. Вот и сейчас медсестра распахнула дверь в палату, въезжая с металлическими осьминогами-стойками, на которых болтались полимерные лианы-капельницы.

В стандартной палате на четыре койки шёл горячий спор. Приметив симпатичную практикантку из медколледжа, мужчины тотчас умолкли: у девушки для каждого всегда находилось ласковое слово, и они его ждали.

Практикантка, уверенно манипулируя иглами и зажимами, поприветствовав пациентов, защebetала как птичка:

– Сегодня видела первую ласточку. Скоро совсем тепло будет. Сирень уже так пахнет.

– И чем же она пахнет? – поинтересовался голубоглазый крепыш, которому она в этот момент выставляла скорость подачи раствора.

– Мёдом. – Девушка одарила парня улыбкой и заговорщицким тоном произнесла: – А сегодня двоих выписали с диагнозом как у вас, но там случаи совсем тяжёлые были. Так что скоро сами пойдёте сиренью дышать.

Крепыш мечтательно вздохнул, а медсестра лёгкой походкой упорхнула к соседней койке, где расположился на подвесных механизмах перебинтованный, словно мумия, пожилой десантник. Сделав ему укол, практикантка шёпотом сообщила:

– Свечки поставила. Не переживайте. – И более громко заявила: – Доктор ваши снимки утром смотрел, очень радовался, восстановление идёт как надо.

Она повернулась к третьему пациенту:

– А вас ждут приятные сюрпризы. Один большой и два поменьше.

Молодой человек с нечёсаной бородой вытянул шею:

– Что-что?

– На прогулку повезу, всё сами увидите.

– Опять на рентген, а потом ещё куда-нибудь анализы сдавать? Так себе сюрпризы... – вяло отозвался бородач.

– Не угадали.

Мужчина стал интенсивно приглаживать бороду:

– Мои? Мои приехали?

– Да! Прямо в цель! Но им надо подождать. После обхода доктора я вас провожу.

Медсестра закончила процедуру и перешла к седоватому мужчине с изрядно отросшим «ёжиком»:

– У меня для вас кое-что есть, – она протянула упаковку аскорбинки в таблетках, – доктор запретил сладкое, а это можно, только по чуть-чуть, договорились?

Мужчина с затяжкой кивнул.

Практикантка, закончив визит, удалилась. С минуту пациенты молчали. А потом голубоглазый крепыш напомнил тему спора:

– Война – это всё-таки мужское дело. Там сила физическая нужна. Потому что отбирать толковые кадры нужно и по мышечной массе. А женщинам там совсем не место.

Десантник издал хриплый звук и, откашлявшись, проговорил:

– Не, браток. Я теперь ещё больше убеждён в том, что в бою от любого польза будет. Пусть хоть хромым идёт в армию, лишь бы по зову сердца.

– И что же тебя доубедило? – поинтересовался крепыш.

– Меня же ефрейтор спасла. Меня и ещё одиннадцать десантников. Ползала под плотным огнём противника и неотложку всем оказывала. Потом на себе с поля боя вытащила в безопасное место. А когда стихло, нашла способ эвакуировать всю группу. Мы все ей жизнями обязаны. В тот день она ещё четырёхлетнего мальчишку спасла. Машину мирян боевики из крупнокалиберного обстреляли.

Бородач, продолжая прихорашиваться, закивал:

– У нас тоже ефрейтор знатная. Сама тростинка, а шесть раненых мужиков под миномётным обстрелом собрала, загрузила в санитарный автомобиль и в полевой медотряд доставила.

Крепыш ругнулся и отчеканил:

– М-да, слышал я про такое и сам видел. Брат рассказывал. Фельдшер, молодая девчонка, прапорщик. Собрала раненых. А неонацисты жажнули по санмашине. Снаряд совсем рядом взорвался. Все укрылись, а он, тяжело раненый, даже двинуться не может. Слышит только «бабах!» и понимает: конец ему. А тут эта прапорщик, как кошка, прыг – и накрыла собой. Спасла, а сама осколок выхватила. И так с осколочным ранением потом всех в госпиталь. Все пацаны выжили. А в нашей мотострелковой старшина два десятка раненых военнослужащих как-то за один бой вынесла. Маскировала, а потом в медотряд эвакуировала. И откуда только силы взялись?

Воцарилась тишина. Из приоткрытого окна доносился шелест листвы тополей. Каждый думал о своём. Но тут подал голос по обыновению сохранявший молчание седовласый, озвучив финал спора:

– Они выполняют боевые задачи, как и все мы... Но только бьются как матери. Через них в этот мир жизнь приходит... Все мы для них дети.

ИВАНЫЧ

Пробравшись сквозь скованный снежными объятиями двор, седовласый мужчина в камуфляже с объёмным рюкзаком на спине взялся за лопату и стал расчищать крыльцо низенького дома, спрятавшегося позади двухэтажки, в которой зияли провалы от артобстрелов.

Дверь скрипнула, показалась сгорбленная старушка в пуховом платке.

– Надежда Фёдоровна, зачем встали?

– Услыхала, что кто-то пришёл. Как гостя не встретить?

– А если б мародёры какие?

– Так летом вэсэушников как русская армия выгнала, так больше мародёров и не было. Я и не запираю с тех пор. Да и сюда, кроме тебя, никто и не ходит. Сам знаешь, моя единственная сестра давно в России живёт, всё зовёт к себе, а я родину не брошу. Тут на погосте все мои дети и внуки лежат. Я и за могилками при-smотрю. Ну, пойдём, пойдём, слышишь, чайник на печке зовёт. Отдохни малёк. Ещё успеешь по морозу набегаться.

Отказаться от приглашения означало обидеть, и Дмитрию Ивановичу пришлось согласиться. Протиснувшись через заставленный баклажками с водой коридорчик, они вошли в гостиную, где на самодельной «буржуйке» у окна с одеялом вместо штор свистел чайник.

Разлив горячий чай по кружкам, Надежда Фёдоровна стала расспрашивать:

– И как оно тебе, Дмитрий Иванович, работает, ты же теперь начальник?

Мужчина отмахнулся:

– Да какой я начальник, одно название. Жигулёнок бы какой отыскать. «Газель» конторская то и дело барахлит, капремонта требует. Ещё нужны дрели, перфораторы, генераторы... Без всего этого кашу из топора варить приходится.

В глазах старушки заиграли лукавинки:

– А «отказачить» нельзя?

Дмитрий Иванович с лисьим прищуром осведомился:

– У кого «отказачить»? У вас, что ли? – Он махнул рукой. – Ушлые националисты начисто подчистили да весь жилой сектор «лепестками»¹ забросали.

При упоминании о минах нижняя губа женщины затряслась:

– Что думаешь, скоро город восстановят?

Гость тяжело вздохнул:

– В центре дефектовка водопровода, энергосетей и других коммуникаций произведена. Ремонтные бригады работают не останавливаясь. Частично уже что-то удалось восстановить. И к нам на периферию однажды доберутся...

– А дома? Людям будет куда возвращаться?

¹ «Лепесток» – противопехотная мина.

– Будет. Но честно скажу, не скоро. Из восьми сотен многоквартирных зданий повреждено семь с половиной. Больше половины восстановлению не подлежат. Заново строить придётся. – Он поставил кружку. – Благодарствую, мне уж бежать пора, так что давайте быстро всё излагайте. Свечи есть?

– Есть, конечно. Сколько мне надо? Солнышко спатъ, и я за ним ложусь.

– Что ещё?

Старушка пожала плечами:

– Всё есть вроде.

– Так, дрова уже глянул. Через два дня Коля придёт, поколет. Гуманитарка прибыла, девчонки сейчас всё расфасовывают. Так что продукты и стиральный порошок на следующей неделе доставим. А пенсию завтра с бухгалтером завезём, ждите. Какие ещё требы?

– Да какие требы? Дима, когда война кончится? Мы же так хорошо жили до всех этих майданов... Ты такие праздники нам делал, а спектакли какие замечательные ставил... До сих пор вспоминаю.

– Скоро закончится. Наши ребята порядок наведут, даже не сомневайтесь! – Дмитрий Иванович стукнул кулаком по столу, тот зашатался.

Мужчина ловко достал гаечный ключ из рюкзака и наскоро принялся подтягивать болты на импровизированном столе, который как-то собрал из подручных материалов.

– Фёдоровна, может, ещё что подкрутить? Та отмахнулась.

– Тогда бывайте. Не хворать!

Он закинул рюкзак на плечи и стремительным шагом покинул жилище.

Привычный маршрут обхода жителей, которые не стали на зиму переселяться в пункты временного размещения, сегодня давался с трудом. Пенсионеры норовили пригласить в гости. Пожилые люди остались совсем одни в пустынном пригороде и соскучились по обычному человеческому общению. Как ни уговаривал он их, как начальник отдела жизнеобеспечения, посещать отапливаемые комфортные пункты, где можно было и принять душ, и поесть, и зарядить фонари и телефоны, те отказывались: старики держались за родные стены.

В сумерках Дмитрий Иванович добрался домой. Не включая фонарь, он, засуетившись по хозяйству, завёл беседу с портретом покойной супруги:

– Сашка звонил из Ростова. Сессию сдаёт хорошо. Ещё один экзамен остался. Сын башковитый у нас, весь в тебя...

Внезапно на улице блеснули фары. Мужчины осторожно приблизился к окну. У соседского дома остановился незнакомый автомобиль.

«Тамаркина семья давно съехала. Если бы возвращались, я бы знал. Чужие!» – мгновенно проанализировал обстановку Дмитрий Иванович.

Мотор затих, но из машины никто не выходил. Завибрировал мобильник. Начальник жизнеобеспечения не мог не ответить, звонил его единственный специалист, мастер на все руки. Продолжая наблюдать, Дмитрий Иванович принял звонок:

– Да, Андрей.

– Иваныч, сегодня, когда отопление в угловом доме подключали, несколько квартир вскрывать пришлось. В одной старика обнаружили. Там всё оформили, убрали. Деда похоронили. В общем, всё как полагается сделали. Надо гроб в запасник сколотить, а доски закончились.

– А чего сейчас звонишь?

– Да это я так, к слову пришлось... Днём кое-что сказать забыл. Пока с этим всем бегал, заметил светлую легковушку. Не наша. Вот только номер запомнил.

– Принято. Сообщу куда следует.

Попрощавшись с помощником, Дмитрий Иванович вызвал наряд полиции, прихватил в качестве железного соратника разводной ключ и прокрался к соседям. Он бесшумно обошёл вокруг дома, протиснулся за бревенчатый сарай и выглянул из-за угла. Тучный детина озираясь по сторонам у калитки, второй, тощий, приник к входной двери.

Дмитрий Иванович слепил снежок и бросил прямо в голову здоровяку. Пока тот, сбитый с толку, отряхивался, мужчина подскочил сзади, ударил между лопаток разводным ключом и толкнул верзилу в снег. Тот повалился нич-

ком. Дмитрий Иванович моментально схватился за ботинок верзилы, зафиксировал ему правую ногу: упёрся своим правым коленом в землю, этой же ногой вставил под колено здоровяка свой голеностопный сустав.левой ногой он придавил согнутую правую ногу верзилы. Услышав потасовку, тощий рванул на подмогу сообщнику. Но тут детина заорал от боли: Дмитрий Иванович немного подался вперёд, и сработал болевой захват. Тощий на мгновение замер. Этого времени Дмитрию Ивановичу хватило, чтобы обыскать здоровяка. Он забрал у верзилы пистолет Макарова, снял с предохранителя и навёл на тощего:

– Руки вверх!

Тот дёрнулся к карману куртки. Прозвучал выстрел. Ругаясь, тощий схватился за плечо. А Дмитрий Иванович жёстко произнёс:

– Ещё одна попытка – ещё один выстрел. Уяснил?

Тощий не ответил, но притих. Дмитрий Иванович, не слезая с верзилы, дождался наряд полиции.

Доставка нарушителей в участок прошла быстро. После оказания первой помощи грабителей отправили в камеру. Заканчивая оформление протокола, сержант осведомился:

– Дмитрий Иванович, откуда приёмами владеете?

Рядом расхохотался капитан-напарник:

– Ты чё? Это же тот самый Иваныч! Он же срочную службу в спецназе проходил. С четырнадцатого года чертей-фашистов и их пособников гоняет.

– Позывной «Иваныч»? – сержант с восхищением уставился на начальника отдела жизнеобеспечения.

Тот скромно кивнул.

– Иваныч, всё так же пешочком? Подвезти? – предложил капитан.

– Не. Здоровее буду. Бывайте!

БАБУШКА ОЛЯ

В украшенном флажками и шариками сельском доме всё было готово к празднику. Уже успевшие подзагореть на кубанском

майском солнце близнецы Ваня и Варя ждали одноклассников к обеду. Но сейчас брат и сестра были заняты другим важным делом. Сидя в пижамах на диване, юные именинники пристально смотрели на экран мобильного телефона. Он стоял на журнальном столике под вазочкой с ландышами. Включённая громкая связь наполняла просторную комнату монотонными гудками. Ваня крутил в руках игрушечный командирский внедорожник и постукивал ногами по ковру. Варя, покусывая губы, крепко держала златовласую куклу. Бабушка, переминаясь с ноги на ногу, теребила поясок халата и поглядывала то на мобильник, то на внуков.

– Папа сейчас возьмёт трубку, не переживайте.

Ласковый тон немного успокоил, ребята переглянулись, но тут Варя засомневалась:

– А вдруг он, как мама, тоже занят?

Брат шикнул:

– Мама – хирург, она сейчас чью-то жизнь в госпитале спасает!

Девочка гордо вскинула голову:

– Я знаю. Я не обижаюсь. Просто папа на фронте тоже не без дела сидит. Командовать батальоном сложно, наверное...

И тут на экране появился мужчина в папаше с блестящей кокардой.

– Папа! Папа! – радостно закричали дети и, соскользнув на ковёр, почти вплотную прильнули к экрану телефона.

– Мои родные! С днём рождения! Желаю вам каждый день смеяться и удивляться, радоваться жизни и мечтать! Вы наша ниточка! Вы наша надежда! Всё, надо бежать. Люблю, целую!

Он отключился. Улыбки потухли, но глаза светились. Бабушка, суетливо убирая телефон, затараторила:

– Ну, вот и ладненько, вот и поговорили.

Варя сморщила носик и задумчиво произнесла:

– Бабуль, а что значит «вы наша ниточка»?

– А-а-а, так это он о преемственности поколений сказал. Нить, что в каждой семье традициями соединяет прошлое и будущее, она прочной должна быть.

головой и уверенно произнёс:

– Предатель сбежит. И если некому будет пойти страну защищать, то дедушка прав, завоюют нас, рабами сделают.

– Молодец! На лету схватываешь, – похвалила бабушка.

Мальчик довольно хмыкнул, но тут в его глазах промелькнуло любопытство:

– Бабуль, только я не понял, при чём табуретка?

– А если порвётся, то что? – озадачился Ваня.

– Падёт страна. Разрушится государство.

Близнецы скептически посмотрели на бабушку, а та, присев на диван перед внуками, продолжала:

– Вот мой дедушка, который воевал в Первую мировую, через революционные изменения прошёл и в Великую Отечественную войну родину защищал, поучал меня с братьями правилом табуретки. Он часто повторял: «Оля, смотри, чтоб сама знала и дитям своим наказ передала, что коли они позабудут веру предков, откажутся от главы государства, родину любить не будут, то прахом всё посыплется и невольником бесправным народ станет».

Варя недоумённо спросила:

– И это всё из-за ниточки? Из-за того, что она порваться может?

– А как же? Кто начинает восхищаться чужбиной и праздновать чуждые праздники, а свои забывать, не читая русских книг, предпочитает только заграничную литературу, тот не знает родной культуры и потенциальным предателем растёт. Пойдёт такой гражданин страну защищать, если враг подступит?

Близнецы переглянулись. Варя испуганно хлопала густыми ресницами. Ваня закрутил

– А вот причём. Я вам как учитель математики объясню. При наличии трёх точек через них можно провести плоскость. Три опоры дают возможность сделать табуретку. На двух ножках, и тем более на одной, она не устоит, не удержится тот, кто присядет, да и грохнется на пол. А три ножки по устойчивости не уступают четырём. Дедушка сравнивал эти три опоры с базовыми ценностями настоящего гражданина: стоять горой за веру, за правителя и за Отечество. Упустишь хоть одно – разрушится конструкция. Потому мои братья не одну табуретку на трёх ножках сколотили. Напоминалки эти по всему дому были расставлены.

– А почему у нас ни одной нет? – спохватилась Варя.

– Те, что отец ваш сколотил, уж рассыпались...

Ваня вскочил:

– А как же мы? Мы можем сколотить!

Сестра тоже встала:

– Сделаем! Ты же нам поможешь?

Бабушка расцеловала внучат, трепетно приговаривая:

– Всё расскажу, всё покажу, вы наша ниточка, наша надежда.

Летящая строка

ПРИФРОНТОВАЯ ОБЛАСТЬ

По тропам Родины идти –
Дорога далека.
И настигает по пути
Летящая строка.

Спокойствия не возмутив
Селений и сердец,
Летящий слышится напев,
Что напевал отец.

Река струится и блещит,
Несутся облака.
Не дай-то Бог – не посетит
Летящая строка...

С чего бы это небо расколосось?
Горит над Белгородчиной закат.
Теперь она – прифронтовая область,
Её с небес хранит мой старший брат.

Здесь танковые орды грозно бились,
На всё гляжу спокойней и трезвей.
Мы с нею безвозвратно породнились
Через стихи, красавиц и друзей.

Над Прохоровским полем – славы высверк,
И брата борт уходит в синеву.
Мы с нею вместе за Победу выпьем.
Клянусь: я до такого доживу!

19 АПРЕЛЯ

*Памяти Героя Советского Союза
Николая Боброва*

В день рожденья старшего брата
Вспоминаю в апрельский день:
Все Бобровы судьбу солдата
Испытали по полной, всклень.

Что бы ни было в жизни нашей,
Мы не знаем свой потолок.
Только Коля, за Родину павший,
До конца исполнил свой долг.

ПОЗЫВНОЙ – РОССИЯ

Цвет хлебов – золотой на синем,
Украина зовёт тебя,
И летит позывной «Россия!»
По бескрайним её степям.

Не печальтесь, братья, поможем,
Чтоб Отчизна была цела,
Чтоб она не от можа до можа,
А от моря до моря цвела.

В коломыйках весёлых – горечь,
Но гопад не устанут плясать,

И по-русски Тарас Григорьич
Продолжает письма писать.

Слово Гоголя помнит Полтава,
Чертовщина горит огнём,
И четвёртое поле славы
Мы России опять вернём!

ВСЁ ПРОХОДИТ...

Это слово во мне отзовётся
И уже не умрёт никогда:
«Всё проходит – любовь остаётся!» –
Рёк Григорий Сковорода.

Размышлял я об этом подолгу
На просторах Отчизны родной,
И пройдя над Днепром, по Подолу,
Рядом с бронзовым Сковородой,
Убедился, что жизнь не разбита,
Так дробится на солнце вода...

Всё минуется – боль и обида,
Всё проходит, любовь – никогда!

ЭЙ, СЛАВЯНЕ!

Славянский мир расколот и загублен.
Я описать провалы не берусь –
От ельцинских балканских загогулин
До путинских тирад про Беларусь.

Но прошлое – не призраки в тумане.
В Берлине шли последние бои,
И наши окликали: «Эй, славяне!»,
Поскольку понимали, кто свои.

Сегодня этот оклик – без ответа,
Скукожилась славянская душа...
Ну, ничего, переживём и это,
В воде через соломинку дыша.

Александр БОБРОВ

Поэт и публицист, критик и телерадиожурналист Александр Бобров – певец родного Замоскворечья и Карельского перешейка, где погиб, защищая Ленинград, его брат – Герой Советского Союза Николай Бобров.

Выпускник Литературного института, автор 50 книг стихов, песен, фольклора, прозы и 15 учебников по журналистике.

Много лет работал в еженедельнике «Литературная Россия», учился в Академии общественных наук, работал в издательстве «Советский писатель», в телекомпаниях «Московия» и «Мир». Кандидат филологических наук, член правления и председатель Совета по песне Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии, профессор кафедры журналистики МосГУ, лауреат поэтических премий им. Дмитрия Кедрина «Зодчий» и им. Алексея Фатьянова «Соловьи, соловьи...», премий за публицистику «Имперская культура» и «Слово к народу», обладатель высшего знака СП «За заслуги в литературе» и Большой золотой Пушкинской медали творческих союзов России.

Член редколлегии журналов «Русский дом», «Невский альманах», газеты «Советская Россия», главный редактор студенческого альманаха «Зеркало», постоянный автор многих литературных изданий.

В феврале отмечает 80 лет, но по-прежнему в дороге и в строю.

* * *

XXI ВЕК ЖДЁТ

На остановке какая-то девушка
 Меня спросила: «Вам плохо, дедушка?»
 Конечно, плохо, моя дорогая,
 Я думал петь и гореть, не сгорая,
 И оставаться всегда молодым...

Вопрос развеял надежду, как дым.

ВНУКАМ – ФЕДЕ И АЛЁНЕ

Дерева ещё не голы,
 Листья жёлтые летят,
 В детсады спешат и в школы
 Стайки пёстрые ребят.

Снова в лучшее поверив,
 Наблюдаю всякий год
 Это утреннее время –
 По-армейскому, развод.

И плывут цветные пятна,
 И опять в дорогу мчусь.
 С Днём учителя, внучата!
 Я и сам ещё учусь...

ДВЕ БАБУШКИ

Внучкам Оле и Марине

Посреди родной равнины,
 Средь заснеженной травы
 Вас растили две Галины,
 Две – из Пскова и Москвы.

Есть хорошее в вас что-то,
 Есть душевные мосты –
 Это бабушек работа,
 Двух – из Пскова и Москвы.

Даже если будет счастье
 Или горести, увы,
 Вспоминайте их почаще,
 Двух – из Пскова и Москвы.

Двадцатый век назвали Русским веком?
 Октябрь, Победа – это на века,
 И даже космос с первым человеком
 По-русски говорит издавека.

Кровавые события бьют по нервам,
 Но вновь на горних и земных путях
 Главней России в веке двадцать первом
 Нет никого в умах и новостях.

Чем кончится?
 Мы верим, что, как прежде,
 У нас металл зовётся: победит.
 Но двадцать первый век глядит в надежде:
 Не КАК, а с ЧЕМ Россия победит.

ЗАГАДОЧНЫЙ ДАР

Спеть бы о детстве, потом – о поющем отце,
 Спеть бы, как в дом все дядья собираются
 вместе.

Спеть бы о том, как отец мой менялся в лице
 И начинал. И взмывала гусарская песня.

Это какой-то загадочный, русский наш дар –
 Петь, если даже судьба нам наносит удары.
 Всех, кто не сдался и сердцем не сделался стар,
 Время добьёт, но по-свойски зачислит в гусары.

Значит, мы встретимся снова, поющий отец?
 Значит, вы к встрече готовы, дядья-запевалы?
 Я ведь уже не юнец

и спою наконец

С вами на равных, как надо, как прежде бывало!

Значит, мы выпьем за то, чтоб на нашем веку
 Не поддаваться указу и женскому сглазу.
 Мы – у Дениса Давыдова в сводном полку,
 Нам отступать вестовой не доставил приказа!

Это какой-то загадочный, русский наш дар –
 Петь, если даже судьба нам наносит удары.
 Всех, кто не сдался и сердцем не сделался стар,
 Время добьёт, но по-свойски зачислит в гусары.

**КОРШУНОВ
АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ**
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
22.03.1998–13.09.2023

ГОРДОСТЬ МАЛОЙ РОДИНЫ

Анатолий ТРУБА

Андрей Коршунов родился в Мичуринске Тамбовской области, а через год семья Коршуновых переехала на малую родину отца, в посёлок имени Калинина Мичуринского района. Мама Ольга Викторовна работает учительницей в сельской школе, а папа Сергей – мастер на все руки – занимался отделочными работами. Сергей строго воспитывал сына и дочь.

Дом Коршуновых был полной чашей. Но когда Андрею исполнилось 12 лет, в семье произошла трагедия. Отец погиб в автоаварии. Это сильно повлияло на подростка. Андрей замкнулся, и мама, почувствовав, что необходимо предпринять решительные шаги, решила отвезти детей в Севастополь к родственникам, развлекаться и дать толчок к саморазвитию. Подействовало. Андрей получил незабываемые впечатления, заболел морем и приобрёл мечту – стать моряком.

Поддержал это желание и способствовал его реализации дедушка. Он заменил мальчику отца. Воспитывал его настоящим мужчиной.

Незабываемым стал изготовленный им из дерева военный корабль, Ольга Викторовна помогла сделать оснастку, и Андрей самозабвенно играл в войну. Подросток увлекался историей, много читал, поэтому грамотно и основательно подходил к изготовлению солдатиков, амуниции и вооружения, делал реконструкции и командовал своими «армией и флотом».

Традиционными для семьи Коршуновых было чтение книг и обсуждение прочитанного перед сном.

Большой вклад в формирование личности героя внесли учителя, с которыми на протяжении всей жизни везло Андрею.

Запомнился случай, произошедший с Андреем в 4-м классе. В канун 23 февраля в школе

была объявлена конференция отцов, и многие мальчики знали, что их папы непременно придут. Отец Андрея, в силу занятости, сомневался в такой возможности, и это очень тревожило подростка. Но когда он увидел в окно, что его папа всё же приехал на мероприятие, то радости и гордости не было предела.

Окончив восьмой класс, мальчик поступил в Многопрофильный кадетский корпус имени Л.С. Дёмина. И вот что значит судьба: поступил именно на морской курс. Особым уважением у кадетов пользовался начальник курса, капитан 3-го ранга Александр Аркадьевич Саркисов, на которого равнялись все ребята.

Андрей же был активным. Принимал участие во всех мероприятиях и спортивных соревнованиях. Отлично играл в футбол. В 9-м классе морские кадеты осуществили сплав на ялах из Ростова, дойдя до Чёрного моря. А в 10-м классе приняли участие в соревнованиях на ялах, проходивших в Санкт-Петербурге, и завоевали почётное 3-е место, что для далёкого от моря Тамбова стало большим достижением, ребята получили похвалу на выпуске курса. Но самое главное, в Санкт-Петербурге была организована экскурсия в Военно-морскую академию им. Кузнецова, и Андрей понял, что ему необходимо в неё поступить.

Его желание поддерживали родные и стали помогать собирать документы. Прекрасно развитый юноша легко сдал физкультуру, вступительные экзамены и в конце лета пригласил самого близкого человека – маму – на присягу.

За день до волнующего события лил дождь, а 30 августа, в день принятия присяги, Ольга Викторовна пошла помолиться в церковь и при выходе из храма увидела радугу, день заиграл красками, и все восприняли это как добрый знак свыше.

Само мероприятие проходило в Екатерининском дворце. Андрей Коршунов стоял гордый и счастливый. Осознавал, что вот он, парень из глубинки, один из немногих добился осуществления своей мечты, и ловил на себе восторженные взгляды.

Учился курсант прилежно. Постоянно общался с родными, не напрягал своими прось-

бами, и учёба пролетела быстро. Немного огорчили ковидные ограничения 2020 года, когда были отменены публичные торжества по случаю выпускного, но это всё не в счёт. Получив необходимые навыки, на малую родину приехал на побывку настоящий морской офицер – гордость села. Жалели об одном – что этого не увидел родной отец.

Три недели Андрей Коршунов провёл дома. Делился своей заветной мечтой попасть служить на подводную лодку. И надо же такому было случиться: его распределили служить в Новороссийскую бригаду подводных лодок, и уже 24 июня Андрей принял участие в военно-морском параде, что является серьёзным испытанием для молодого офицера.

При поступлении на службу старшему лейтенанту подарили книгу «Черноморский флот», в которой ярко описаны героическая история Черноморского флота, Крымская война, кодекс офицера флота и особенно кодекс офицера Черноморского флота – всё то, что интересовало Андрея с детства. Этот кодекс старший лейтенант Коршунов чтит всю свою жизнь, как и кадетское братство. А книга до сих пор хранится в семье как реликвия.

Запоминающимися для Андрея стали съёмки в передаче для федерального телеканала «Звезда», в которых в самом начале своей карьеры он принял участие.

Специальность «Боевые системы управления кораблей», полученная в училище, подразумевает большую ответственность. Но трудности не пугали парня, наоборот, он просился в самые «горячие» точки. И с начала военных действий в Сирии сразу же написал рапорт с просьбой направить его в эту страну.

В ноябре 2021 года молодой офицер был в отпуск. Пришёл к матери в форме и с цветами. Это было незабываемо. Но по родному селу парень всегда ходил скромно, не одевался в военную форму. Но и в этот короткий отпуск не было покоя. Два раза старшего лейтенанта Коршунова вызывали в Новороссийск в связи с переходом в глубоководные войска.

Его наконец заметили. В декабре 2021 года в составе эскадры направили в эту арабскую

страну. Месяц Андрей не выходил на связь с родными. Осторожно и бесшумно шли русские подводные лодки через Атлантический океан. Достигнув заданных координат, несли боевое дежурство у берегов Сирии. Первый настоящий поход старший лейтенант Коршунов прошёл достойно.

В начале 2023 года Андрея перевели на подводную лодку «Ростов-на-Дону». Начались ускоренные тренировки для реальных боевых действий.

И вот Андрей Коршунов вновь оказался в Севастополе. Подводная лодка выполняла боевые задания у берегов героического города, и одним из ответственных за правильное выполнение заданий являлся Андрей Коршунов, который мальчишкой бегал по этому городу и заболел в нём морем.

С родными Андрей общался в основном по WhatsApp. Обсуждали и смертельную опасность, которая подстерегала молодого офицера, но он всегда писал матери: «Родина гордится нами, и ты гордись». Гордился тем, что его ракеты достигали поставленной цели и громили врага. Все знали, что он военный, и оставалось только гордиться им и молиться за него.

В сентябре 2023 года подводную лодку «Ростов-на-Дону» поставили в сухой док в Севастополе для ремонта. Андрей Коршунов дежурил через сутки. 12 сентября парень долго переписывался с матерью. Досадовал, что давно не видел родных, положенный отпуск перенесли два раза. Приходилось дважды сдавать с большим трудом купленные билеты. Раздражало вынужденное бездействие.

Ольга Викторовна как могла поддерживала сына. Последней фразой, написанной матерью в тот вечер, было: «Не унывай, на всё воля Божья». А утром 13 сентября, будучи в городе, Ольга Викторовна услышала разговор о том, что ночью бомбили Севастополь. Отгоняя мрачные мысли, поспешила домой, попыталась связаться с сыном. Неудачно.

Как гром среди ясного неба поразило сообщение командира подлодки: «Андрея больше нет».

Позднее она узнает, что её сын дважды приходил в сознание. Но, надышавшись угарным газом, погиб.

На похороны в маленькое село съехались все сослуживцы и однокурсники Андрея. Говорили об офицерской чести, кадетском братстве, умении Андрея решать дела по-мужски, жертвуя собой, отмечая, что именно такие парни становятся настоящими героями своей Родины.

Старший лейтенант Андрей Сергеевич Коршунов похоронен 17 сентября 2023 года на кладбище посёлка им. Калинина. Посмертно награждён орденом Мужества.

«Здравствуйте, дорогая Ольга Викторовна. Мне Ваш сын по-настоящему был как сын, и вкладывал я в него душу, старался, чтобы он был настоящим офицером, и он им был, и настоящим мужчиной он был. Он был очень большим человеком, каких редко встретишь в нашей жизни. Я его любил, и мне его будет не хватать. Корабль – наш дом, но он не имеет значения без его членов семьи. Наш экипаж – семья, и мы всё сделаем, чтобы восстановить наш дом и продолжить защищать нашу родину. Простите меня, пожалуйста, что не смог сберечь Вашего сына. Храни Вас Господь. Можете мне звонить и писать в любое время дня и ночи по любым вопросам.»

*С уважением, командир подводной лодки "Новороссийск" капитан 2 ранга
Шведа Игорь Игоревич»*

ЗАЩИТНИК И НАСТОЯЩИЙ ВОИН

**НЕСИРОВ
АРСЕН ГАДЖИЭСКЕРОВИЧ**
ЛЕЙТЕНАНТ

13.04.1987–14.03.2023

«Я очень люблю своё село, свою Родину, и если сейчас начнётся война, встану на его защиту». Это строки из сочинения ученика 9-го класса Красивской школы Арсена Несирова. С того момента прошло 20 лет. Парнишка своё слово сдержал... Ценой собственной жизни...

Арсен Несиров родился в дождливую ночь 13 апреля 1987 года в Дагестане, в с. Кувиг Хивского района. На Тамбовскую землю в село Красивое переехал вместе с родителями годовалым крохой. Отец героя Гаджиэскер Несирович работал агро-

номом, в семье воспитывались три сына. Арсен рос, мужал, обретал свои жизненные смыслы, формировался как личность. Учителя удивлялись знаниям парня и ставили его в пример.

После окончания Красивской школы с серебряной медалью Арсен заявил родителям, что хочет стать военным.

Легко поступил в Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище. В военном училище углублённо изучил немецкий, английский. Самостоятельно овладел арабским, турецким и французским языками и, конечно же, родным табасаранским. Отец Арсена часто получал слова благодарности от преподавателей, и военное училище парень окончил с красным дипломом.

Военную службу лейтенант Несиров начал в Бурятии, а затем в рамках миротворческих операций два раза был в Сирии. Талантливый парень часто брал переводчиком на высокие переговоры. Отмечали орденами и медалями.

Кроме того, молодой офицер постоянно занимался саморазвитием, преподавал на военной кафедре Тамбовского государственного университета имени Державина, готовил к изданию книги о войне в Сирии и родном Дагестане. Много читал и обдумывал прочитанное.

С началом специальной военной операции занимался подготовкой мобилизованных в одном из подразделений спецназа в подмосковной Кубинке. Отсюда в декабре 2022 года вместе со своими учениками отправился в Запорожскую область, служил там командиром разведвзвода. «У нас было не принято говорить "нет"», – не раз Арсен объяснял отцу свои поступки. О невзгодах службы говорить не любил, старался беречь родных.

Боевые товарищи Арсена, которые все четыре месяца фронтовой жизни воевали рядом с ним, рассказали его семье, что был он опытным, внимательным, по-отечески заботливым командиром, хотя самому не исполнилось ещё и 36 лет, и верным другом. «Всех нас сберёг, – едва скрывая слёзы, сказал один из его сослуживцев. – Два дня наши позиции массированно обстреливали. Проклятый снаряд тот

миномётный, который вэсэушники выпустили, беззвучно летает и взрывается. Осколок его угодил в дерево и рикошетом попал командиру в голову...»

Старший лейтенант Арсен Гаджиэскерович Несиров героически погиб 14 марта 2023 года в зоне проведения СВО, прикрывая отход разведвзвода из-под огня противника. До спасительного убежища оставался всего шаг – мгновение между жизнью и смертью. Он пропустил вперёд всех, выполнив до конца свой офицерский и человеческий долг.

На память об отце остались детям не только воспоминания, но и его боевые ордена и медали, которые семья хранит в шкатулке, и среди них два ордена Мужества.

Похоронен герой в городе Дагестанские Огни, где в честь Арсена Гаджиэскеровича Несирова названа улица.

НЕ ВЫДЕРЖАЛО СЕРДЦЕ

**НИКИШАНОВ
ДЕНИС НИКОЛАЕВИЧ
РЯДОВОЙ**

14.08.1989–27.11.2023

Так не прошёл и мимо войны на Украине. Не стал бегать от военкомата и 9 октября 2022 года в звании рядового был мобилизован для участия в специальной военной операции. Два месяца проходил обучение в Саратове и Воронеже и в декабре был направлен «за ленточку».

Рядовой Никишанов служил, как и полагается русскому солдату. Звёзд с неба не хватал, но повидал немало: смерть друзей и товарищей, сам много раз уходил от прилётов, спасал при этом не только себя, но и тех, кто был рядом. Сам не говорил с близкими о боях, но сослуживцы впоследствии рассказывали Наталье, что на него всегда можно было положиться, знали, что Денис не подведёт.

Через год Денис Никишанов получил травму и прибыл в отпуск домой, но не успокоился, а сразу же стал собирать гуманитарную помощь. В ноябре у него не выдержало сердце, но и будучи при смерти, Денис попросил Наталью закончить сбор гуманитарной помощи для бойцов, что она и выполнила.

Русский солдат Денис Николаевич Никишанов похоронен на кладбище посёлка им. Калинина Мичуринского района Тамбовской области.

Денис Никишанов родился в селе Гавриловка Сампурского района Тамбовской области. Семью из трёх детей мать тянула одна, и детей часто брала на воспитание бабушка, а позднее – сестра матери. По окончании школы Денис был призван в армию, где получил звание ефрейтора, а вернувшись на Тамбовщину, направился вместе с двоюродным братом на заработки в Москву.

Однажды, приехав в отпуск в Тамбовскую область, Денис встретил девушку Наталью, с которой связал свою судьбу. Никишановы поселились в посёлке им. Калинина Мичуринского района, на малой родине Натальи, и вскоре в семье появились две дочери.

Имея добрый нрав и весёлый характер, Денис был всегда душой компании. Несмотря на испытания, которые пришлось ему пережить, не ожесточился сердцем, спешил прийти на помощь соседям, не проходил мимо чужой беды.

ВИЖУ ЦЕЛЬ И ОБЯЗАТЕЛЬНО К НЕЙ ПРИДУ

РЫЖОВ
СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ
МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
18.03.2002–04.09.2023

Сергей Рыжов родился в 2002 году в селе Заворонежское Мичуринского района в молодой семье. Имя получил в честь деда. Ребёнок был не по годам развит, рано начал ходить, проявлял самостоятельность. Отстаивал свои права, споря с няней в детском саду.

Мужское воспитание дал ему родной дед. Строго спрашивал с ребёнка, не любил враньё и на первое место ставил справедливость.

В первый класс Серёжа пошёл в Москве, а когда перешёл во второй, семья вернулась на малую родину. Мальчик всесторонне развивался, посещал театральный кружок, занимался в художественной самодеятельности. А с пятого класса стал профессионально заниматься в спортивной секции самбо и дзюдо, не прекращая тренировки до 11-го класса, достигнув прекрасных результатов, завоевав много медалей и кубков.

Активный подросток старался принимать участие во всех мероприятиях, учась в школе, был на хорошем счету. К выпускному классу получил два золотых и два серебряных знака ГТО, родные им гордились. Мальчик следил за собой и гордился достижениями. Воспитывал соседских ребятшек и умел дружить.

Всегда взвешенно подходя к решению вопросов, Сергей и к выбору будущей профессии подошёл основательно, заявив в 10-м классе маме Валентине Сергеевне, что мечтает стать десантником.

Вместе с родителями пошёл в военкомат, прошёл медкомиссию, занялся физподготовкой. Были трудности, но на предложение мамы отступить непреклонно заявил: «Нет. Цель я свою вижу и к ней приду». И добился. Посту-

пил в Рязанское воздушно-десантное училище, которое успешно окончил гвардии сержантом в марте 2023 года и был направлен для прохождения службы в Хабаровск, уже 31 мая Сергею Рыжову было присвоено звание «младший лейтенант». Перед распределением Сергей так и говорил родным, что мечтает служить на Севере. Молодого офицера направили в Оренбург, в посёлок Тоцкое. Чтобы родные не волновались, Сергей постоянно им звонил и особенно долго разговаривал с бабушкой. Делился впечатлениями о городе. Вообще очень любил большие города. В июле 2023 года побывал в Санкт-Петербурге и был впечатлён его красотой, посетил много музеев, сделал много красивых фотографий.

Службу Сергей нёс в должности начальника связи управления реактивного артиллерийского дивизиона, командира взвода. Предупредил родных, что будет готовиться к боевым действиям.

В августе Сергей позвонил маме и сообщил, что направляют в Луганскую Республику. Старался звонить родным раз в три дня, чтобы близкие не волновались.

Последний раз вышел на связь 3 сентября, а 6-го в дом к Рыжовым пришла страшная весть. Младший лейтенант Сергей Вячеславович Рыжов погиб в Северодонецком районе Луганской Республики.

Похоронен в селе Заворонежское Мичуринского района Тамбовской области.

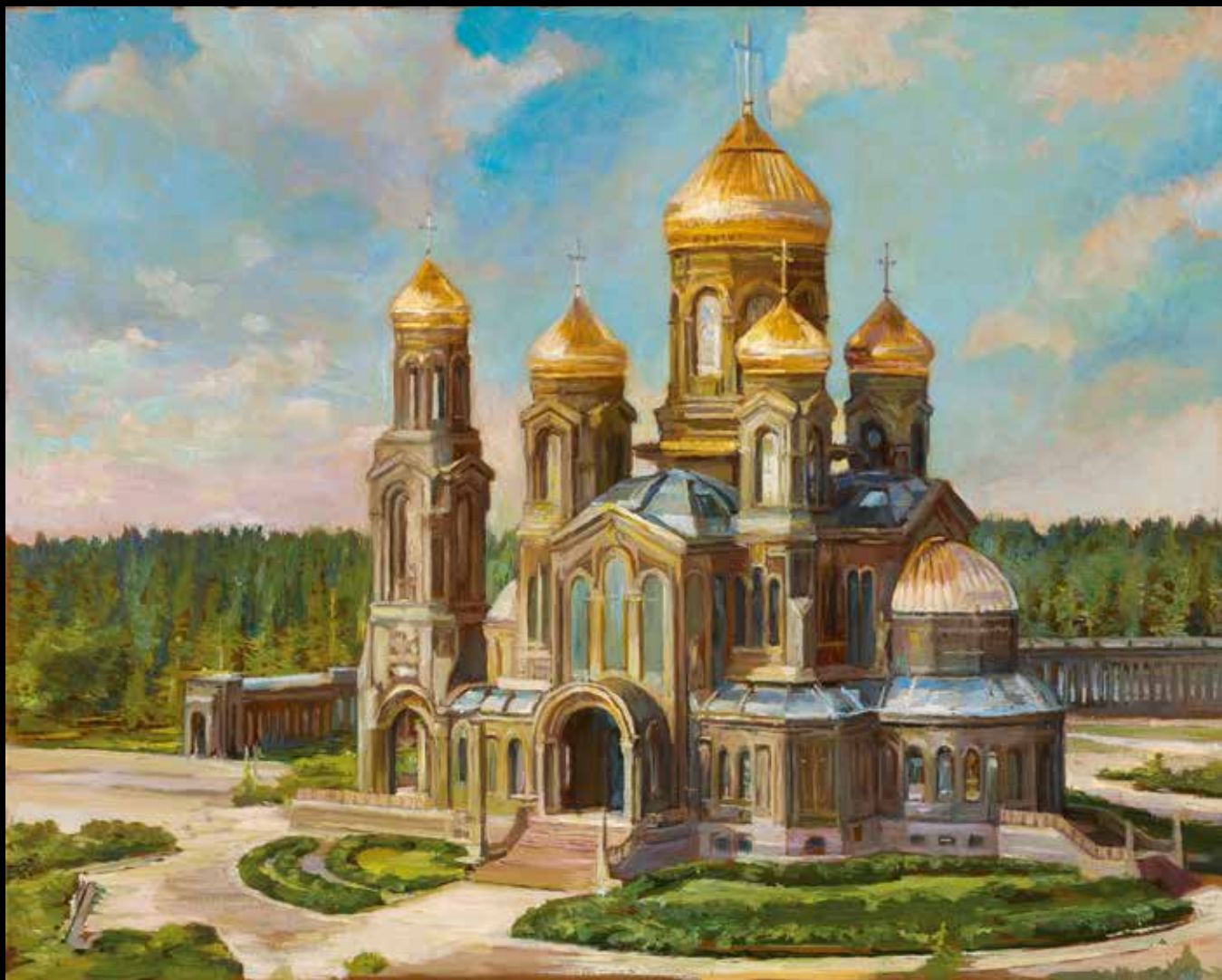

Никас Сафронов. Георгий на коне на Земном шаре. Х., м. 2008 г.

Никас Сафронов. Сон о Москве. Х., м. 2019 г.

Никас Сафронов. Главный храм Вооружённых сил России

Никас Сафронов. Во славу Отечества. Х., м. 52 x 66. 2009 г.

Нина ИЩЕНКО

ЭЛИАС, ДОНБАСС, СВО – НОВЫЙ ОБРАЗ РЫЦАРЯ С ЛЕБЕДЕМ

Война в Донбассе, начавшаяся в 2014 году под знаменем воссоединения с Россией, перешла в 2022 году в новую фазу: в феврале 2022 года началась СВО (день Z), и в том же году республики Донбасса вошли в состав Российской Федерации. Художественное отражение в слове событий этого трагического восьмилетия позволяет сохранить смыслы и образы противостояния с Украиной, воодушевлявшие людей Донбасса все эти годы. Отражение события в искусстве – один из способов трансляции его смысла сквозь пространство и время нашим современникам вне Донбасса и другим поколениям. В этом аспекте представляет особый интерес поэма «Элиас» и образ военного Донбасса, созданный в этой поэме Еленой Заславской.

Поэма Елены Заславской «Элиас» написана в Луганске в 2022 году и выложена на сайте автора. Поэма посвящена военным событиям на Донбассе с 2014 года. Особенностью поэмы является художественный синтез личных впечатлений автора, живущего в обстановке войны на Донбассе, и широкого спектра семантических

ассоциаций, символически включающих топографическое пространство Донбасса в несколько культурных миров. Рассмотрим основные культурные пространства, интегрированные в поэме, а именно: античность, европейскую католическую культуру, русскую культуру. Сюжетом, позволяющим соединить топографию Донбасса с этими рядами смыслов, выступает история о Рыцаре с лебедем.

РЫЦАРЬ С ЛЕБЕДЕМ

Рыцарь с лебедем – персонаж ряда европейских литератур. Первые тексты о нём сложены в XII веке на территории Льежа или Фландрии. В разных европейских традициях он называется Лоэнгрин, Лоэрангрин, Элиас.

Рыцарь с лебедем – легендарный предок реального участника Первого крестового похода Готфрида Бульонского. Именно в составе его генеалогии впервые появляется эта история, разбитая на три части, условно названные «Рождение Рыцаря с лебедем», «Рыцарь с лебе-

дем» и «Конец Элиаса». Популярность история приобрела в XIX веке, в эпоху расцвета романтизма и пробуждения интереса европейцев к средневековой культуре. Первой в это время стала известна средняя из трёх частей, выступавшая как самостоятельный сюжет. Эта часть легла в основу поэмы Елены Заславской, и на этой части мы сосредоточим наше внимание.

История Рыцаря с лебедем известна как в хрониках, так и в поэтических произведениях. Ольга Попова суммирует сюжетную схему истории следующим образом:

- Рыцарь с лебедем прибывает в ладье, влекомой лебедем;
- Рыцарь с лебедем вступает в брак;
- Лебедь возвращается, Рыцарь с лебедем уплывает;
- От Рыцаря с лебедем происходит знатный род.

Татьяна Михайлова отмечает, что, хотя история Рыцаря с лебедем чисто литературного происхождения, она включила ряд фольклорных мотивов, бытовавших в разных устных традициях европейского континента. Базовым

является мотив о браке человека с чудесным существом из иного мира. Иной мир, мир волшебных созданий, существует наряду с миром людей. В этот мир ведёт водный путь, доступный только мифическому персонажу. В истории Элиаса таким персонажем-медиатором оказывается лебедь.

СУПРУГ ИЗ ИНОГО МИРА

Брак с Элиасом завершается тем, что Рыцарь покидает свою супругу. Мотивировки этого поступка различаются в разных версиях. Чаще всего приводятся два варианта: жена Рыцаря нарушает запрет не спрашивать его имя и за Рыцарем приплывает лебедь. Эти варианты встречаются один без другого или комбинируются. Ольга Попова показывает, что таким образом в литературный текст входят фольклорные представления устной традиции.

Сюжет о браке с персонажем из иного мира известен в фольклоре всех народов. Характерной чертой этого архаического сюжета являются брачные табу, отражающие реальные практики древних сообществ. Так, Елеазар Мелетинский отмечает среди архаичных брачных табу следующее: муж и жена не должны называть личного или родового имени друг друга. В случае нарушения табу супруг может вернуться в родительскую семью. Как мотивы запретного вопроса и его нарушения, так и мотив поиска потерянного супруга характерны для сказочных сюжетов о браке смертной женщины с существом из иного мира.

Имя не только в языческих, но и в средневековых обществах всегда связано с происхождением, оно показывает социальный статус персонажа и указывает на его родину и предков. В литературных текстах об Элиасе запрет спрашивать об имени означает запрет говорить о стране, откуда он родом, рассказывать об ином мире. Так, в «Песни о Рыцаре с лебедем и Готфриде Бульонском» Элиас просит не спрашивать, откуда он прибыл, потому что его страну никто не знает и никогда не узнает. Это объяснение констатирует факт – пришелец из иного мира не говорит о своём мире среди

обычных людей, что принимается как данность и поэтом, и его аудиторией.

РЫЦАРЬ-ИЗМЕННИК

Единственным автором, давшим рациональное объяснение мотиву запретного вопроса, является Вольфрам фон Эшенбах (1170–1220). В рыцарском романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (около 1200 г.) Рыцарь с лебедем, Лоэрангрин, является сыном Парцифалья, одного из рыцарей Грааля. Лоэрангрин также состоит в братстве рыцарей, ищущих Грааль. Лоэрангрин у Вольфрама фон Эшенбаха объясняет, что, если любой из рыцарей Грааля, правящий в одной из земель, будет спрошен о том, кто он, Бог сразу же позовёт его обратно. Запрет на вопрос мотивируется тем, что Анфортасу, Королю-Рыбаку, хранителю Грааля, слишком долго пришлось ждать, когда ему зададут спасительный вопрос о Граале, хранящемся в его замке, чтобы он смог завершить свою миссию.

Попытка рационализации выглядит не до конца продуманной, но она позволяет интегрировать в сюжет тему поиска святого Грааля. Легенды о святом Граале складываются в европейских культурах в XII–XIII веках. Грааль означает чашу с кровью Христовой. Эта чаша

имеет мистический и религиозный смысл. Глубинный смысл поисков Святого Грааля в том, что это вечный поиск истины, поиск собственного «я», Грааль нельзя заслужить и отвоевать силой, он подобен благодати, посланной свыше. Братство святого Грааля означает союз людей, объединённых духовной целью. Обретение Грааля не только важно для самого рыцаря, нашедшего его, но и одухотворяет, облагораживает, возрождает всю землю. Рыцари Грааля отказываются от обычной жизни и идут на подвиг ради священной цели.

В таком аспекте становится понятным, что рыцарь Грааля, вступающий в брак и ведущий спокойную жизнь, когда все его духовные братья заняты поисками, изменяет своей миссии. Вопрос об имени напоминает Рыцарю о его долге и заставляет его вернуться к поискам Грааля. Таким образом, Лоэрангрин-Элиас выступает как рыцарь Грааля, забывший о своих обетах ради брака. Когда супруга задаёт ему вопрос об имени, голос совести или голос Бога, что в данном случае одно и то же, заставляет его вернуться к выполнению миссии.

Вторая мотивировка расставания с супругой, появление лебедя, забирающего Рыцаря обратно в иной мир, многими авторами приводится как общее место, без дальнейшей детали-

зации. Брак с существом из иного мира, по сути, является временным, он всегда заканчивается возвращением иномирного персонажа в своё пространство. Такое развитие сюжета соответствует фоновым ожиданиям аудитории и не вызывает никаких вопросов. Так, во французской поэме «Рыцарь с лебедем» герой говорит, что покинет жену, когда за ним приплывает лебедь. Этот мотив далее не развивается.

БРАТСТВО ГРААЛЯ В ПОЭМЕ «ЭЛИАС»

Подведём промежуточный итог. В средневековой легенде Элиас, Рыцарь с лебедем, приплывает по реке, соединяющей мир людей и иной мир, где живут нечеловеческие существа. В этом ином мире Элиас был занят поиском святого Грааля вместе с другими рыцарями братства. Ради брака Элиас забывает о своей миссии. Он покидает жену, когда она через несколько лет брака всё же спрашивает о его имени. В этот момент за Элиасом приплывает лебедь, и Рыцарь уходит в иной мир на поиски Грааля.

Этот сюжет включает три мотива из четырёх, найденных О. В. Поповой: Рыцарь приплывает по реке с лебедем; Рыцарь вступает в брак; за Рыцарем приплывает лебедь, и Рыцарь покидает супругу. Все три мотива присутствуют в поэме Елены Заславской «Элиас». Проанализируем три культурных пространства, включённых в поэму, и их связь как с географическим Донбассом, так и с сюжетом о Рыцаре с лебедем.

Формально поэма закольцована: в финале объясняется, как произошло то, что описано в прологе. Пролог написан от имени женщины, потерявшей Элиаса. Ей осталось только вспоминать его имя. История их любви описана в поэме.

ДОНБАСС – МИР МЁРТВЫХ

Действие происходит на Донбассе. В поэме приводятся реальные названия конкретных городов Республик: Луганск, Донецк, Счастье, Станица. Пространство Донбасса описано как территория войны, идущей здесь с 2014 года:

*Забывтый край. Война. Чума.
С недавнего ещё пожары...
Огонь и дым, и запах гари...
минные поля...
земля дрожит и стонет...
разбитый храм...
Мы попадаем под обстрел
и... погибает.*

Уже в первой части поэмы появляется отсылка к некой общности: герой не один, он часть группы, обозначаемой как «мы». Мы находимся на территории Донбасса. Очевидно, что эта общность – ополченцы 2014 года, вставшие на защиту Донбасса. В то же время в мифологическом пространстве поэмы – это братство рыцарей Грааля, выполняющих свою миссию.

Реальные топонимы донбасского пейзажа тоже существуют как в географическом, так и в мифическом пространстве:

*В лодке, запряжённой лебедем,
по воздуху, а потом по воде,
оттолкнувшись от подоконника,
прямо в Донец.*

Так, река, по которой Элиас приплывает в мир людей, оказывается самой крупной рекой региона, Северским Донцом. Она течёт среди донбасских степей, и одновременно она течёт в двух мирах, соединяя мир людей и иной, нечеловеческий мир. Как иной мир Донбасс характеризуется и в других произведениях Елены Заславской. Так, в поэме «Звезда Бетельгейзе» Донбасс как часть Новороссии оказывается несуществующей страной, «не нанесённой на Google Карты». Здесь наиболее ярко выступает характеристика Донбасса как земли, которой нет, не существует для живых и среди живых, что представляет собой древнейшее определение мира мёртвых, подлинного иного мира всех мифов.

ДОНБАСС ЯЗЫЧЕСКИЙ

Иной мир в поэме «Элиас» имеет тройную природу, то есть располагается сразу в трёх символических пространствах. Это реальный географический Донбасс, но в то же время он населён волшебными существами, пришедшими из греческих мифов. Сама река, соединяющая миры, – это могучий Сиргис, упоминаемый Геродотом. На его берегах разворачивается современная война, описанная в образах античного мифа:

*Здесь через минные поля
бредут кентавры к водопою,
под их копытами земля
дрожит и стонет.*

*Козлобородый дерзкий Фавн
из «мосинки» сбивает Дрона...*

*Водитель наш, как Ихтиандр,
свои выкашливает жабры.*

Хотя Ихтиандр – персонаж повести русского писателя-фантаста А. Беляева «Человек-амфибия», имя его составлено из греческих корней и означает «рыба-человек», то есть ещё одно чудовище греческого пантеона. Так тема России впервые в поэме соединяется с темой иного мира. В дальнейшем это сопоставление будет раскрыто автором, на чём мы ещё остановимся.

Итак, Донбасс выступает одновременно как географическое пространство войны и как иной мир, населённый волшебными существами греческих мифов.

ДОНБАСС – ЗЕМЛЯ МАДОННЫ

В том же пространстве сквозь мифические напластования проступает ещё один, третий облик этой земли – это христианское пространство, земля Мадонны:

*Мне видится разбитый храм
и непорочная Мадонна...*

*Волны подо мною.
Звёзды надо мною,
словно
очи ясные
Мадонны...*

Автор употребляет католическое именование Богоматери, что естественно для переложения средневековой католической легенды. В то же время перед нами явная отсылка к образу России как удела Богородицы, о чём писал Александр Дугин в своём исследовании русского дизайна. Эта характеристика России также будет использована автором далее.

АСПИДЫ И ДРАКОНЫ

Христианская составляющая поэмы реализуется в образах дракона и аспида, также населяющих Донбасс:

*Минуя снайперов
и дронов,
летающих аспидов
и драконов...*

В большинстве случаев аспид представлен в виде крылатого двуногого существа с рогами, клювом, крыльями и хвостом, но иногда подчёркивается ухо существа, то есть перед нами «аспид глухой». «Аспид», согласно апокрифической легенде физиологов, затыкает уши от гласа «обовающих». Ловля аспида становится метафорой проповеди, которую слышат верные и которую не хотят воспринимать дьявол и его слуги.

Дракон также представляет собой библейский образ. Наиболее часто дракон упоминается в книге «Откровения» Иоанна Богослова, где описывается конец света. В библейских текстах дракон, он же змея, символизирует Антихриста и по метонимии любого представителя злых сил. С драконами сражаются средневековые европейские рыцари. В то же время дракон в образе Змея Горыныча является и персонажем русских народных сказок, перенося читателя в пространство русского фольклора. В русском культурном пространстве христианская симво-

лика соединяется с народной стихией. К этому же фольклорному пространству сказки отсылает описание Элиаса после пересечения реки:

*Новое имя. Новое лицо.
Новые шрамы поверх старых.
Будто в молоко нырнул
и вынырнул молодцом.
И мои затянулись раны.*

Перед нами ещё одна отсылка к русской культуре и маркер принадлежности Донбасса к России.

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР И СЕВЕРНЫЙ КРЕСТ

Перечислим отмеченные выше образы, связывающие Донбасс и Россию: Ихтиандр – чудовищный обитатель Донбасса из произведения русского писателя, Донбасс как земля Богородицы, библейские аспид и змей / дракон, а также обряд омоложения из русских сказок. Европейский сюжет разворачивается в русском символическом пространстве. Рассмотрим, как в поэме изображается Россия.

В первую очередь Россия ассоциируется с севером, с Россией связаны северный ветер и Северный Крест. Северный Крест – видный астеризм в северном полушарии небесной сферы. Образован ярчайшими звёздами созвездия Лебедь – Денебом, Садром, Дженахом, Дельтой Лебеда и Альбирео. Россия выступает как страна, чей символ лебедь – посредник между мирами, призванный забрать героя обратно из мира обычных людей.

Также в поэме упоминается столица России:

*Что тебе снится,
родная столица?
Снится Луганск тебе?
Или Донецк?
Счастье или
Станица?*

Так символический центр России Москва связывается с основными топонимами Донбасса, иного мира, территории войны. Тема войны

раскрывается и дальше в связи с темой православной империи и византийского наследия:

*Война гыр-гыр-гыр.
Кладбище вишь, вишь, вишь.
Вот он, ваш Русский мир.
Вот он, ваш Третий Рим!*

Иномирный Донбасс, исключённый из нормальной жизни и погружённый в царство смерти, оказывается инобытием имперской столицы, ценой, которая платится за существование Третьего Рима и сохранение христианства.

ИСКУШЕНИЕ МИРОМ БЕЗ ПОБЕДЫ

Таким образом, иной мир, откуда пришёл Элиас, расширяется до России в целом. Это христианская империя и земля Богородицы, создаваемая среди войны, смерти и мифологических чудовищ, только и способных выжить в этом пространстве смерти. Воссоздание христианской империи на земле Донбасса – это и есть миссия братства Грааля, от которой отказался Элиас ради любви:

*Восемь лет не смотрел я на образа,
восемь лет не прикладывал губ к потиру,
восемь лет со мной были её глаза,
восемь лет ни войны, ни мира...*

Через восемь лет после начала войны, в 2022 году, любимая предлагает Элиасу навсегда остаться вместе в удалённом от мира небесном уголке:

*Денеб, Эпсилон, Дельта,
NML, Тау, Эта, Ро...
Полетели со мною
на небо!
Там спокойно
и там светло.
Будем жить в созвездии Лебеда,
далеко от мирских забот.*

Но место, которое она выбрала, совпадает с созвездием Лебедя, включающего Северный Крест. Это название – сигнал, пробуждающий Элиаса и заставляющий его вернуться в свой мир на поиски чаши Грааля:

– В небе вечернем Северный Крест –
мой ориентир в ночи.
Разрушенный маленький храм
я искал,
с Мадонной на целой стене.
– И что там?
– Святой Грааль.
Чаша, виденная во сне.

Лишь ею
я овладею –
северный ветер
повеет!
Лишь ею
я овладею –
наступит день Z,
и встанет с колен
Расся,
моя большая Расся,
во славу грядущих побед!

Употреблённое здесь просторечное название России – Расся – ещё один способ подключить к повествованию мир народного творчества, архаичных русских мифов и древних героев. Россия древняя и современная, христианская и языческая выступает как единая сила в день Z, день обретения святого Грааля Элиасом.

СВО, ГРААЛЬ И ВЕЛИКАЯ РОССИЯ

Подведём итоги. В поэме Елены Заславской интегрируются три символических простран-

ства: античность, европейская христианская культура, а также русская культура, как христианская, так и языческая. Географический Донбасс существует во всех трёх пространствах: это иной мир, мир смерти и войны, в то же время это мир, населённый персонажами греческих и библейских мифов, и одновременно – земля русских сказок и удел Богородицы. За включение Донбасса в пространство христианской империи борется братство Грааля, то есть ополченцы первой волны, 2014 года. В этом контексте разворачивается история Элиаса, повторяющая сюжет средневековой легенды о Рыцаре с лебедем.

По реке Донец – Сиргис Элиас уходит из пространства смерти, покидает восставшие республики. В реальности по Донцу в 2014–2022 годах проходила граница между республиками и занятыми Украиной территориями. Герой попадает на Украину, меняет имя, встречает любовь и восемь лет живёт простой мирной жизнью после смерти, забыв все ужасы войны. Восемь лет спустя любимая нарушает зарок: она не спрашивает имя рыцаря, но упоминает лебедя – символ иного мира и северной России в мифопоэтическом пространстве поэмы. Как и в средневековых поэмах, Элиас бросает мирную жизнь, возвращается в иной мир и продолжает поиски. Обретение Грааля в храме Богородицы знаменует наступление дня Z – начала возвращения Донбасса в русское пространство, отступление с этих территорий царства смерти, приход Русского мира и Третьего Рима.

Так в поэме Елены Заславской средневековый европейский сюжет, включающий архаичные мифы о браке человека с существом из иного мира, разворачивается в современных донбасских реалиях и отражает христианские и имперские смыслы первого этапа идущей в Донбассе войны.

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

Элиас

ИСТОРИЯ РЫЦАРЯ С ЛЕБЕДЕМ В РЕАЛИЯХ
ВОЕННОГО ДОНБАССА. ВСЕ ГЕРОИ РЕАЛЬНЫ,
ВСЕ СОВПАДЕНИЯ НЕ СЛУЧАЙНЫ, ВСЕ ПРАВА
БЕЗЗАЩИТНЫ!

ПРОЛОГ

Ты сам выбрал эту роль:
быть тенью,
жить там,
куда не проникает солнечный свет,
куда душа моя по ледяным ступеням
бредёт в крошечной тьме.
Может, я забуду к тебе дорогу.
Может, я никогда не приду.
Может, я вымолю у Бога
никогда не видеть свою беду:
ни утром,
ни в полуночных бдениях,
ни в бреду,
ни когда пьяна,
ни лицом к лицу,
ни в отражениях,
ни бодрствуя,
ни во снах.
Но иногда
я спускаюсь на дно
своего отчаяния,
в гибельную стынь,
окунаюсь в глаза печальные,
в лазоревую синь.
В прорубь, вглубь.
Кровь искусанных губ.
Забудь.
Не зови меня, тень.

Но зачем,
когда наступает день,
я складываю из букв
дорогое имя твоё?
Элиас ¹.

2

В пути. Дорога как стрела
была бы, если б не ухабы,
а так мы тащимся едва ль,
так по волнам плывёт корабль.
Водитель наш, как Ихтиандр,
свои выкашливает жабры.
Забывший край. Война. Чума.
С недавнего ещё пожары.
Здесь через минные поля
бредут кентавры к водопою,

¹ Элиас – одно из имён Рыцаря Лебеда, которого, как известно, в немецком варианте звали Лознгрин. В брабантском, нидерландском, варианте его звали Элиас. А так как автор сего текста питает особую любовь к королевству Нидерланды, было решено взять именно это имя для повествования. Русский вариант имени нашего героя мы оставим в секрете.

под их копытами земля
дрожит и стонет.
Козлобородый дерзкий Фавн
из «мосинки» сбивает Дрона.
Мне видится разбитый храм
и непорочная Мадонна.
Наш путь далёк. Сокрыта цель.
Огонь, и дым, и запах гари.
Мы попадаем под обстрел
и... погибаем.

3

Тёмная дума в сердце моём
прорастает чёрным ирисом,
бархатистым
остролистым цветком,
забыть обо всём и
забыться,
не иметь
ни пристанища,
ни приюта,
не иметь
ни голоса,
ни лица, –
вот он мой путь,
но когда сон,
этот лёгкий мотылёк –
предвестник утра,
присаживается на ресницы,
самые сладкие грёзы
просыпаются...
Презрев все законы,
и закон земного тяготения,
навстречу судьбе –
в лодке, запряжённой лебедем,
по воздуху, а потом по воде,
оттолкнувшись от подоконника,
прямо в Донец.
Все считают меня покойником.
А может, и правда,
я – мертвец.

4

Минуя снайперов
и дронов,
летающих аспидов
и драконов...
Волны подо мною.
Звёзды надо мною,
словно
очи ясные
Мадонны.
Могучий Сиргис¹,
мы все ещё живы!
Быть может, мне всё приснилось?
Но кровь закипает в жилах,
и лебедь плывёт неспешно,
как будто в запасе вечность.
Дева выходит на берег.
Нам суждена эта встреча.
Она – неизбежна.

5

Новое имя. Новое лицо.
Новые шрамы поверх старых.
Будто в молоко нырнул
и вынырнул молодцом.
И мои затянулись раны.
Восемь лет не смотрел я на образа,
восемь лет не прикладывал губ к потиру,
восемь лет со мной были её глаза,
восемь лет ни войны, ни мира...
А глаза её – небеса и свет,
а глаза её – васильковый синий,
и казалось мне, что счастливее нет
человека в мире.
Об одном просил я свою любовь,
чтобы не допытывалась, не молила:
– Ты же знаешь, милая,
мой позывной,
но никогда
не спрашивай
моё имя.

¹ Сиргис – река Северский Донец, протекающая по территории юга Восточно-Европейской равнины, в том числе через территорию Луганской Народной Республики. Согласно трактатам древнегреческого историка Геродота Геликарнасского, эта река в древности называлась Сиргис.

6

– Денеб, Эпсилон, Дельта,
NML, Тау, Эта, Ро... ¹
Полетели со мною
на небо!
Там спокойно
и там светло.
Будем жить в созвездии Лебеда,
далеко от мирских забот.
– Ещё не время.
Небо подождёт.
Земля моя
напиталась болью,
Земля моя
из развёрстых недр
рождает героев,
готовых кровью
платить за возможность
на ней умереть.

7

Северный ветер.
Северный Крест.
Что тебе снится,
родная столица?
Снится Луганск тебе?
Или Донецк?
Счастье или
Станица?
А враги говорят,
будто здесь ОРДЛО,
а враги говорят,
Регион тринадцать,
говорят – здесь Мордор,
и не должно
даже камня на камне
от нас остаться.
Война гыр-гыр-гыр.
Кладбище вширь, вширь, вширь.
Вот он, ваш русский мир.
Вот он, ваш Третий Рим!

8

– Как твоё имя? Зачем ты здесь?
Ответь! Не молчи.
– В небе вечернем Северный Крест –
мой ориентир в ночи.
Разрушенный маленький храм
я искал,
с Мадонной на целой стене.
– И что там?
– Святой Грааль.
Чаша, виденная во сне.
Лишь ею
я овладею –
северный ветер
повеет!
Лишь ею
я овладею –
наступит день Z,
и встанет с колен
Расся,
моя большая Расся,
во славу грядущих побед!

9

– Дельта-Эпсилон – крылья.
Денеб – хвост.
Альбирео – клюв².
Я знаю, что ты любила,
но лучше забудь!

ЭПИЛОГ

Глядя на небо,
на Северный Крест,
он палец подносит к губам:
– Это наш секрет:
мы когда-нибудь
встретимся там.
И свет моей жизни погас.
Прощай,
Элиас!

¹ Денеб, Эпсилон, Дельта, NML, Тау, Эта, Ро – звёзды созвездия Лебеда. Лебедь – созвездие северного полушария неба. Яркие звёзды образуют характерный крестообразный рисунок – астеризм Северный Крест, вытянутый вдоль Млечного Пути.

² Обычно созвездие Лебеда изображается Дельтой (δ), Эпсилон (ε) – в качестве его крыльев. Денеб, самая яркая звезда в созвездии, находится у его хвоста, а Альбирео – в качестве кончика клюва.

Андрей КОВАЛЕНКО

Родился в 1985 году в Белогорске Амурской области. По профессии – математик, программист.

На данный момент проживает в Благовещенске Амурской области.

Работает в строительной сфере, а также в области разработки программных решений, мобильных приложений, автоматизации сферы торговли, учёта и промышленного производства. Краевед, прозаик, публицист.

Представляет подборку «Пограничные рассказы» о службе на границе СССР и Японии в районе Благовещенска в 1930–1940 годах.

ПОГРАНИЧНЫЕ РАССКАЗЫ

НА ДВА ГОДА СТАРШЕ

Подтянутый молодцеватый майор в чистой форме быстрым шагом прошёл по твёрдой как камень почве. Снег в Токарёвке Воронежской области в этом году сошёл раньше обычного. Потому к первым числам апреля на удивление под весенним солнцем земля быстро высохла и затвердела. Не настолько, чтобы проезжающие редкие автомобили, конные повозки или люди поднимали много пыли. Но достаточно для того, чтобы пыль плотным слоем покрывала любые сапоги.

Майор прошёл по краю железнодорожной площади и свернул к стоявшему чуть в углублении магазину. Перед широким крыльцом сидел старый худощавый точильщик, который, облокотившись на деревянные перила, дремал.

– Здоров, Игнатьич! – майор подошёл и похлопал мужчину по плечу.

– Что? Кто? – по-старчески медленно открыл глаза тот и приподнялся. – А, товарищ майор! – протяжно отметил старик. – А я думаю, кто тревожит сон старого больного Захара Игнатьевича!

– Ну так а кто же?! – усмехнулся майор и присел на край третьей из пяти ступеней крыльца сельского магазина. – А ты всё, значит, тут?

– Тут, Ванечка. Тут! В мои годы уже мало куда можно двигаться, а про переезд – забудь! Это тебе надо идти в гору, служить, работать, развиваться! А моё дело уже одно!

Майор вытащил портсигар, достал папиросу и неспешно стал разминать табак пальцами. О чём-то задумавшись, он посмотрел вдаль на железнодорожный вокзал, потом провёл взглядом по всей площади, медленно рассматривая чуть ли не каждого прохожего. Наконец он остановился на молодом вихрастом пареньке. Тот сидел примерно в десятке метров на углу соседнего дома на куске бревна и, склонившись в три погибели, что-то шил, орудуя толстой иглой со вставленной серой ниткой.

Губы офицера слегка дёрнулись в ухмылке, но ненадолго. Он прищурил глаза, рассматривая простецкую крестьянскую одежду паренька. Тот выглядел по лицу лет на пятнадцать, весу нельзя было дать и трёх пудов, хотя не сказать, что ростом не вышел. Однако одежду юноша как будто снял с высокого и тучного мужчины: штаны на нём повисли мешком и почти полностью закрывали стопы.

– Будешь? – вставив себе папиросу в рот, майор предложил закурить своему знакомому точильщику.

– О! Да у тебя заканчиваются! – протянул Захар Игнатьевич, но взял три папиросы, сунув две в карман на груди. – А ты чего тут, в Токарёвке, оказался? Я думал, ты в Воронеже давно!

– А я приехал в призывной пункт с целью проконтролировать и просмотреть ход призыва! Вот и иду в сельпо купить папирос. – Майор засмотрелся на вихрастого паренька и опустил руку.

Портсигар тут же полетел вниз, в пыль. Однако его очень ловко успел ухватить рукой точильщик. Для этого старику пришлось несколько наклониться. Поднимаясь, он плечом задел форму майора и приподнял её, показав пояс. Из кармана торчал небольшой ножик с очень красивой ручкой.

– О-о, Ванюша! Да у тебя ножи есть! – улыбнулся точильщик. – А покажи, что за нож!

Офицер достал нож в грубых кожаных ножнах, явно самодельных.

– О! – улыбнулся старик. – Ручка хорошая, добрая, а ножны крестьянские. Нож красивый, добротный, а не наточен. Как так?

Точильщик снизу вверх посмотрел на майора. Тот некоторое время подумал, потом с улыбкой кивнул, закрыв глаза. Старик поудобнее устроился на своём месте и ногой принялся раскручивать точильный круг. Майор закурил и вновь посмотрел на действия вихрастого паренька. Сейчас стало понятно, что тот методично сшивает два куска тонкой кожи, пытается сделать аккуратные ножны. Тонкий нож оказался рядом – когда юноша пошевелил ногой, то офицер увидел блеснувший клинок на бревне почти у самого бедра. Рукоятка отсутствовала.

– Сашка, – спокойно пояснил точильщик, контролируя процесс заточки. – Помощник мой! Взял его к себе. Смышлёный малый, инструмент любой умеет держать. Вот умру – возьмёт мой станок и точильщиком будет зарабатывать на хлеб.

– А чего по родительским стопам не пойдёт? Сирота?

– Да если бы! – старик на время перестал точить, рассматривая лезвие ножа. – Он же палушкинский. Захара Палушкина сын, Захара

из Знаменки! Из бедняков таких, что... – старик настолько распереживался, что даже нервно задёргал головой, отчего на мгновение опустил руку с ножом.

– Вижу! – майор обратил внимание, что сейчас стала видна деревяшка, примотанная к стопе юноши. – Верю! Но скажи: кто у нас не из таких сейчас здесь? Я вот тоже чего только не ел в детстве! – Майор стал с силой тереть пальцы рук друг о друга и сжал зубами папиросу.

– Не без этого! – старик опять принялся затачивать офицерский нож. – Но этот... Понимаешь, знавал я егойного отца. Тёзка мне... Хотел выбиться в люди, работал. Да вот детей у него столько оказалось, за всеми не уследишь. А потом он того... – и Игнатьич махнул рукой куда-то неопределённо в сторону.

– Так такому тогда надо в армию идти! – майор взял у старика свой нож, посмотрел на него, выразив удовлетворение. – В армию как раз идут бедняки. Учиться, служить. Родину защищать! – Офицер протянул в ответ несколько монет в горсти.

– Да куда ему там! Ему же вот недели две как шестнадцать исполнилось!.. – усмехнулся Захар Игнатьевич. – Я же помню, когда он появился! У меня же в тот год жену загубили...

– Антоновцы? – больше утвердительно сказал майор, нежели спросил. – Помню этих гадов! Мне тогда двадцать было. И я только прибыл во втором эскадроне первого кавполка на ликвидацию бандитов. Как сейчас помню: комполка Николай Михайлович Дронов, а командиром эскадрона служил Георгий Константинович Жуков. Ой, сколько я в составе эскадрона набегался по этим степям!.. – офицер с ностальгией покачал головой, его лицо расплылось в довольной улыбке.

– Так ты когда прибыл? Под Новый год, кажись...

– Примерно... В декабре, а то и в конце ноября.

– А жена моя душу отдала в сентябре. А этот, палушкинский... Он весенний.

– Значит, ещё два года ему?!

– Да! Глядишь, за это время я помру, а он

после меня начнёт работать. Так что в армию ему рановато ещё. Рановато.

– Фамилия! Имя! Отчество! – громко приказал старший лейтенант, начальник призывного пункта по Токарёвке и Токарёвскому району Воронежской области.

– Палушкин! Александр Захарович, – худощавый вихрастый парень стал по стойке смирно, вытянув руки вдоль обнажённого тела.

– Дата рождения!

– Двадцать первое марта одна тысяча девятьсот восемнадцатого года!

– Врёт!

Врач сидел слева от старшего лейтенанта. Сейчас он наклонился и произнёс слово шёпотом. Справа от командира сидел лейтенант, заполнявший необходимые бумаги, чуть дальше – девушка, которая собирала и подавала дела призывников. Чуть дальше в углу за отдельным столом сидел прибывший из области майор. Он наблюдал за ходом работы призывного пункта. Старший лейтенант знал старшего по званию офицера, неоднократно пересекался по службе, был знаком по Гражданской войне. Однако на всякий случай поглядывал на майора и старался быть построже.

– Сколько тебе полных лет? – громко поинтересовался старший лейтенант.

– Восемнадцать, товарищ старший лейтенант!

– Врёт! – опять наклонился врач. – Тело подростка, не сформировано! Ему от силы лет пятнадцать!

– Товарищ военврач говорит, что тебе пятнадцать! – старший лейтенант приподнялся и, прищулив глаз, пристально уставился на призывника. – Не похож на восемнадцатилетнего! Ладно год себе приписывают. Но три!..

– Я из бедняков, товарищ военврач, недоедал. Всю жизнь питался плохо. Но мне восемнадцать.

Вихрастый юноша повернулся в сторону, быстро стараясь отыскать возможность продемонстрировать свою удаль и силу. Там стояла очередь призывников на взвешивание и измерение роста. Парень сделал пару шагов,

подошёл к последнему в очереди, сунул руки под мышки и резко потянул вверх, стараясь поднять. Ноги призывника оторвались от пола примерно на три-пять сантиметров, но не больше. Тот тут же закрутился и спрыгнул:

– Ты чего, тютя? – закричал он.

– Отставить! – бросил старший лейтенант. В углу поднялся майор.

– Силён! – усмехнулся он, подходя к вихрастому парню. – Но, кажется, у тебя все в роду такие бывали, верно?

– Так точно, товарищ старший офицер! – выпрямился по стойке смирно вихрастый.

– Майор! Два прямоугольника – майор! Надо бы знать, товарищ призывник! – старший лейтенант вышел из-за стола.

– Твоё лицо напоминает мне кого-то... – майор покрутил головой и наконец щёлкнул пальцами. – А ты не из Знаменки, случаем?

– Так точно. Из бедняков!

– Захар... Или не Захар? Точно! Захар палушкинский!

– Всё верно, товарищ майор! – призывник продолжать стоять по стойке смирно.

– Помню твоего батю! Помню! То-то и голова вихрастая такая. И ты там бегал... Под стол, но уже бойко так! – майор рассмеялся, после чего улыбка появилась и на лице призывника. – А я там был, если не соврать, году эдак в двадцать первом...

Майор покачал головой, потом медленно развернулся и зашагал к своему стулу в углу, постоянно приговаривая: «Эх, времена были!» Старший лейтенант повернулся и посмотрел на военврача. Тот пожал плечами:

– В армии окрепнет! Накормят!

– И накормят, и научат! – согласился старший лейтенант. – Записывай! – приказал он лейтенанту. – Палушкинский! Как тебя там?

– Александр Захарович.

– Кудой служить хочешь, Сашка? На Дальний Восток поедешь?

– Поеду, – расплылся в улыбке вихрастый паренёк. – А служить в армии хотел. Главное – чтобы сапоги дали!

– Дадут! Дадут. На этот счёт не переживай, не обделят.

КИНОЛОГ

Последние пару часов поезд шёл очень медленно. Колёса вагона постукивали на стыках рельсов редко, оттого вагон практически не раскачивался, как прежде. На последней длительной стоянке на станции Магдагачи начальник поезда раздал старшим указания оповестить всех призывников в вагонах, что на следующий день поезд въезжает в Амурскую область и прибудет на станцию Куйбышевка-Восточная. Оттуда уже всех призывников развезут согласно плану по частям для дальнейшего прохождения службы.

Призывники из центральной части страны двигались уже четвёртую неделю и видели немало городов. Больше всех произвели впечатление крупные Куйбышев, Омск и Новосибирск. Теперь все ожидали увидеть станцию не меньше. Однако в приоткрытые ворота пока виднелись только бескрайние поля, редкие деревушки да домишки вдоль железнодорожных путей. От долгой дороги устали все молодые солдаты. Однако на подъезде к конечному пункту те, кто мог, столпились у ворот – чтобы посмотреть на местность, где нужно будет жить следующие несколько лет, неся службу.

В седьмом вагоне военного поезда находилось тридцать призывников, которые по распределению попали в Пограничные войска. Вагон оказался самым пустым из всех. Потому борьбы за краешек окна в новый мир не шло. Все сидели по своим привычным местам, то и дело глядели в приоткрытые двери товарного вагона. Разве что кто-то, находившийся ближе к выходу, иной раз вставал, смотрел куда-то вдаль, выглядывал.

В дальнем углу вагона, у стены по ходу движения находился казавшийся самым молодым призывник. Вихрастый, худощавый, ростом выше большинства сослуживцев, он сидел спиной к движению, облокотившись правым плечом на боковую стенку вагона. Рядом с ним пристроился молодой кобель, положивший на колени парню свою голову. Красноармеец то и дело гладил собаку, трепал за уши, прихватывал за шкуру.

Собака прибилась на стоянке в Куйбышеве. Молодой красноармеец стоял в охране поезда и уже готовился пойти смениться, как увидел рядом молодого щенка, бродившего между вагонов и путей. Не имея возможности отвлечься, боец просто то и дело бросал взгляд на кобеля, рассматривая его тощие бока и подранную шкуру. Для щенка он выглядел слишком худым. После смены с караула вихрастый парень подозвал к себе бедолагу и унёс в вагон, где позже поделился своим обедом, да и оставил с разрешения старшего офицера, но без выделения дополнительного довольствия.

В вагоне парень тут же в шутку получил прозвище Собачатник. Однако никто из красноармейцев даже не думал обижать собаку, делились время от времени едой. Вздвигаясь вагона, отслуживший уже пару лет, сказал:

– Кинолог!

Неожиданно звук движения военного поезда стал глуше. Впереди блеснул берег реки, вскоре вагон въехал на мост. В вагоне пошло оживление. Кто-то бросил:

– Точно Куйбышев! У каждого Куйбышева должна быть Волга.

Правда, река у Куйбышевки-Восточной оказалась куда меньше Волги. Не прошло и минуты, как красноармейцы изнутри рассматривали постройки вдоль железнодорожных путей. В разные стороны разбегались новые и новые рельсы, проложенные для сортировки вагонов и пропуска эшелонов на узловой станции. Некоторые увидели невысокий красивый деревянный вокзал. Сверху красовалась надпись «Куйбышевка-Восточная». Между ехавшим военным поездом и вокзалом насчитывалось пять путей, а также несколько стоявших на станции поездов, общее количество сложно было рассмотреть из вагона.

Вскоре вокзал остался позади, потом последовали другие постройки, одни поезда закончились, другие появлялись на разных путях. Минут через пять количество путей стало уменьшаться. Теперь они уже сбегались вместе, петляя навстречу друг другу. А дома вокруг железной дороги всё тянулись и тянулись. Прошло ещё пять минут, и только тут послышался

свист тормозов – машинист начал останавливать поезд.

– Взвод! – скомандовал сидевший чуть в стороне и, казалось, дремавший взводный. – Привести себя в порядок! Приготовиться к выходу из вагона и построению!

Красноармейцы поднялись на ноги и принялись приводить в порядок свою форму. Кто-то помогал отряхивать от пыли и кусков соломы спину, осматривали свой вид, чистили и убрали своё место отдыха. Потом принялись осматривать своё оружие.

– Товарищ старшина! – обратился вихрастый красноармеец к взводному. – Разрешите поинтересоваться?

– Разрешаю, Палушкинский!

– А куда и как мы дальше?

– Сейчас выгрузимся, построимся, где нам укажут! – взводный ухватился за край воротины, на всякий случай, чтобы не упасть. – Держись покрепче, Палушкинский! – скомандовал он, поскольку ощущалось, что вот-вот состав остановится. – Вас встретят, повезут по месту прохождения службы.

– Значит, граница тут недалеко, товарищ старшина? – поинтересовался стоявший рядом красноармеец.

– Не могу знать, Чибисов. Моё дело – вас передать. Потом получить новые указания от начальника поезда. Возможно, повезём уже отслуживших, а может – новичков на запад.

Поезд остановился. Все внутри вагона засуетились, чтобы полностью быть готовыми в любой момент по приказу выйти на построение.

– А Дика? – Палушкин встал позади взводного. – Оставят? Как вы думаете? – он глянул на кобеля, который присел рядом с ногами красноармейца.

– А это как руководство скажет, – взводный выглянул из вагона.

– Что за соединение? – поинтересовался подбежавший молодой лейтенант, придерживавший сумку на поясе.

– Взвод определён для прохождения службы в погранвойсках, – вытянулся по стойке смирно старшина. – Командир взводом старшина...

– Вам нужно сойти и двинуться на построение к тому зданию, старшина, – махнул рукой молодой лейтенант. – Я покажу. Построение перед командиром погранотряда майором Степановым. Он с отпуска направляется по месту службы, решил задержаться на сутки встретить.

– Взвод! – старшина повернулся внутрь вагона. – Слушай мою команду! Выходить из вагона и строиться в колонну по двое!

Сам он остался внутри контролировать выгрузку красноармейцев. Когда Палушкин готовился вместе с прибывшимся кобелём спрыгнуть на землю, похлопал его по плечу:

– Не возьмут, так я оставлю его при вагоне. Караульным на стоянках всегда пригодится, – и чуть ли не впервые за весь путь из Воронежа улыбнулся.

Командиром погранотряда оказался майор Станислав Михеевич Степанов. Это был подтянутый мужчина лет сорока – сорока пяти. Лицо его было полноватое, однако сам стройный, руки жилистые, пальцы длинные и тонкие. На груди красовался орден Красного Знамени. Кто-то из солдат при построении бросил:

– За КВЖД!

И фраза шёпотом прошла по цепочке до конца колонны...

Майор дождался, когда колонна новобранцев построится, подчиняясь приказам его помощников – старшего лейтенанта и лейтенанта, отвечавших за политическую работу в отряде и организацию обучения пополнения соответственно. После построения политрук подошёл и встал за спиной майора. Лейтенант доложил.

– Это что за собака с красноармейцем? – поинтересовался командир погранотряда.

Он пошёл к молодому красноармейцу, у которого из-под пилотки пробивалась копна волос. Новобранец стоял в первом ряду, рядом с ним справа сидел молодой кобель.

– Боец, два шага из строя! – скомандовал майор.

Красноармеец сделал два шага вперёд, потом встал по стойке смирно. Как только он замер, тут же подбежал кобель и также сел справа у ног.

– Товарищ майор, красноармеец Палушкин Александр Захарович по вашему приказу прибыл!

– Палушкинский, – тут же сверился с переданными списками политрук отряда. – Токарёвка, Воронежская область. Красноармеец. Из бедняков. – Он нахмурился, поднял голову, посмотрел на новобранца. – Что-то он какой-то худой и слишком молодой для восемнадцати лет.

– Что за собака?

– Прибился в Куйбышеве на стоянке на железнодорожном вокзале, товарищ майор! Помогал нести службу по охране военного поезда во время следования. Хотел просить у вас взять его с собой по месту прохождения службы! – отрапортовался красноармеец под улыбки политрука и лейтенанта, майор сохранял серьёзное выражение лица:

– Старый он уже для прохождения службы в погранотряде! – спокойным тоном произнёс майор. – Видишь: с собакой делился, сам, небось, недоедал. Вот и худой!

– Когда прибился, ему было около полугода, товарищ майор! – обратился Палушкин.

– Вот и я говорю, что полгода, а то и месяцев восемь! Как его учить, если он уже уличный?

Лейтенант вышел чуть вперёд и топнул ногой перед собакой со словами «пошёл вон!». Кобель подскочил и отбежал примерно метров на десять в сторону. Там присел. Офицеры внимательно смотрели за действиями собаки.

– Не бежит, – ухмыльнулся политрук. – Привык к человеку, что здесь кормят. Ишь ты!

– А ну иди сюда! – майор чуть наклонился вперёд, подзывая собаку, но кобель продолжал сидеть на том же самом месте. – Иди сюда!

Лейтенант сделал пару шагов в сторону кобеля. Тот тут же поднялся и отбежал примерно на такое же расстояние дальше. Потом последовали ещё пара шагов с тем же результатом. Молодой офицер повернулся к командиру погранотряда, пожал плечами и вернулся. Кобель тоже подбежал чуть ближе и сел на землю.

Тогда командир отряда открыл свою сумку, достал свёрток газеты, в которую был завернут кусок хлеба с маслом. Мужчина при-

сел и на вытянутой руке показал собаке кусок хлеба, приманивая. Кобель сидел на земле и смотрел внимательно на человека. Потом глянул на красноармейцев, опять посмотрел на офицера, облизнулся, но продолжал сидеть.

– Понятно! – Майор поднялся, завернул еду обратно, как было, поправил форму. – Значит так, красноармеец...

– Палушкинский, – подсказал политрук.

– Красноармеец Палушкинский! – кивнул командир. – Разрешаю взять с собой щенка. С ним проходить обучение в отряде. По результатам командование примет решение. Если собака не осилит, то отправим в хозчасть её! Лейтенант, поставить на довольствие обоих. – Майор подошёл вплотную к красноармейцу. – Из своего пайка собаку не подкармливать. Узнаю, что не выполняешь приказ, отвечать будешь по уставу. Тебе тоже как будто подрасти не мешало бы!

– Есть, товарищ майор!

– Встать в строй! Собаку к себе позвать!

Красноармеец вернулся в строй, после чего цокнул языком и похлопал правой рукой по коленке. Кобель тут же подбежал, чуть нагнув голову, и сел на прежнее место. Майор улыбнулся и посмотрел на политрука:

– Ишь ты! Ну, давай-ка продолжим знакомиться с новобранцами. Нам ещё добираться до Николаевки сегодня.

ФАРТОВАЯ КУПЮРА В ОДИН ПЕСО

Трава и кусты еле слышно шуршали под напором лёгкого ветерка, дувшего с правого берега Амура в ту майскую ночь 1944 года. Там, на маньчжурском берегу, на небольших полянах в последние день-два распустились ландыши. Удивительно, что их запах долетал сюда: Амур ещё не разливался в полную ширь, но даже сейчас между берегами было около километра. Казалось, что кто-то на самолёте пролетел над рекой и распылил немного изысканных французских духов, а шуршавший в листве ветерок разнёс их на всю округу.

Впрочем, шуршал не только ветерок. Кто-то шёл в прошлогодней сухой траве: медленно,

с остановками. Вот в предрассветной темени, едва различимые, показались три ссутулившиеся фигуры. Они настороженно, явно опасаясь быть замеченными, пробирались от реки по сухому прибрежному болоту. Однако их уже увидели. За ними пристально наблюдали две пары глаз.

В кустах на краю болотистой местности, в паре сотен метров по ходу диверсантов и чуток в сторону, распластался на животе сержант-пограничник. По правую руку у него лежала винтовка и вещмешок с боеприпасами и сухим пайком. Слева от пограничника, так же растянувшись на животе и при этом даже прижав к земле голову, лежал огромный «немец» – немецкая овчарка. Опытный пограничный пёс своими повадками походил на хозяина. И сейчас, словно всё понимая, вглядывался и вслушивался вместе с ним в темноту.

– Идут! – прошептал в траву солдат. – Слышишь, Джульбарс? В нашу сторону!

Пограничник легонько потрепал по мощной собачьей шее своего четвероногого друга. Пёс посмотрел на человека, пригнув уши и вильнув пару раз хвостом, а потом поднял голову и принюхался. Ветер дул со стороны реки и приносил вместе с собой запах неизвестных.

– Бу яо тсуй хень до! – донёсся еле слышный незнакомый голос.

Пограничник знал по-китайски совсем немного – но живую китайскую речь он, житель Приамурья, слышал не раз, и сейчас ему показалось, что говоривший был не китаец: чувствовался сильный акцент.

Второй же голос сказал что-то совершенно непонятное. Кажется, на японском. Но японские фразы из книжечки-разговорника пограничник совсем не помнил: как-то они ему не давались.

Разговор прервался словами на третьем языке, уже вполне понятном:

– Цыц! Вы чего?

Этот голос прозвучал громче первых двух. Тут же, словно проснувшись, вспорхнула пара птиц на ветках и улетела прочь. Троица осталась и некоторое время прислушивалась. Потом послышалось бормотание на японском,

и второй голос (это был китаец-переводчик, как успел догадаться пограничник) спросил по-русски:

– Аоки интересуется, что это.

– Птицы. Но их могли спугнуть люди.

– Кто? Мы или кто ещё?

– А кому ещё тут не положено быть? – с явной издёвкой ответил русский.

Сержант, лежавший в кустах, вздрогнул. Он, кажется, узнал этот голос! Но пока боялся обмануться. Чтобы как-то сбавить своё волнение, опять потрепал пса по мощной шее, еле слышно шепнув:

– А ты не узнаёшь?

Джульбарс только пригнул одно ухо, продолжая внимательно вслушиваться и всматриваться в направлении троицы.

– Чего ты за бумажку там теребишь? – произнёс русский.

После некоторых слов перевода послышались бормотание японца и далее голос китайца:

– Это его талисман, говорит!.. Филиппины... Песо один.

– На хрена он ему?

– Э-э, ему шибко надо! Чтобы удача была! Когда японец убил первый раз – он берёт вещь. Что-нибудь себе. Аоки был там. Убил – песо взял. Не отдаст, однако.

– Идиот! Потеряет ещё тут свою фартовую бумажку! Скажи ему: здешний народ по Филиппинам не ездит!

Троица ещё постояла некоторое время. И, убедившись, что всё тихо и спокойно, продолжила своё медленное движение.

Сержант напрягся в ожидании неминуемой схватки. И даже не прошептал, а только губами шевельнул: «На стрём!»

Кобель тоже напрягся всем телом и привстал, приготовившись к атаке. Из-за того что траектория движения нарушителей постепенно поворачивала, сейчас пограничник и собака могли в свете молодого месяца видеть только одного шедшего к ним человека. Остальные были закрыты его спиной. Но опытный сержант сплеховал: он не заметил, как один из троицы отделился в сторону.

– Стой! Кто идёт? – крикнул сержант.

– Идёт?.. – растерянно повторил за ним русский: видимо, этот окрик стал для него полной неожиданностью. – Кто тут?..

Ответом ему было еле слышное рычание из кустов. В свете месяца незваные гости наконец увидели огромную голову оскалившегося пса. Однако смотрел пёс не только на них, но и насторожённо скалился куда-то в сторону...

– Джуль? – голос русского дрогнул. – Джульбарс... Захарыч, ты, что ли? – русский обратился к пограничнику, как к другу. – Ты что?.. Мы же тут... это...

Он не договорил. Послышался щелчок затвора. А рычание собаки стало громче.

– Стой! Кто идёт? – повторился вопрос.

– Саранка! – ответил мужчина. – Красная саранка!

– Ромашка... – ответил пограничник, на секунду забыв о предосторожности. Но он не успел даже подняться на ноги, как сзади ему на шею кто-то накинул удавку.

– А-аххсс... – прохрипел сержант. И тут же услышал за спиной глухое рычание Джульбарса и почувствовал, как нападавший дёрнулся, видимо, уворачиваясь от собачьей пасти, – но удавка на шее сержанта не ослабла. В борьбе напряглись одновременно все мышцы – и палец непроизвольно нажал на спусковой крючок винтовки, всё ещё направленной стволом вперёд. Раздался выстрел, шум упавшего тела – и следом русский голос, выдавший матерную ругань.

Силы покидали бойца из-за удушья и жуткой боли в гортани. Однако через несколько секунд удавка резко ослабла: молчаливый нападавший поначалу сумел отбросить пса ударом ноги, но Джульбарс снова кинулся на него. Сержант, получив некоторую фору, быстро подтянул за ремень выпавшую из рук винтовку. Всё ещё не поднявшись на ноги, снизу ударил прикладом нападавшего, метя ему по колену, но тот дёрнулся, продолжая бороться с собакой, и приклад попал выше. Нападавший скрючился от боли.

Третий силуэт в это время, уже без разговоров и матов, убежал в сторону Амура. Пограничник вскинул винтовку и, наспех прицелясь, выстрелил в бегущую тень, взяв чуть с опережением. То ли попал, то ли нет... Обернулся

к нападавшему – и понял, что тот успел ранить пса ножом.

Сжав окровавленный нож, японец шагнул к сержанту, но на него вновь накинулся Джульбарс. Правда, сейчас уже не с той силой и энергией, как в первый раз. Но и этого хватило, чтобы нарушитель споткнулся и сделал два-три неверных шага. Однако успел нанести Джульбарсу ещё один удар ножом. Пёс словно выдохнул в последний раз, даже не заскулив. Но он дал лишние секунды другу-человеку. И тот, резким движением развернув винтовку, вогнал штык в грудь врага.

Падая, японец что-то судорожно выхватил из распахнутой куртки. Рука его дёрнулась вверх, пальцы разжались – и на тело убитого упала разноцветная бумажка, едва заметная в слабом свете молодого месяца...

Сержант бодро прошёл по территории части до хозяйственных построек, которые примыкали к плацу. Рядом с ним бежал молодой пёс, которому не было, наверное, и четырёх месяцев. Он старался держаться у ног человека. Однако молодость и желание узнать всё и сразу побуждали то и дело отбегать в сторону на длину поводка.

За небольшим забором высотой сержанту до пояса его уже ждал огромный «немец». Он стоял на трёх лапах – передняя левая была перебинтована и поджата.

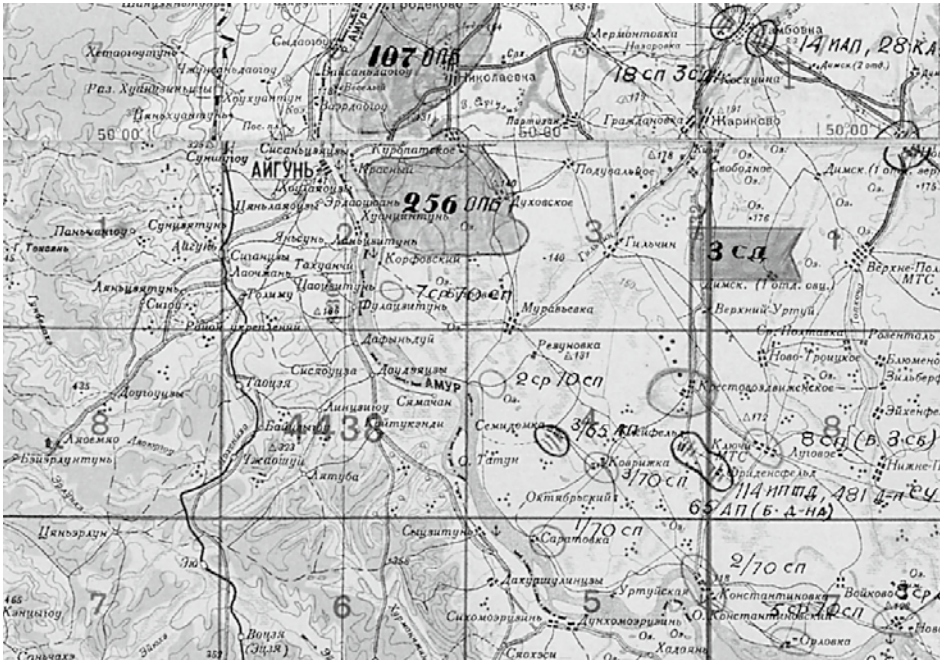
– Привет, дружище! – Сержант присел, как только закрыл за собой калитку.

Джульбарс подбежал, насколько мог быстро, к своему другу и принялся лизать его руки и лицо. Молодой кобель, пришедший вместе с сержантом, прилёг в стороне и смотрел на Джульбарса, виляя хвостом в знак уважения.

– Это тебе! – сержант достал что-то заморозное в чистую старую портянку, развернул и положил перед псом пару костей. – Хоть ты и на пенсии не голодаешь, как я погляжу! – Он потрепал Джульбарса по спине.

Пёс продолжал ластиться к человеку, не обращая внимания на угощение.

– А ты знатно потрепал японца! – Сержант гладил пса, который лёг возле него и тихо по-

Место действия рассказов. С карты дислокации
2-й Краснознамённой армии по состоянию на 24:00 08.08.1945

И пограничник поцеловал в нос Джульбарса, поднявшего голову вверх.

– Хорошо, что хоть тебя смог до пенсии довести.

Сержант тот встретил на границе начало войны с Японией и остался на заставе, когда наши войска начали наступление на Маньчжурию. Мой дед, Александр Захарович, вообще прослужил в одной погранчасти с 1936 до 1948 года. Всего у него было за это время четыре собаки. Но Джульбарс

са он всегда вспоминал с наибольшей любовью.

На память о той майской ночи у него остался банковский билет в один филиппинский оккупационный песо. Его отдали ему после окончания следствия по делу незаконного пересечения границы как незначимую улику. Она хранится теперь у меня. Именно дед дал старт моему увлечению коллекционированием двадцать семь лет назад. И если у вас есть желание, то вы можете прийти ко мне. И я покажу этот песо. И расскажу истории не только про эту фартовую купюру...

скуливал от радости. – Если бы не ты – мне бы точно не жить... Конечно, он тебе тоже выдал. Я уже думал, что не донесу тебя... Но ничего, оклемался ты у нас, молодец!..

Пограничник замолчал на минуту, потом вдруг с яростью проговорил:

– Но эта с-сука!.. – И непроизвольно сжал кулак вместе со шкурой пса, заставив того дёрнуться от боли. Поспешно разжал кулак, виновато погладил Джульбарса. – Прости, брат... Но кто бы мог подумать, а? Ведь заместитель командира заставы – и на тебе!.. Ну ничего, разберутся теперь с ним. Не промахнулся я по нему тогда, перешиб ногу-то... И китаец не ушёл. Увезли обоих в Благовещенск вместе с мёртвым японцем. Такие дела, брат...

Наконец Джульбарс посмотрел и на молодого пса, который медленно подполз к ним, продолжая отчаянно махать хвостом и пригнув уши.

– А это ведь, папаша, твой сынок, от Дымки! – Сержант другой рукой погладил молодого кобелька. – Мне приказано смену тебе воспитывать! Четвёртый пёс, стало быть, у меня уже! На фронт не отпускают третий год, щенков вот дают обучать...

КИСЕТ

Александр АЛЕКСАНДРОВ

Так уж в природе устроено: не успеет зимою взойти солнце, как день начинает клониться к вечеру. Работы по обмолоту ржаных снопов, что были загодя, ещё летом, завезены на гумно, закончились. Отложив в сторону цепы¹, бабы суетливо стали собираться домой. До наступления темноты надо ещё успеть управиться с домашними делами. Перед уходом

каждая, чтобы не заметил весовщик, торопливо подходила к намолоченному ворошку² и, бросив в карманы своих фуфаяк по две-три горсти зерна, спешно покидала рабочее место. Но весовщик Василий лишь делал вид, что ничего не замечает. Он понимал: если сегодня бабам запретить взять горсть зерна, которое они по праву заработали, то у многих завтра не будет сил выйти на работу. Как бывалый че-

¹ Цеп – ручное орудие для молотбы, состоящее из длинной ручки и прикреплённого к ней ремнём короткого деревянного била.

² Ворошок – намолоченное зерно.

ловек, весовщик не мог не знать про существующие суровые законы. За каждый украденный колосок без суда и следствия сажали как врага народа, а тут пахло не колоском – на его глазах осуществлялось организованное коллективное хищение. Но, видимо, не испугать русского человека никакими карающими мерами, если эти законы бесчеловечны.

Проводив женщин и оставшись один в ожидании подводы, дед Василий подошёл к весам-безменам, где на одном конце висела огромная металлическая бочка, а на другом – стояли заржавевшие гири, и, чтобы немного согреться, взяв одну из них, решил поразмяться. Подбросив пару раз увесистый кусок металла, он улыбнулся в прокуренные седые усы. Кому была адресована улыбка, осталось тайной. Возможно, он увидел в себе человека, который осмелился хотя бы в малом защитить измученных тяжким трудом женщин, а может, бросил вызов невидимым врагам, отнимающим у людей последний кусок хлеба, обрекая их семьи на полуголодное существование. Находясь в «хлебном сарае» в ожидании подводы, он, наверное, думал о несуразности существующего жизненного устройства, с которым человеку ежедневно приходится сталкиваться.

Прошло немало времени, когда наконец послышался скрип снега под полозьями приближающихся саней, и в образовавшемся проёме ворот показалось улыбающееся лицо Мишки.

– Ты чего же, ядрёна корень, так долго не приезжал? – набросился на подростка весовщик. – Я уже все детали поотморозил, пока тебя здесь дожидался!

Но высказанные в адрес Мишки упрёки были беззлобны. Более того, Василию нравился этот работающий, не по годам смыслённый парнишка, которому едва исполнилось четырнадцать лет, но, несмотря на свою молодость, работал он наравне со взрослыми. Не обращая внимания на ворчание старика, Мишка лихо сдвинул на затылок шапку, небрежно сплюнул через левое плечо и, растирая свои ещё детские ладони, спросил:

– Дедушка Вась, закурить не найдётся?

– Найдётся, как не найдётся.

Не спеша весовщик извлёк из кармана своего старенького полушубка кисет, на котором виднелась белая холщовая заплатка, похоже, вырезанная из старой, уже изношенной исподней рубашки, взял в руки пожелтевшую газету и, оторвав от неё пару лоскутков, один из них подал Мишке.

Скрутив объёмистые козьи ножки и добыв при помощи кресала огонь, мужики закурили. То ли от пахучего табачного дыма, то ли от молодого задора Мишки у деда Василия окончательно растаяла всякая обида. После второй затяжки, явно подражая взрослым, парнишка снова сплюнул через плечо и, посмотрев на весовщика, сказал:

– И чё, дедушка Вась, ты морозился, не понимаю! Оставил бы одну бабёнку для сугрева. Аль старухи своей испугался?!

Жадно затянувшись и выпустив клубок дыма, весовщик недовольно проворчал:

– Хорошо тебе языком-то балаболить, он без костей! Вот ты постой на морозе целый день, а я посмотрю: потянет тебя к бабе аль нет. Этот инстру́мент, Мишка, особых условий требует. Вот, например, в бане – там баба сама к тебе льнёт, и если уже она захотела, здесь главное не оплошать, тут уж только вперёд, как в штыковую атаку! Говоря военным языком, шаг вправо, шаг влево мо́гёт много наделать неприятностей. Оно ведь как: если бабу плохо ублажишь, тебя же, будь она неладна, и обвинит. Придёшь после бани домой, хрен стопку на стол поставит! Проси не проси – бесполезно, а без стопки, сам понимаешь, какая баня! Ну а если всё обойдётся путём, тогда, скажу я тебе, жаловаться грех – на столе после жаркой бани будет тебе и выпивка, и закуска, это уж точно, проверено на практике! Так что в этом сугубо обоюдном деле тоже соображать надо, когда баба хочет, а когда нет, а ты заладил о сугреве! Даже сучка, если время не пришло, не подпустит к себе кобеля, а бабы – народ особый! Нам, мужикам, следовало бы их всячески оберегать, а они, проводив суженых на фронт, с раннего утра и до позднего вечера за горсть ржи

на работе мантулят¹. Ты ещё молодой и многого не понимаешь! Им бы хлебушка досыта поесть да своих детишек накормить, вот тогда, может быть, они и о любовной усадле подумают. Мужик бабу должен чувствовать и ценить в ней не только свежесть плоти, но и горячую любовь, проявлять к ней всяческое уважение, а ты вздумал здесь мозги мне туманить! Если хочешь знать, в этом деле иногда и «штыковая атака» не всегда приводит к успеху! Иной раз невредно и смекалку проявить или воспользоваться обходным манёвром. Спешка, она баба ненадёжная – может мужика так опозорить, что поневоле запоёшь: «Прощай, любовь, настала скука!» Почему я тебе всё это говорю? Потому, чтобы ты, Мишка, знал наперёд, что такому делу ни одна икадемия не научит, самому соображать надобно! – И для убедительности дед Василий покрутил пальцем у виска. – Попомни моё слово: когда надумаешь жениться, мои учения ох как тебе пригодятся!

Посмотрев, с каким вниманием его слушает подросток, он продолжил:

– Помню, в молодости была у меня одна зазноба – красивая, зря² красивая! Правда, давно это было – ещё в германскую. С той поры времени минуло много, единственная память о ней – вот этот кисет.

Когда уезжал, на прощание подарила, теперь вот до сей поры как ириквию храню при себе. Сначала старуха моя, Прасковья, в молодости постоянно меня пытала: скажи да скажи, кто подарил кисет? Однажды не вытерпел и говорю: «На войне не дарят, а награждают за храбрость, сам генерал лично свой отдал!»

Смотрю, а жена опять за своё: «Это за какие такие позиции, хотела бы я знать, выдали тебе эту штуковину?! Нет, Васька, чувствует моё бабское сердце – тут что-то не так! Ну сам посуди, неужто там, на войне, для тебя какой-нибудь завалящей медальки не нашлось? А то кисет, подумаешь, невидаль какая! Его на грудь не повесишь, да и стоило ли из-за какой-то никчёмной вещички жизнью рисковать?! Вона у хуторского Прохора вся грудь усеяна меда-

лями, и штаны галифе с красными по бокам полосками, ничего, что на седалищном месте изрядно поизносились, а солдатскую память по сей день блюдёт. В престольные праздники всегда при полном параде, на глазах у всей деревни, а ему, видишь ли, кисет!.. Это что же за такая армия, где для мово деда медальки не нашлось!»

Нет, думаю, пока своей половине не приведу веский аргумент, она ни за что от меня не отстанет, до самой могилы будет мучить. Видимо, женское сердце действительно чувствует что-то неладное. И когда в очередной раз она завела об этом разговор, тут уж я не вытерпел и говорю: «Не пытай, Прасковья, всё равно не скажу, так как это военная тайна. В присутствии высшего военного командования, перед целым взводом присягу давал, а для окончательного её раскрытия время ещё не наступило. Вы, бабы, народ болтливый, и если я чичас всё как на духу тебе расскажу, завтра уже будет знать вся деревня, а там, глядишь, обязательно кто-нибудь в сельсовет заявит, а сельсовет – в район, район – в область, а там уж и до Кремля рукой подать! Чуешь, к чему я клоню? В этом деле, Прасковья, срока давности нет, зараз без суда и следствия к стенке поставят, потом будешь вспоминать, как твоего Ваську звали! Всю оставшуюся жизнь вдовушкой куковать будешь: локоть-то близко, а кусать его будет уже поздно. К тому же за предательство и сама сраму не оберёшься, не забывай, ты, как-никак, мне жена, а стало быть, раскрыть тайну – это самая настоящая измена Родине! Мужики нынче, сама знаешь, на дороге не валяются, а в деревне они особенно в цене, чтобы ими необдуманно разбрасываться!»

Выслушала меня жена и говорит: «Да бог с тобой, Васильюшка, да что ты мелешь?! Типун тебе на язык!»

После этого разговора вижу, испугалась моя старуха не на шутку и как-то однажды вечером, примерно дня через два, спрашивает: «Вась, а Вась, когда же можно будет раскрыть твою, ну эту... самую... тайну?» – «Возможно,

¹ Мантулить – вкалывать.

² Зря – очень.

и никогда, – отвечаю ей, – всё будет зависеть от международной обстановки в мире».

Жена ещё пуще испугалась, прильнула к моему плечу и со слезами на глазах запричитала: «Сердешный ты мой, с какой же тяжёлой ношей приходится тебе жить на этом белом свете! Не приведи Господь кому-либо такое испытание, лихому татарину не пожелаешь такой участи». – «Да, скрывать не буду: ходить всю жизнь с такой ношей, Прасковья, тяжело, но, скажу тебе, и почётно! Стало быть, во мне ещё есть надобность. Выходит, что я до сей поры солдат, который сражается на невидимом фронте, защищая грудью не только свою деревню, но и страну в целом. А медальки, о которых ты так печёшься, – это всё наживное, если тайна не раскроется, могут мне посмертно и Героя присвоить! Таких людей в мире, как я, раз-два и обчёлся, а ты, вместо того чтобы поддержать меня моралью, пристаёшь с глупыми вопросами. Ну и чего ты добилась? Тайна, которая долгие годы была только во мне, считай, уже наполовину раскрыта, и теперь жизнь моя держится на волоске, словом, полностью в твоих руках! Если ненароком, не дай бог, кому-нибудь проболтаешься, тут уж может пахнуть групповой – это в худшем случае, а в лучшем наверняка прокричишь: “Прощай, Вася!”».

Тут моя Прасковья, охая и ахая, молча пошла в чулан и принесла оттуда запотевшую бутылку кумышки¹. Нежно обтерев её со всех сторон фартуком, поставила на стол и тихо проворковала: «Ты, Вась, оказывается, у меня герой, а я, дурёха, вздумала тебя ревновать к энтому кисету. Вот те, Вась, клянусь перед Богом – теперича вместе с тобой буду хранить военную тайну, вдвоём-то оно, что ни говори, всё полегше».

С тех пор успокоилась моя старуха, давно уже забыла про кисет, а мне напоминает он о давно ушедшей молодости...

* * *

За разговорами не заметили, что давно уже наступили сумерки. Огромное коле-

со раскалённого докрасна зимнего солнца, опираясь своими краями о земную твердь, постепенно скатывалось по ту сторону горизонта, унося с собой остаток дневного света. Когда дед закончил свой рассказ, во внутреннем пространстве «хлебного сарая» повисла непривычная звенящая тишина. Лошадь, слегка позвякивая удилами, решила напомнить о себе, просунув голову в приоткрытые ворота, а может, решила глянуть, что делается там, внутри.

Но Мишка совсем забыл, зачем сюда приехал. Прилипшая к нижней губе папироска, как ненужная соска у спящего ребёнка, давно потухла. В эту минуту для него не было на всём белом свете мудрее и авторитетнее стоящего рядом с ним человека. Он не смог бы объяснить почему, но ему вдруг захотелось снова взглянуть на кисет. Возможно, вместо холщовой заплатки по велению какого-нибудь волшебства парнишка надеялся увидеть фотокарточку той далёкой невесты, которую почему-то дедушка Вася пренебрежительно обозвал зазновой.

Мишку удивило и то, что память о женщине, которую, возможно, он любит до сих пор, хранит не кто-нибудь, а человек из его деревни, – это вызывало у юноши чувство какой-то особой гордости. Тайна, которую сейчас поведал ему дед Василий, была не только приятным событием уходящего дня, но и возлагала на него некоторую ответственность мужской солидарности.

«Значит, пользуюсь доверием», – думал Мишка, и своей откровенностью пожилой человек как бы подчёркивал к нему особое уважение, заранее зная, что тайна состоявшегося разговора останется между ними.

В своём юношеском воображении Мишка представлял кисет не просто как некий предмет, а как далёкое послание от любящего женского сердца, дошедшее из неведомой ему страны в его маленькую, никому не известную деревню Каськи, затерявшуюся среди бесконечных снегов на просторах Татарстана.

¹ Кумышка – самогон.

* * *

На дворе было уже темно, когда подвода с зерном отъехала от «хлебного сарая». Амбары находились в получасе езды, на пустыре за хутором.

Дорога была перемётная, и, сидя на передке, Мишка то и дело покрикивал на обессиленную лошадь, еле тащившую тяжёлые сани. Дедушка, подняв воротник своего старенького полушубка и подогнув под себя ноги, устроился на пологе за спиной извозчика. Ехали молча. Каждый был занят своими мыслями. Через некоторое время Мишка, нарушив молчание, спросил:

– Дедушка Вась, а как она сейчас живёт, не знаешь?

– Кто?

– Ну, эта... зазноба, которая тебе кисет подарила.

Но Василий то ли вздремнул, а может, просто не хотел отвечать, делая вид, что не расслышал, но через минуту-другую сам обратился к Мишке:

– Ты чё ж, ядрёна корень, сегодня так припозднился?

– Дедушка Вась, ты же знаешь Алёшку-конюха! Ни в какую, мать его за ногу, не хотел давать вот эту – Пегую. Запрягай, грит, быка – и баста! На быке, сам понимаешь, я бы до утра к тебе не прикопытил. Еле-еле его уговорил! Хотя конюх, может, и прав. Пегая целый день с поля на скотный двор солому возила, Звёздочка – жеребёна, а племенного жеребца никто бы мне не дал. Вот и получается такой расклад: лошадей не хватает, а дела не ждут! Думаешь, я забыл, что ты на сквозняке в пустующем сарае мёрзнешь? Чай, не маленький, с понятием, – оправдывался Мишка, то и дело покрикивая на лошадь.

– Оно верно, – неопределённо произнёс дед, от ветра укутываясь полушубком, и было

непонятно: то ли он оправдывает конюха, то ли защищает жеребую кобылу, а может, всех сразу от этой непутёвой, тяжёлой жизни, которой не видно ни конца и ни края. Лошадь словно прислушивалась к разговору двух мужиков, преодолевая снежные заносы, из последних сил продолжала тащить сани.

– Ну, пошла-а-а, чего плетёшься, как неживая! – прикрикнул на Пегую извозчик и легонько вожжами ударил её по тощему крупу.

Снова пытаюсь как-то возобновить разговор, Мишка произнёс:

– Надо бы завтра в лес за дровами съездить, если, конечно, бригадир лошадь даст. Дома совсем дров нет, печку топить нечем, а зима в самом разгаре.

Разговора не получилось, и только уже при въезде в деревню дедушка Вася попросил Мишку остановить лошадь.

– Пр-р-ру-у, милая!

Стоило чуть натянуть вожжи, и лошадь, обрадовавшись минутному отдыху, остановилась как вкопанная. Пожимая весовщику руку, Мишка на прощание сказал:

– Вот, дедушка Вась, считай, ты уже дома, а я сейчас мигом ссыплю в амбар зерно – и на конный двор!

Ничего не ответив, весовщик осторожно слез с саней и, чуть покачиваясь от усталости, посеял по узкой, вытоптанной за день снежной тропинке к своему дому.

Мишка тронулся не сразу. Подросток смотрел вслед старику, на его согбенную фигуру, и ему до боли в сердце стало жаль этого человека и в то же время стыдно за свою давешнюю глупую шутку насчёт «сугрева».

Постояв ещё немного, парнишка слегка дёрнул вожжи, и Пегая, словно почуяв окончание рабочего дня, побежала по направлению к колхозным амбарам.

ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР ИЗ ПУШКИНО

Виктор ЕЛИСЕЕВ,
краевед, член Союза журналистов РФ
(Липецкая область)

По левую сторону от оживлённой трассы Добринка – Липецк привольно раскинулось одно из крупнейших сёл Добринского района – Пушкино. Некогда здесь проходил шумный Донской тракт, носивший ещё вполне определённое название Скотопрогонный: гнали по нему гурты скота. Некогда Пушкино было волостным центром Усманского уезда Тамбовской губернии. История села уходит в далёкий XVIII век. Оно носило и второе название – Плавица, ибо расположено на речке с одноимённым названием.

К названию села «приложили» руку Пушкины. Долгое время им владел родной брат бабушки прославленного поэта России Марии Алексеевны – Михаил Алексеевич Пушкин. Затем он продал село фельдмаршалу, кавалеру почти всех российских наград, графу, воспитателю будущего царя Александра Первого Николаю Ивановичу Салтыкову.

И ещё знаменито оно тем, что здесь родился писатель, автор ряда романов и повестей А. А. Бахарев. Вместе с Александром Арсентьевичем посещал Пушкино не менее знаменитый писатель, собрат по перу В. А. Закруткин. Виталий Александрович – автор романов «Плавучая станица», «Сотворение мира», повести «Матерь человеческая» – посетил родину Бахарева в 1951 и 1982 годах. В молодые годы в Пушкино наведывался и будущий писатель пореформенной России А. И. Эртель. Принадлежало село и князю, музыканту, дирижёру Ю. Н. Голицыну.

Семён Андреевич Аленичев

Но знаменито Пушкино ещё и тем, что здесь родился полный георгиевский кавалер С. А. Аленичев.

В 1883 году в семье пушкинского крестьянина Андрея Аленичева родился сын. Мальчика нарекли Семёном. Отец радовался рождению сына – ведь не только помощник в семье, но и землю получил за рождение будущего защитника Отечества. Рос мальчишка смывлёным, бойким, хорошо учился в местной церковно-приходской школе.

Пришло время, и двадцатилетнего юношу призвали на царскую службу. Оказался в далёкой Сибири, где в городе Иркутске был сформирован 26-й Сибирский полк. А через год началась русско-японская война. Вот здесь-то и постигал крестьянский парень азы военной науки. Служил добросовестно. Вначале младший унтер-офицер. Решил остаться на сверхсрочной. Командование полка поддержало унтер-офицера Аленичева. Он уже носил на груди медаль с надписью «За усердие» на станиславской ленте. А вскоре началась Первая мировая война, или, как её тогда именовали, Вторая Отечественная война.

С первых дней пушкинец на фронте. За героизм и мужество в ноябре 1914 года он был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени и медали. Сохранилось немало документов той поры, свидетельствовавших о мужестве нашего земляка. В приказе по 26-му Сибирскому стрелковому полку по строевой части № 87 от 14 октября 1914 года отмечается, что подпрапорщик 9-й роты С. А. Аленичев «...в бою 19 сентября 1914 года, когда был убит командир батальона капитан Вахнин, донёс, что он убит, и тело его распорядился убрать с линии из-под огня неприятеля...». Семён Андреевич лично возглавил группу солдат, которые под его командованием, несмотря на яростный огонь немцев, вынесли с поля боя тело любимого командира.

В период с 26 по 30 сентября 1914 года Аленичев отличился в боях под деревней Крупинок. Он «...отправился на разведку с разведчиками 3-го батальона и, несмотря на огонь, продолжал исследовать местность и дал ценные сведения о противнике...». В марте 1915 года наш земляк был удостоен ордена Святого Георгия 3-й степени с крестом.

Командир полка поощрял храбрых солдат и младший офицерский состав. Так, 25 октября 1915 года он в рапорте на имя начальника 7-й Сибирской стрелковой дивизии отмечал: «...Аленичев в эту кампанию зарекомендовал себя бесстрашным героем; обладая быстрой сообразительностью и поразительным хладнокровием в бою, он в самые трудные минуты с успехом выполнял возложенные на него поручения

и не один раз заменял в боях офицеров. Нахожу, что подпрапорщик Аленичев вполне заслуживает просимого и соответствует званию офицера. В эту войну он награждён Георгиевским крестом 4-й и 3-й степеней, Георгиевской медалью 4-й степени и представлен к Георгиевским крестам 1-й и 2-й степеней».

В рапорте командира 9-й роты подпоручика Флавицкого на имя командира 3-го батальона от 20 октября 1915 года говорится о самоотверженности и мужестве нашего земляка: «2-го сентября сего года в бою с германцами рота занимала исключительное положение: предместное укрепление железнодорожного моста Варшавско-Петроградской железной дороги, выдвинутое вперёд за речку Вилия. Подпрапорщик вверенной мне роты Семён Андреевич Аленичев, занимая с полуротой левый фланг расположения, весьма важного для обороны всего участка и по местности наиболее уязвимо, а также лишённого какой-либо поддержки удалённых за речкой Вилией левофланговых соседей, под ураганным артиллерийским огнём противника, отбил с большим для противника <...> (силою около 2 рот) две яростные атаки, поддерживаемые сильным огнём, тем предотвратив нежелательные последствия для всего расположения. По последовавшему приказанию отойти за речку подпрапорщик Аленичев для плановости и дисциплины отхода был оставлен с одним взводом в предместном укреплении отстреливаться и задержать противника до полного отхода роты. Несмотря на весьма трудные условия командования при разбросанности по ротному участку одного взвода ввиду наступления противника, подпрапорщик Аленичев личным примером неустрашимости и спокойствия распоряжения поддерживал бодрость духа и смелость оставшихся малочисленных товарищей. Задерживая продолжительное время натиск <...> дал роте возможность в полном порядке и спокойствии отойти на противоположный берег реки. Вывел в полном порядке вверенный ему взвод, отходя последним через угрожаемый быть взорванным снарядом минированный мост, предварительно лично один убедившись, с явно неминуемой опасностью для

С. А. Аленичев среди офицеров

жизни, об уходе последнего стрелка за речку. Вслед за тем по его знаку мост был взорван».

Приказом Главнокомандующего армией Западного фронта от 14 ноября 1915 года за № 2308 С. А. Аленичев был произведён в первый офицерский чин – прапорщика. Так простой крестьянский парень стал полноправным офицером славной Российской армии.

Пушкинцу пришлось сражаться с немцами на Северо-Западном и Западном фронтах, линия которых проходила в то время по территории тогдашней Минской губернии (ныне Беларусь). Карьера нашего земляка складывалась удачно. В ноябре 1916 года Семёна Андреевича, как полного кавалера четырёх крестов Георгия, включили в состав сводной роты георгиевских кавалеров на парад по случаю полкового праздника. В боях с немцами он был дважды ранен, но, порой не долечившись, спешил в родной полк. В феврале 1917 года грудь Аленичева украсил орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. В марте 1917 года последовал указ о производстве прапорщика Аленичева в следующий офицерский чин – подпоручика. (Указ был подписан лично последним российским императором Никола-

ем Вторым, совсем незадолго до свержения его с престола.) Вскоре он стал и поручиком.

В России была свергнута монархия. Русская армия была охвачена, как и вся бывшая империя, смутой. Солдаты митинговали на фронтах, создавались солдатские комитеты. Семён Андреевич, вышедший из простого сословия, пользовался большим авторитетом не только среди офицерского состава, но и «нижних чинов» – солдат. В июне 1917 года С. А. Аленичева избрали председателем ротного суда 8-й роты, а через месяц его, произведённого в чин штабс-капитана, ввели в состав комиссии по проверке денежных сумм полка.

В сентябре 1917 года пушкинец навсегда покинул ряды Российской армии «по болезни и ранению». Поселился он в родном селе. Он пережил Гражданскую войну, мирно трудился на земле. И хотя соседи знали, что он бывший царский офицер и полный георгиевский кавалер, среди них не нашёлся ни один, который бы донёс на своего односельчанина. По воспоминаниям дочери Семёна Андреевича, Марии Семёновны, и внучки георгиевского кавалера, Зои Андреевны Виндюриной, Семён Андреевич и его супруга

Дарья Каллистратовна старались и сами не распространяться о заслугах. А вот с сыном Семёна Андреевича, Всеволодом, который в то время проживал в Краснодаре, произошла неприятная история. Его сосед, с многозначительной фамилией Шкурин, сообщил «кое-куда», что В. С. Аленичев – сын царского офицера и георгиевского кавалера. И Всеволода Семёновича, как «неблагонадёжного», даже не приняли в ряды партии.

Время было страшное. Даже за хранение георгиевских крестов, которые напоминали «о проклятом старом прошлом», грозило суровое наказание. И Семён Андреевич, как ни старался сохранить свои награды, окропленные кровью и честно заслуженные в боях с немцами, был вынужден сдать их в Торгсин. На вырученные деньги от продажи он сумел дать образование сыну, который окончил Воронежский сельскохозяйственный институт, справил приданое для дочери Лидии.

В годы советской власти Семён Андреевич служил в железнодорожных войсках на узловой станции Грязи, сопровождал грузы на юг. Дочь, Мария Семёновна, проживающая ныне в Краснодаре, с теплотой вспоминает, что отец из каждой такой поездки привозил им, ребятам, разные южные сладости – виноград, арбузы. В селе бывшего георгиевского кавалера уважали. Даже, как и всем местным селянам, и ему дали подворную кличку. Семёна Андреевича, у которого сохранилась военная выправка и осанка, прозвали Прапорщиком.

По воспоминаниям дочери, Марии Семёновны, отец никогда детей не обижал, очень их любил. Отца в семье ценили, и его слово было законом для двух его дочерей и сына. Иногда между пушкинцами и их соседями-новочеркутинцами вспыхивали ссоры, а порой и драки. Но едва появлялся Прапорщик, как дерущиеся разбегались прочь.

Началась Великая Отечественная война. Сорокавосьмилетнего Аленичева, признанного негодным к военной службе в армии, власти всё-таки не оставили в покое. По воспоминаниям дочери и некоторых односельчан, в июле 1942 года, когда гитлеровцы ворвались в правобережье города Воронежа, в Пушкино нагрянули

сотрудники НКВД. Семёну Андреевичу грозило выселение. Чекисты, по-видимому, опасались, что бывший офицер переметнется на сторону врага. Но они, наверное, «забыли», что 27 лет назад он храбро сражался с ненавистным врагом, с отцами тех, кто сейчас топтал и разорял нашу землю. Правда, дело до выселения не дошло. То ли местные власти слово замолвили, то ли немцев от Воронежа отогнали, но бывшего георгиевского кавалера оставили в покое. И к тому же назначили председателем колхоза «Пролетарий».

Он сам трудился, не зная покоя, но и родным не давал поблажки. По воспоминаниям дочери, отец был «суров». Если кто-то из пушкинцев, отработав положенное время, шёл на гулянку, то родную дочь Семён Андреевич мог отправить на ночную смену.

После войны (председателем он проработал около двух лет) Семёна Андреевича избрали председателем ревизионной комиссии местного колхоза, и на этой должности он проработал до самой смерти. Умер Семён Андреевич в 1947 году в возрасте 67 лет от инсульта, сидя за столом во время обеда.

В настоящее время в Пушкино проживают его внуки и множество правнуков. Они могут по праву гордиться своим замечательным дедом и прадедом, который, не жалея своей крови, в трудную годину защищал Отечество, достойно через всю жизнь пронёс высокое звание человека, оставался патриотом России.

На патриотизме Аленичева воспитывалось не одно поколение его земляков. По словам многих пушкинцев, их земляк Александр Карелин, воевавший и погибший в Афганистане, удостоенный посмертно ордена Красной Звезды, знал о своём земляке. На местном кладбище он в детстве и юности мог видеть могилу С. А. Аленичева, на памятнике которому укреплен фотография. На ней brave офицер Российской армии в чине штабс-капитана. А на груди его – четыре георгиевских креста.

Р. С. От автора: село Пушкино было волостным центром одноимённой волости Усманского уезда Тамбовской губернии до января 1923 года.

НЕ ЩАДЯ ЖИЗНИ

Родился А. Н. Тишкин 16 ноября 1912 года в простой крестьянской семье. В личном деле Александра Николаевича местом рождения указывается село Мячка Кирсановского района. Но на самом деле такого села нет, а в Калайском сельсовете располагается село Вячка. По-видимому, писарь, оформляющий документы, посчитал, что «Мячка» звучит благозвучнее.

Отец Александра Николаевича ушёл на фронт в годы Первой мировой войны и сложил свою голову «за царя, веру и Отечество». Рано из жизни ушла и мать. Опорой Саше стали его братья. У него их было трое, и все они погибли во время Великой Отечественной войны.

4 ноября 1934 года его призвали на службу в Красную армию. Решил остаться на сверхсрочную, но командование, приметив командирские «задатки», направило его на шестимесячные курсы младших лейтенантов в небольшом пермском городке Кунгур. Армия нуждалась в кадрах, особенно младшего комсостава.

Он был одним из первых, кто встретил в страшном 1941 году врага. 4 июля младший лейтенант Тишкин под Полоцком, что ныне в Беларуси, столкнулся с ордами гитлеровцев. Командир взвода противотанковых орудий 494-го стрелкового полка Западного фронта Тишкин не дрогнул в том бою. Пушки били прямой наводкой по наступающим танкам и пехоте врага. Уже не одно чудовище с крестом на броне исходило вонючей гарью. В этом бою Александр Николаевич получил тяжёлое осколочное ранение. За бесстрашие и мужество 9 августа 1941 года он был удостоен ордена Красного Знамени. После продолжительного лечения в 1942 году вернулся в действующую армию.

Командовал артиллерийской батареей в 224-м кавалерийском полку. Сражался на Западном и Калининском фронтах. В 1943 году лейтенанта Тишкина послали на учёбу. Курсы усовершенствования командного состава он

Александр Николаевич Тишкин

проходил во 2-м Ростовском артиллерийском полку. А по их окончании в 1944 году он вновь в действующей армии. Старшего лейтенанта Тишкина назначили командиром батареи 345-го гвардейского тяжёлого танкового самоходно-артиллерийского полка 11-й гвардейской армии. Полк носил почётное наименование «Звенигородский».

Бои шли ожесточённые. Особенно запомнились ветерану октябрьские дни 1944 года. В течение трёх дней, с 16 по 18 октября, его батарея вела упорные бои с оборонявшимися гитлеровцами. Об этом и свидетельствует наградной лист, подписанный командиром полка гвардии полковником Лобановым 24 октября 1944 года. Согласно ему, командир 4-й батареи гвардии старший лейтенант Тишкин при прорыве обороны противника в районе Кумец-2, что юго-за-

137

НАГРАДНОЙ ЛИСТ.

1. Фамилия, имя и отчество... *Рицкий Александр Николаевич*

2. Звание... *полковник*... Должность, часть... *Командир 345 Гв. Т. С. А. З. П.*

3. Место рождения... *Самарское Архангельское Уездное уездное село*

4. Год рождения... *1914*... 5. Национальность... *русская*

6. Партийность... *ВКП*

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и в Отечественной войне... *Война Отечественной войны с 22.06.41 по 18.08.43... 3-й Бессарабский фронт с 18.08.43*

8. Имеет ли ранения и контузы в Отечественную войну... *ранен 1 раз 22.06.41, контузен 18.08.43*

9. С какого времени в Армии... *март 1938*

10. Каким РКК призван... *Курганецкий РКК Домбровский ст.*

11. Чем ранее награжден... *орденом Отечественной войны 1-й степени 18.08.43*

12. Постоянный домашний адрес предостыяемого в наградном и адрес его семьи.

1. Конкретные, краткие изложения личного боевого подвига или заслуг.

С 16 по 18 октября 1944 года гвардии старший лейтенант Тишкин Александр Николаевич при прорыве обороны противника в районе Буеши 2-й, 4-го батальонов полковников при умелом командовании, смелости и решительности, сатареи минами минное поле, ведя огонь по противнику Государственную границу из состава сатареи перешли 4 боевых машин в бое батареи тов. Тишкина уничтожил:

а) танков..... 2.

б) повоз..... 1.

в) Артиллерийских сатарей..... 3.

г) Автоматических сатарей..... 1.

д) Солдат и офицеров противника до 200 человек.

Товарищ Тишкин достоин награждения орденом Красное Знамя.

Командир 345 Гв. Т. С. А. З. П.

Гвардии полковник- / Лобанов /

"..." октября 1944 года.

паднее Волковыска, «при умелом командовании, смелости и решительности» сумел благополучно миновать минное поле и продолжал наступление, «ведя огонь по противнику».

Именно четыре боевые машины батареи Александра Николаевича 18 октября 1944 года перешли государственную границу СССР. В этих ожесточённых трёхдневных боях его батарея уничтожила два танка, один дот, три вражеские артиллерийские батареи. На поле боя смерть на-

шли до двухсот гитлеровских солдат и офицеров. Командир полка представил ходатайство о награждении офицера-гвардейца вторым орденом Красного Знамени. 15 ноября 1944 года этот боевой орден засверкал на офицерском кителе нашего земляка. В ходе этих боёв он был контужен и отправлен на лечение в один из госпиталей Минска.

Победу Александр Николаевич встретил в звании капитана и уволился из рядов армии 15 июля 1945 года. Кавалер двух орденов, медалей «За отвагу» (награждён 21 февраля 1945 года) и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После демобилизации капитан Тишкин приехал в полюбившийся город его молодости – Кунгур Пермской области. Здесь офицер-отставник работал на одной из фабрик.

Сергей КОРЫТИН

Родился в 1954 году в селе Екатериново Никитинского района Тамбовской области. После окончания в 1972 году Екатериновской средней школы работал токарем на заводе «Прогресс» в г. Куйбышеве, служил в армии. После окончания в 1980 году Ленинградского гидрометеорологического института трудился инженером-гидрологом в г. Горьком. Более тридцати лет подвизался на ниве отечественного предпринимательства. Был одним из учредителей Музея-квартиры святого праведного Иоанна Кронштадтского в г. Кронштадте. На своей малой родине воссоздал приход и построил храм в честь святителя Николая Чудотворца. Имеет церковные и государственные награды. Является ответственным секретарём журнала «Родная Ладога». Живёт в Санкт-Петербурге.

* * *

Как хорошо в Твоём Храме, Господи!..
Воздух пропитан Духом Святым!..
А на иконах – примеры кротости –
Для подражания людям Твоим!..

* * *

Причастился!.. Благодарю!..
Помоги сохранить Святыню!..
Если Огонь сей погаснет к утру,
Превратится душа в пустыню.

И куда я тогда побегу?..
Перед кем преклоню колени?..
Перед тем, кто согнёт в дугу
И утянет в теснину теней?..

Не хочу!.. Если всё ж согрешу,
Уподоблюсь блудному сыну,
Из сердечных глубин, прошу,
Вновь возжги во мне Огонь Святыни!

* * *

Легко быть святым.
Не грехи.
Есть возможность – твори благое.

Постепенно
В недрах души
Свет созреет до золотого.

* * *

В кузовок души не роняй грехи...
Но клади священное, ценное...
Кротость, верность... Можно стихи.
Не постигнет тогда неисцельное.

* * *

Самая первая зелень,
Что желторотый цыплёнок,
Таращит на мир глазёнки!..
Восторг её неподделен.

Ни власти, ни денег не просит.
Не нужен ей интернет.
Но кто ей в глазёнки посмотрит,
Узрит нетленный свет.

* * *

Без Бога Земля – сирота!..
А мы – сиротиночки злые!..
Но радость!.. Есть Бог!.. Доброта!..
И мы – Его дети родные!

* * *

Белые берёзки
Наверху куполов,
Словно чьи-то слёзки
Скатились с облаков.

Храм полуразрушенный
Раненый стоит...
От врагов злокозненных
Родину хранит!

* * *

Томлю томящего мя.
Преподобный Серафим Саровский

И я стараюсь томить «томящего мя»,
Только плохо сие получается,
Нередко «томящий» взнуздывает меня
И угоняет на свои пастбища.

* * *

И словно подмывает кто на грех,
Подкатывает с ласковостью тихой,
Омоет сердце, не оставит след
И отойдёт, как друг... Но это лихо.

Послушаешь его – получишь вред.
Вред для души, для духа и для тела.
И превратится незаметный след
В глубокий ров для твоего расстрела.

* * *

Когда не подчиняешься страсти,
Когда отвергаешь её злой диктат,
Кажется, душу режут на части,
А в сердце влетел бронебойный снаряд.

Так тяжело расставаться с грехами,
Таковыми родными – вторыми «я»,
Что кажется, легче «двигать горами»,
Чем пережить эту грань бытия.

* * *

В духовном штрафбате те,
Кто страсти распял на кресте,
Кто в сердце заградотряд
Поставил из тех, кто свят.

Команда «Ни шагу назад!..»
Звучит от них, как набат.
Оружие их наготове.
А пули – в библейском слове.

* * *

...Всякий, делающий грех, есть раб греха.
Ин. 8:34

И снова душу захватила страсть!..
Врасплох застал её внезапный натиск,
Взяла за чуб, и обмакнула в грязь,
И раскатала, словно хлебный мякиш.

Что дальше?.. Дальше – что угодно ей!..
В футбол или в лапту с тобой сыграет!..
А пожелает – вышвырнет за дверь.
И слова поперёк душа не скажет.

Не возразит!.. Не пискнет, словно пыль!..
Но только вытянется подобострастно!..
А помнится, рассказывали быль,
Что будто отменили повсеместно рабство?!

* * *

И узнал я коварство врага,
Стелет мягко, сулит все царства,
Но коль схватит за два рукава,
В запятую сузит пространство.

Словно липку тогда обдерёт,
Сморщит кожу, изроет душу...
Испытаешь такую стужу,
Что мурашек не соберёшь.

О НЕКОТОРЫХ САЙТАХ ИНТЕРНЕТА

Там грязь и грех. Туда не заходи.
Испачкаешь духовную фуражку.
И выстирать не сможешь. На пути
Тебе подсунут белую ромашку,

Которая на самом деле зла...
Которая совсем и не ромашка,
Но дёготь, выкрашенный добела,
С зацепом от смирительной рубашки.

Татьяна ДУЛЬНЕВА

Член Совета Общественной палаты Омской области, член-корреспондент Петровской академии науки и искусства (г. Санкт-Петербург). Выпускница Омского института инженеров железнодорожного транспорта и Омского государственного педагогического университета. В энергетическом строительстве – руководитель проектных работ и технического надзора, в народном образовании – учитель и руководитель школы.

Присвоено почётное звание «Педагог года», награждена медалями «Патриот России», «Жене офицера», «20 лет вывода советских войск из Афганистана», «90 лет Воздушно-десантным войскам» и «95 лет Вооружённым силам РФ»...

Стихи и прозу пишет с 1998 года. Автор романов «Вотчина», «Провинция» и «Эликсир». Изданы статьи, стихи и проза в научно-практическом журнале «Национальные приоритеты России», в альманахе «Тарские ворота», в сборниках стихов «Мы встретиться должны» и «Откровение», в местных СМИ.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Бойцы вальяжно в камуфляже
Походно красовались на броне,
Прибывшая пехота с экипажем
В деревню от усадьбы в стороне.

В венке дивчину с караваем
Искали взгляды бойкие солдат,
Азарт самодовольно не скрывая,
Слегка спустив на плечи автомат.

Открылись двери настежь у избушки,
Навстречу двое шли к плечу плечо.
Победно знамя вынесла старушка,
В руках советское сияло кумачом.

«Родные, милые, дождались!..» –
Кричала со слезами на глазах
Седая мать, не разглядев на стали
Нацистов знак, душевное сказав.

Кто от души, а кто в насмешку
Солдатским провиантом одарил.
Презренье, жалость вперемешку.
По-братски их старик благодарил.

На землю брошенное знамя
Смех мерзкий разом пробудил.
Горело под ногами бесов пламя!
Поруганное встало на пути!

«Не смейте! Убирайтесь! Уходите!
Не троньте знамя подвигов отцов!
Народ вы никогда не победите!
Не примем ничего от подлецов!»

ДЛЯ РУССКИХ НЕТ ЧУЖИХ ДЕТЕЙ

Глаза – бойницы, контур тела,
Фашистской свастики оскал.
Окрас на лицах крови, пепла.
Звериной пляски карнавал.

Закрыли пленных в каземате.
Здесь мерзкий хохот наглых псов.
Остры нацистских тварей маты,
Цинично запирающих засов.

Детишки мигом повзрослели,
Мучителям ни слова не сказав.
Молила о пощаде на коленях
Седая мать с отчаяньем в глазах.

В кромешной тьме углов подвала
Прощались. Заживо погребены.
Старушка тихо Бога призывала,
Стучали вплачь до дрожи у стены.

Рвались со стоном, лязгая, снаряды,
Фасада разрывая тишину.
Шёл бой, и с узниками рядом
Десант с «Азовом» вёл войну.

Минута тишины длиннее жизни.
Ты на земле, и ты ещё живой!
Встают сыны – щит, меч Отчизны,
У края пропасти бросаясь в бой.

Боец призывный стук услышал.
На фронте обостряется всё, слух.
Открылась под напором ниша,
Раздался крик! Перехватило дух...

Нарушил пулемёта вой затишье.
Прицельно метил нацика азарт.
Для русских нет чужих детишек.
Из-под огня спасал их всех десант.

РУССКОЕ РАЗДОЛЬЕ

Как море русское раздолье,
Здесь звёздной сини океан,
Простор, увенчанный любовью,
Где щедрой силы великан.

Душа, пылая нежной болью,
О вольной волюшке щемит,
Вдруг песней выльется на волю,
Протяжно, звонко зазвенит.

Льёт переливами и всплесками,
То к звёздам поднимая дух,
Лугами мчит и перелесками,
Томит простор, лаская слух,

За сини скатываясь горы,
В пучину моря, свет очей,
Тоски немыслимой узоры,
Какой не вычерпать ничем.

Мотив другой с такою силой
Наполнит райский песни звон.
Сады цветущие для милой,
Холмы запляшут в унисон.

Свободно песни многозвучье.
Душа на воле, словно пух.
В широком поле, на излучье
Без рамок быта тоньше слух.

КОЛЬ С НАМИ БОГ

Пылают сёла и станицы.
Горит земля, кровавый дым.
Слезами нашими умыться
И горем жаждут силы тьмы.

Засеять зубьями дракона,
Низвергнуть русской славы дух.
Соборы жечь, дома, иконы,
Неверьем наш пресытит слух.

Взывает колокол Донбасса.
Луганска бьёт, гудит набат.
Взмывает русский стяг над базой,
Там бой ведёт твой старший брат.

Ракетный смерч на Соledаре
Как лунный городской пейзаж.
И рвёт картечь, как в Кандагаре,
Вновь дух испытывают наш.

Проснитесь, русские, Россия!
Пусть будет истин строй един.
В единстве наша крепнет сила.
Коль с нами Бог, мы победим!

ПОД РУССКИМ НЕБОМ

Плывут под русским небом облака,
В дали необозримой исчеза.
Как будто простирается река,
Парит и плещет, мирно ускользя.

Так было сотни лет, веков подряд,
Так будет через тысячи столетий.
Всходило солнце наше и заря,
Крест, купол озаряя на рассвете.

Под этим вечным небом рождены,
В крови простора русского величье,
С рожденья в смыслы эти влюблены,
В любви мы с Богом, наши щит, отличие.

Под сводом светозарного тепла,
В потоке света солнечного ветра

Порода Ярославичей светла
Добром души и правдой веры.

Как любит наша беззаветно кровь!
Хранит любви священные обеты.
Не бросит, не предаст свой род и кров.
В огне борьбы рождаются победы!

В ПРОСТОРАХ ДУХА КРЕПОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

В веках сакральна вещая России,
Негласна незабвенная любовь.
Никак нельзя изъять клещами, силой,
С годами прорастает в душах вновь.

Однажды в землю брошенное семя,
В излучье русской вотчины времён,
Вгрызаясь в рубежи, явилось племя,
Могучий дух здесь крепости творён.

Ни барства, крепостничества оковы,
Ни половцев набеги, гнёт монгол,
Мощь царства растоптавшие подковы,
Свободы не сломили частокол.

В просторах духа крепость человека,
Трудами окропившего кров и хлеб,
Достоинство не меркнет век от века
И правды жажда, смысла на земле.

В мирянах не иссякло благородство,
Любовь к берёзкам нашим и полям.
Никак не приживается холопство,
Святое царство в памяти храня!

РОССИИ ЛИЧНЫЙ БОГ И ВЕХ АЗЫ

Растут слова из перелесков дали,
Простора русского, лесов, полей.
Взошли и синеву небес впитали,
Колосьев спелых золото морей.

Слова, в них сущности и смыслы,
Культуры нашей зашифрован код.
Слова, в них неразлучны мысли,
Сатурна путь, истоков след, исход.

Слова родные русской речи
Восходят к роду древнему племён.
Характер нрава в Новгорода вече,
Осталось слово в славе дел, имён.

Высокий слог пределы множит.
Красив и звучен русский наш язык.
В нём русский дух звучит, тревожит.
России личный Бог и вех азы!

МЫ РУССКИЕ

Зачем нам русскость умялять
Невесть каким друзьям в угоду?
Насмешек грубость не унять,
Всё злее, громче год от году.

Кричат о русскости просторы,
О вольной волюшке мотив.
Кричат поляны, косогоры,
Зов неба солнечный ретив.

Веков дыхание повсюду,
Связь неразрывная во всём.
Снисходит к нам подобно чуду –
Кем прежде были, чем живём.

Души неведомая тайна –
В ней широта, в ней глубина.
К восходу тянет не случайно,
За горизонтом лишь видна.

Ничем нам русскость не измерить –
Поёт в душе, бурлит в крови.
Любить Россию, свято верить –
В ней сила правды и любви!

Труда во славу и побед
С ней в мире племени законы!
В скрижалях братьев русских след,
Не знают страха наши воины.

Напрасно, мы не позабыли.
В нас гены гордых руссов есть!
Характер памятью взрастили
Дел славных, им хвала и честь!

Лариса ПУШИНА

КОСМОС

*...Введите в свою жизнь тот мир,
блётки которого уже даны вам
щедрой, тайной рукой.
Александр Грин*

Играют листья с ветром в рамми.
Лучи сверхновых – в кольца дуба.
Складной iPhone уже с горами.
Температура космоса растёт.
А еврипидова «Гекуба»
С любви мгновениями не вразлёт.

Где нежно – будет циник с ядом.
Где искренно – паяц с могилы.
Талант и зависть вечно рядом.
Для красоты есть речи «все умрём».
Для гениев – цензур ИГИЛы¹.
Но хрупкие и Стинг, и пыль с царём.

ПУШКИН

Величайший российский поэт.
Несравненный. Сравнимый с тобой,
Эпохальных лучей менуэт
Под влюблённого мига прибор.

Он создал и мелодии нас,
И кантаты о марсовых снах.
Вы взгляните получше в алмаз:
В нём Татьяна как символ письма.

У рекламы и тени черты
Персонажей далёких поэм.
От сияния до черноты
Полонезы строки с бытием.

Он летит в «Телеграме» орлом,
Удивляет снега и весну,
На «Ютубе» идёт напролом,
Наполняя, как Болдино, звук.

Он чарует нас юным дождём,
Что хрустально поёт о весне.
Он звенит из картины ручьём,
Оказавшимся морем извне.

Я люблю тебя, Пушкин, как дом
Для поэтов, театров, певцов.
Я люблю тебя, Пушкин, как том,
Где не повесть, а неба лицо.

КВАДРАНТИДЫ

Сумерки звёздно вдали от восхода.
Мы говорим о дилемме вчерашней.
Снегом рисуется нежная ода.
Знаю, что нет феномена миражной,
Чем неторопкое вечно мгновений.

Но Квадрантиды, поток Волопаса,
Будто не ведая эр преходящих,
Код уникальности строят, как Баста,
Жигами Моцарта падают в ящик,
Где первоцветы, полёты, аллеи.

Вечное смешано с радостью мига.
Сказочен вольный парад метеоров.
Даже политики хмарь светлолика.
Тёмен Зеленский? Да нет, мельхиоров.
Мрачные санкции? Дождичек летний.

Тимом Суини, быть может, задуман
Контур движка, где чарует нас милость.
Мы нереальны. Планета надлунна.
Словно мелодии «Вам и не снилось»,
Всё вдалеке от приостановлений.

ЛАНИАКЕЯ

Мы живём в Ланиакее,
«Необъятных небесах»
По гавайским буквам, Лее,
А ещё по снам вразмах.

Эры лепестков галактик
Мотыльками светят в ночь.
Наугольник, лунный тактик,
Думает, как всем помочь.

¹ Деятельность террористической организации ИГИЛ запрещена на территории РФ.

В миге бойкий юный странник,
Чинный годсгодгулус лет,
Сотня роз как Google-гранник
И межоблачный браслет.

Звёзды Волка, Скорпиона,
Жертвенника и стихов
Дарят имя Гермiona,
След, мистраль «и был таков».

Что-то где-то взлётно точно,
Кто-то шёл когда-то вдоль,
В хрупком запахе цветочном
Ты и я, «о'кей», «уволь».

ДОРОГА

Спасибо, Периандр: изобрёл
Железную дорогу из любви,
Бескрайних рек, полей и облаков,
Бесчисленных вальяжных визави,
Любимого, бегущего легко
По строкам, где судьбы орёл.

Вокруг нас воплощённые мечты
О нереальных будущих путях,
Эстетика прорыва вглубь и вдаль,
Златые звенья многих «ты» и «я»,
Шумов неповторимая вуаль,
Романтика «Бери холсты».

Тоннель! Какое счастье! Мрачный миг
Отчаянно космического сна –
И яркий свет, что побеждает ночь
Всегда, во всём, как нежная весна,
Повелевающая превозмочь
Себя и ехать напрямик.

YouTube с «ВКонтакте» булькают свернуть
С величия Амура и кота,
Что сказки о Байкале говорит,
На планы Пентагона и плута.
Но нравится мне лирики лонгрид,
Стальной, прямой, надёжный путь.

КУИНДЖИ

Феномен ажиотажа:
Очередь в музей стоит.
Молодые птицы, стража
Для грядущего сюит.
Пожилые тигры с плит,
Где хорош на башни вид.
Френды теорем и квинт
Хипстер, ёж, влюблённый Флинт.

Не за мраком, не к невежде,
Не в поп-звёзд игривый свет.
Наш народ не так, как прежде,
К будущему разодет.
Где от века жёсткий сет
Nowhere и везде,
Даже в юном торжестве
Миг от хищных сует сед.

ЮПИТЕР

Ты любишь дельфинов, игривых по-детски,
Весёлых и чутких, как море в любви,
Забывшее бурь дождевые гротески,
Поющее львёночком песню «Живи»?

Акула боится. Идёт стороною.
Дельфин помощней. И с поддержкой небес.
Не думает он никогда: «Приуною».
Готов для пьерошных устроить ликбез.

На волнах танцуя, дельфин дружелюбен.
Он мил и к своим, и к речам чужаков.
Агрессия? Ладно, чудак, повоюем
За мир без чудовищ и злобы оков.

Дельфина Шон Доран увидел на фото
С Юпитера, юной планеты без нас.
Там нет пока Блока, смартфонов и Otto.
А в небе дельфинчик. Он облако спас.

В ТРАДИЦИЯХ РУССКОЙ КЛАССИКИ

*Вверху, в пространствах, тысячекратно повторённых
во все стороны, бушуют звёзды, а внизу всего только люди...
Но какой ничтожной пустотой стало бы без них всё это!
Наполняя собой, подвигом своим и страданием мир,
ты, человек, заново творишь его...*

Леонид Леонов. Вор

Валентина МАТУШКИНА,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы,
Мичуринск-наукоград

В словесно-образной картине романа «Вор» 20-х годов прошлого века Леонид Леонов нарисовал своё представление о взаимоотношении высокого небесного и земного. Вверху бушуют звёзды в бесконечных пространствах, а внизу всего лишь земные люди, человек, но вся эта высшая мощь была бы бессмысленна, если бы человек в страданиях своих и подвигах не творил бы, не обновлял, не дополнял этот мир.

Максим Горький воспел дело рук и мозга человека. Однако с каким страданием и болью в романе «Жизнь Клима Самгина» писатель выразил подавление человека самой историей, уподобившей человека насекомому – таракану! С каким напряжённым страданием Фёдор Михайлович Достоевский пытался открыть, познать тайну человека, ибо, по его признанию, сам хотел стать человеком. Иван Алексеевич Бунин всю русскую литературу определил одним словом – «страдание».

В ключе русской классики болевой интонацией открывается новая книга прозы «Альтанка» писателя Валерия Семёновича Аршанского. «Умирают дворы...» – в этом слышится что-то, казалось бы, тихое, земное, неотвратимое. Однако глубокая

пауза, выраженная синтаксическим многоточием, резко нарушает земную повседневную естественность. Она обрывается гиперболическим сравнением: «Бушующий, как тайфун, как цунами, всепланетный вирус ROS – разобщённости, отчуждённости, замкнутости – поражает человечество посильнее эпидемии ковида».

Все разные по жанрам произведения, включённые в книгу «Альтанка», объединены главным беспокойством писателя об «умирании дворов» – человеческом беспамятстве, пренебрежении великими традициями прошлого. И в противовес, казалось бы, всеильному ROS в человеческом бытии писатель находит гораздо более мощные, победные явления – единение, общение, свобода.

Первая повесть – «Улей» – открывается картиной праздничного застолья 9 Мая. Общий стол объединил людей разных профессий, разных судеб. Здесь и бывший лётчик-истребитель, а теперь почтальон Иван Герман, рядом истопник квартальной котельной, он же рабочий корреспондент городской газеты Тихон Калюжный, с ним напарник – «беспартийный большевик» Пентюхин, а ещё врач детского приюта, эвакуированная блокадница Ирина Эдуардовна, Карп Никаноров, он же Ретин, он же вор Никанор, и дворовый «летописец» Валентин... Во всей социальной многоликости автору дорого трудовое начало его героев. Иван Иванович Герман в годы войны

героически защищал жизнь советских людей и страну, таков он и в мирное время, вынужденный, что называется, спасаться «бегом от инфаркта», работая почтальоном. Бывшая снайпер Нелли теперь заведующая кондитерским цехом, щедро оделяющая пряниками всех ребятишек, и даже в прошлом по глупости вор Никанор лелеет несбывшуюся мечту влиться в трудовые ряды, как дворовый «летописец» Валентин, ставший инженером-строителем.

Писатель акцентирует внимание на добром начале в трудовой человеческой деятельности. Добрый труд в понимании автора – это труд созидающий, преображающий человека и мир. Идея преображения, обновления объединяет все произведения книги. Повесть «Альтанка» является кульминационной в реализации авторской идеи. Эту повесть, в отличие от «Улья», писатель начинает с частного случая. Герой повести Борис случайно увидел на экране телевизора своего школьного друга Яна, теперь архитектора. Ян из благополучной семьи, после окончания школы служил в армии, получил архитектурное образование. Борис жил в ограниченной материально, если не сказать бедняцкой, семье. Отслужил в армии и думает о дальнейшей дороге в жизнь. Его случайный знакомый Аркадий предложил поехать к состоятельному дяде в таёжный посёлок Лесной, самостоятельно заработать денег, чтобы получить возможность учиться в вузе. Ян пылко возражает: после армии и так берут в институт на льготных условиях. «Но разве проживёшь на жалкую стипендию? Это ты ни в чём не нуждаешься, сыт, обут, одет. А я? В одном армейском бушлате», – с обидой говорит Борис. Так вспыхнула первая и последняя ссора друзей. Борис, пусть заочно, заканчивает лесотехнический институт и работает там же, в Лесном, директором профессионально-технического училища. А Ян с блеском защищает в архитектурном институте разработанный им проект грандиозного паркового павильона, именуемого «Альтанка». Тема выбрана не случайно. В художественной системе произведения она воспринимается как символический образ единения и красоты. Однако мечта молодого перспективного архитектора не смогла осуществиться на земле, которая его взрастила,

воспитала, дала образование. После распада СССР и разгона КПСС никто не мог помочь сотням и сотням таких талантов, как Липкин. И Ян под давлением неумолимых обстоятельств просто вынужден был покинуть свою страну, уехать на историческую родину предков для воплощения своей мечты. Каждый из героев повести Аршанского делал свой выбор в жизненном определении, у каждого был свой путь. И Борис, и Ян, и Аркадий, трое друзей, в выборе профессии ориентировались только на свои личные возможности, на свои силы и способности. Самостоятельность в жизни, когда ты не полагаешься ни на так называемую мохнатую лапу, протекционизм влиятельной персоны, ни на папу с мамой, а сам, преодолевая всяческие барьеры и препоны, упорно пробиваешься к намеченной цели, – вот тоже стратегическая линия повести «Альтанка».

Русская литература дала великолепные образцы осмысления проблемы самоопределения человека в жизни. Это прежде всего известная автобиографическая трилогия М. Горького, повествующая о его жизненных университетах, сформировавших из сироты-мальчишки писателя-классика благодаря его силе воли, способности «сопротивляться окружающей среде», любви к людям и жизни, страсти к книгам. Сегодня трилогия Горького должна бы стоять первой в списке школьной программы по изучению русской литературы. Примечательна пьеса Леонида Максимовича Леонова «Золотая карета» (в пяти редакциях драматурга) о выборе юной героини Марьки на пути к своему Памиру. Или в своё время получившая широкий читательский резонанс трилогия Юрия Германа «Дорогой мой человек», «Дело, которому служишь», «Я отвечаю за всё», где писатель особенно вычленяет проблему становления личности, профессионального и гражданского формирования молодых героев Владимира Устименко и Вари, прошедших через тяжёлые военные годы. Герои Германа выдержали испытание войной: Владимир – известный врач, Варя – геолог-разведчик.

Ни военные годы, ни перегибы, имевшие место в истории страны, не сломили крепость духа русского народа. В повести «Альтанка» Валерия Аршанского есть примечательная массовая

сцена празднования 8 Марта. По великой русской традиции и русским обычаям народ выходит на улицы вместе поделить душевную радость. Раздаются частушки:

*В шесть часов поёт петух,
В восемь – Пугачёва.
Магазин закрыт до двух,
Ключ у Горбачёва.*

*– А у нас сегодня дождь. А у вас?
– А у нас в отставке вождь. Это раз.
– А у нас сегодня кошка
Родила троих котят,
Их Хрущёв собрал в лукошко,
Хочет вырастить телят.*

Под частушечным бодрым народным ритмом слышится глубокая ирония в адрес бездарных, не любимых народом руководителей государства, запечатлевших себя в неблагодарной памяти потомков.

Народная тональность родственна самому писателю. В ключе жанровых лирических миниатюр Михаила Пришвина, «Мгновений» Юрия Бондарева, «Камешков на ладони» Владимира Солоухина Валерий Аршанский создаёт свои «Щепотки» со свойственными ему лёгкой улыбкой, иронией, правда, порой переходящей в сарказм. Тем самым прозаик создаёт и лики современников, и приметы современности.

В одной из «Щепоток» рассказывается о поминках редактора газеты. Перед читателем предстают разные лица. И голос автора переполнен глубокой иронией, в которой слышится его возмущение поведением некоторых персонажей, провожающих в последний путь своего коллегу. «Охотников ехать в катафалке на кладбище... нашлось мало. Зато в кафе на поминки "тут и вся его родня набежала"». Авторская ирония усиливается использованием писателем строки из стихотворения, ставшего песней, Демьяна Бедного «Проводы». На тризне далеко не в лучшую сторону выделяется некая мадам Ф. Она подробно повествует о былых, далеко не праведных своих «заслугах», забыв об элементарных приличиях. Недаром автору вспомнились ироничные слова

Ремарка: «Нет ничего утомительнее, чем присутствовать при том, как человек демонстрирует свой ум. В особенности если ума нет».

Мадам Ф., к сожалению, не единичное явление. Такие «якалки» всегда пытаются брать аудиторию не умом, а напыщенностью, всезнанием. Они говорят не «друзья», а высокопарное «коллеги», не «жена», а «супруга», ещё отвратительнее их скользкое, лягушачье, канцелярское «я вас услышал», «транслирую указание», «примите инфоповод»... «Это что? И они кто? Люди или клопы безмозглые?» Уподобление, ирония, болевая горечь слышатся в авторских вопросах. Писатель глубоко убеждён: не эти канцеляристы с кроссвордным умишком определяют лицо культуры, лицо общества, а такие подлинные интеллигенты из народа, как Вернадский, Мичурин, Чичерин. Как земляки писателя, среди которых Дина Михайловна Вагер, ребёнком испытывавшая все ужасы гетто, но при этом сумевшая не ожесточиться против всего немецкого, более того – преподававшая студентам язык Шиллера и Гёте, Эрнста Гофмана и братьев Гримм, сама обладавшая незаурядным талантом стихотворца.

Вводя в художественный мир своей книги имена реальных людей, известных не только городу, но и всей стране, писатель тем самым объективирует психологическую типизацию героев. Художественные образы и реальные люди выстраиваются в книгу в один парадигматический ряд – Валентин, Борис, Ян, Олег... А далее – Виктор Лабузов, Дина Вагер – и рядом великие, знаменитые – Константин Симонов, Игорь Шаферан... Все люди с разными судьбами, разными профессиями, но их единит одно – стремление творить добро, красоту, пребывая в мире и согласии во имя человека, жизни и страны. В одном случае писателю необходимо обратиться к подкрепляющим его идеи мыслям современников. Используемые строчки Симонова свидетельствуют о болевых страницах в жизни русского человека:

*В деревянном домотканом городке,
Где гармоникой по улицам мостки,
Где мы с лётчиком, сойдясь накоротке,
Пили спирт от непогоды и тоски...*

В другом случае напоминает о произведениях духоподъёмных, прославляющих красоту человеческих душ, дел, любовь к человеку, стране.

Автор перечисляет известные всем песни на слова Шаферана: о личных чувствах человека – «Ромашки спрятались» и «Одна снежинка ещё не снег», о любви к России – «Гляжу в озёра синие» и «Журавлёнок», о большом человеческом сердце, готовом делиться своим счастьем с другими, – «Мы желаем счастья вам»... Здесь же мы обязаны вспомнить и талантливейшую музыкальную чету Николая Добронравова и Александры Пахмутовой! Они достояние страны, её гордость и величие, по их стихам и песням можно изучать российскую историю XX века.

Основные герои книги – люди послевоенного поколения, как и сам автор, или те, чьё детство выпало на время военного лихолетья, как уважаемый врач Виктор Лабузов в рассказе «Соло для скрипки». Его имя хорошо известно коренным жителям города Мичуринска. Им дороги нравственные ценности отцов и дедов. Им больно осознавать нарушение законов, о которых говорила Екатерина Великая в рассказе «Купание императрицы».

В «Щепотках» писатель с большим возмущением констатирует конкретные факты перекосов, имевших место в советскую эпоху, когда насильственно насаждались идеи руководителей государства того времени. С этим нельзя не согласиться. «Читали произведения классика пролетариата папуасы Новой Гвинеи, аборигены Камеруна, Андорры, Зимбабве?» Нам это неизвестно, в том сомневается и сам писатель. Однако издатели произведений Ф. Энгельса, К. Маркса, В. И. Ленина будто предвидели время «бредовой перестройки» (Л. Леонов), оставляя потомкам на дальнейшее бесплодие миллионные тиражи.

В авторском понимании мечта о гармоничном мире, светлом единении может осуществиться в единстве интересов власти и народа. Эта мысль писателя чётко прослеживается в письме императрицы Екатерины: «Я желаю, я хочу лишь добра стране, куда Бог меня привёл... Слава страны – моя собственная слава...» Возвращая читателя в далёкую эпоху, писатель

говорит, что добро и зло не знает ни временных, ни пространственных границ, ни национальных признаков. Это вездесущее явление. Екатерина – немка по происхождению, Ян – еврей, Борис – русский, но их всех объединяет общее – желание делать добро, а не делить друг друга по религиям, по вероисповеданию.

Идея человеческого в любой национальности особенно актуализировалась с революцией 1917 года, с созданием СССР. Писатели XX века широко освещали национальную проблему: «Города и годы» К. Федина, «Evgenia Ivanovna» Л. Леонова, «Берег» Ю. Бондарева. Любопытно в этом плане две художественные детали в повести Валерия Аршанского «Альтанка». Надо сказать, что в поэтике писателя художественная деталь выполняет особую идейно-эстетическую функцию. Порой смысл детали прозрачен и легко узнаётся, в другом случае дойти до её сути бывает трудно. Её подтекст или распознаётся самим интеллектуальным уровнем читателя, или появляется необходимость обратиться за помощью к толковым словарям. В повести «Альтанка» есть такая деталь, которая может интерпретироваться по-разному. Над входом в контору леспромхоза висит транспарант «Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым!», а рядом киноафиша «Убить пересмешника». Невольно встаёт вопрос: какую цель преследовал автор при выборе этих деталей?

Особое значение в повествовательном многоголосии книги имеет голос самого писателя. Автор, следуя гуманистической традиции великой классики в её думах о человеке и мире, с той же болью и надеждой просматривает российскую историю XX века и нашу современность.

Цитаты классиков, тонко используемые писателем, вставные конструкции, имена и голоса общепризнанных деятелей культуры, искусства, науки раздвигают пространственные, временные, эпохальные границы книги «Альтанка» Валерия Семёновича Аршанского. Какая безбрежная теснота наполняет её художественную палитру!

Пожелаем автору крепкого здоровья и новых творческих успехов! Пусть его умные, честные книги всегда радуют читателя!

Андрей ПРОНИН

г. Рязань

Андрей Николаевич Пронин – член СПР, автор более десятка книг поэзии и прозы, лауреат премии им. Я. Полонского за исторический роман «Винтовка Мосина».

БАЛЛАДА О НАШЕЙ СОВЕСТИ

Смотрите,
Смотрите!
Грунтовой дорогой
Оттуда, где каждый,
Конечно же, был,
Идёт наша Совесть
Старушкой убогой,
Ногами тихонечко трогая пыль.

А Совесть –
Родня мне какая-то вроде.
Однажды я, встретив её,
Не узнал.
Она из деревни,
Наверно, уходит,
Где в ветхой избёнке
Осталась одна.

Убили на фронте
У Совести мужа,
А сын её
Пьянствует где-то давно.
И в жаркую пору,
И в зимнюю стужу

В прогнившей избушке
Ей страшно одной.

Ещё у неё
Будто выкрали воры
Иконы,
И некому воду носить.
Плетётся, убогая,
Видимо, в город
Молиться
И милости в храме просить.

Конечно, за нас
Она будет молиться,
А мы – ей за это
Давать медяки
И вниз опускать
Полусонные лица
При виде её
Исхудавшей руки.

Идёт старушонка
По глиняной пыли
С котомкой
На худеньких,
Хрупких плечах.
Мы к Совести нашей
Дорог не мостили.
Мы Совесть свою
Не выходим встречать.

* * *

В тот вечер в тихом городе старинном
Неспешно тлел натруженный закат.
В его лучах, горбами выгнув спины,
Ползли по переулкам облака.

Уставшие от мороси деревья
Уткнули кроны в скаты мокрых крыш.
Некошеные ближние деревни,
Угомонившись, погрузились в тишь.

Усталый ветер, разогнав ненастье,
Ласкал в лучах заката купола.
Лишь в парке, тишину порвав на части,
Как в скачках, тройкой музыка несла.

Но всё равно с дождя дышалось легче,
Чем охмелевшим от распутья днём.
И всё бы было просто в этот вечер,
Когда б Она не появилась в нём.

Когда бы не увидел я случайно,
Как шла Она в тот миг между людей,
Неся мою ненайденную тайну,
Что я, казалось, не терял нигде.

Я не терял, но эта тайна с Нею.
Мне лишь украдкой на Неё смотреть,
Смотреть и думать, как я не умею,
Чтоб не терялась эта тайна впредь.

Ну а закат в тот миг томился стыло.
И ветер нежно гладил купола.
Что делать, чтоб Она меня спросила
И тайну мне сама бы отдала?

* * *

Я стал слепым, вернее, ослеплённым,
Когда ты шла с восточной стороны
По травам скошенным, пока ещё зелёным,
По травам поздней пасмурной весны.

Я стал глухим, я ничего не слышал,
Лишь голос твой я различал, пока
Дождь барабанил по зонтам и крышам
И ветер гнал на запад облака.

Я стал немым, и слов сказать не смея,
Когда не говорил от немоты,
Обманываясь радостью твоею,
Чтоб понимать, как мне ответишь ты.

Я точно стал безруким и безногим
И голова моя была не та,
Когда стояли лужи на дороге,
Когда меж ними шла моя мечта.

Я стал тогда невыносимо слабым,
И удержать никак не мог тебя,
И лишь мечтал меж трав найти хотя бы
Следы с тобой ушедшего дождя.

* * *

По небесному повелению,
По законам степей и лесов
Из глубин первозданной Вселенной
Я услышу пронзительный зов.

И на мягких пружинящих лапах
Сквозь пустынную звёздную тьму
Я войду в этот город на запах,
Что известен лишь мне одному.

Так встречаются дикие звери –
От повадок таких не уйдёшь.
Сквозь закрытые окна и двери
Ты почувствуешь хищную дрожь.

Наша дикость граничит с безумьем.
Кровь из ран перестанет густеть.
И приснятся тебе в полнолуние
Все набег в промёрзшую степь.

Кто с рожденья свободою болен,
Тот в душе не приемлет покой.
Ты измучена снами о воле,
Ты полна первозданной тоской.

И закрытая дверь не поможет –
Дикий запах до бреда любим.
Потому ты и ждёшь этой дрожи,
Слыша зов из вселенских глубин.

* * *

Мы, грешные, смешны и так похожи:
Мы любим лесть, подарки, красоту.
Всё можно в этой жизни уничтожить:
Любовь, надежду, веру и мечту.

Всё можно осмеять, убить, разрушить –
В нас варварство главенствует подчас.
Но если умирают наши души,
Что остаётся человечье в нас?

Никто тогда ожить нам не поможет.
Не тот живой, кто ходит, пьёт и ест.
Всё можно в этой жизни уничтожить –
У нас уже в достатке мёртвых мест.

У нас ходячих мертвецов в достатке,
Которых трудно в третий раз убить.
Они сильны и на живое падки,
Они из камня делают гробы.

Всё можно в этой жизни уничтожить.
Но потому, что живы я и ты,
Я буду в каждой встречной и прохожей
Искать твои желанные черты.

* * *

Гулящий ветер нынче в дурь обижен
На то, что люди спрятались в дома.
Охотница метель спустилась ниже,
Чтоб с ходу, влёт кого-нибудь поймать.

Кряхтят, старея в одичалом парке,
Теряющие ветки дерева.
Между домов простуженная арка
Гудит, пытаясь голос не сорвать.

Фонарь ослеп, качаясь у забора,
Держась за провода в хмельной тоске.
Из подворотни цепким взглядом вора
Всё видит темень через щель в доске.

Озябшие вороны не летают,
На чердаках мечтая о тепле.
В подвалах строек приютились стаи
Голодных беспризорных кобелей.

Тускнеющие окна редко светят,
Не чая встретить зыбкое светло.
Меня, хмельного, гонит пьяный ветер,
Пытаясь шапку сбить своим крылом.

Куда иду, чего ищу – не знаю...
Не жду утра, не нахожу приют.
Зачем меня качает ось земная?
К чему метель заносит жизнь мою?

Ищу ль следы в ночи пропащей веры?
Как без неё под ветром устоять?
О камни стен пусть трётся холод серый.
Он одинок сегодня, как и я.

А может быть, что с утренним туманом
Дождутся света окна и столбы?
И я дойду в обнимку с ветром пьяным,
Дойду туда, где ждут нас, может быть?

Куда вернётся брошенная вера,
И я под тихий плач её усну.
И после этой ночи буду первым,
Кто утром смог себе её вернуть.

* * *

Ладонями туч
Закрывая закат,
Играют на струнах
Дождей облака.
Влюблённая Ночь,
Исповедуясь мне,
Прелестную песню
Поёт о весне.

Весеннюю песню несложно понять.
Красавица Ночь растревожит меня.
И будет она искушать до утра,
Играя дождями
И вторя ветрам.

А молча грустя
Под дождём у окна,
Ревнует ночами
Меня Тишина.
Но, слушая сладко
Поющую Ночь,
Ничем Тишине
Не могу я помочь.

Мелодии ливней, скрывая печаль,
Мою Тишину заставляют молчать.
И пальцы ветров, проходя по дождям,
Играют волшебную
Музыку нам.

Давай помечтаем,
Давай погрустим
И песню ночную
Друг другу простим.
Я знаю, как будет

Со мною нежна
Под музыку Ночи
Моя Тишина.

Слезами ручьёв размывая следы,
Уйдёт эта Ночь за Восходом седым.
Волшебницу будем мы слушать, пока
Играют на струнах дождей облака.

* * *

Если
Я хоть раз, каким-то днём
Не откроюсь чувству вольной птицы –
Значит,
Толку мало было в нём,
Значит,
Ничего мне не приснится.

Если
Я хоть месяцем одним
Не ступлю в снега или на травы –
Значит,
В этом некого винить,
Значит,
Я и вы во всём неправы.

Если
Я хотя бы раз в году
Не дойду до леса или поля –
Это значит,
Я попал в беду,
Значит,
Я потерян или болен.

Если
В жизни я хотя бы раз
Не любил
И не страдал любимым –
Это значит,
Я себя не спас,
Значит,
Жизнь моя промчалась мимо.

* * *

От месяца тени большие
Лежат на пушистом снегу.
Здесь чище, здесь выше, здесь шире,
Здесь я не любить не могу.

А звёзды, какие здесь звёзды,
А солнце, а поле, а лес!..
Я здесь – ничего мне не поздно,
Ты слышишь, ты слышишь, я здесь.

Я здесь, да и месяц – вот он!
Здесь сказки живут наяву.
Здесь в отдых мне даже работа,
Здесь, милая, здесь я живу.

Вот только немножко с грустинкой –
Но всё ж и грустить хорошо, –
Что нет здесь по снегу тропинки,
Которой к тебе б я пришёл.

Но снова, и снова, и снова –
Пусть этой тропинки здесь нет,
Я выучу нужное слово.
Ведь эта тропинка во мне.

Иду я, и ты со мной рядом,
Я знаю: ты помнишь слова.
Здесь радость мне прятать не надо,
Здесь надо её отдавать.

Здесь всё б мы с тобою решили,
Здесь славно в любую пургу.
От месяца тени большие
Лежат на пушистом снегу.

Дмитрий ИВКОВ,

г. Сапожок Рязанской области

Родился в 1959 году в селе Ясенки Ухоловского района Рязанской области.

Член Российского союза профессиональных литераторов (Рязанского отделения) с 2017 года и ЛО «Глубинка» Сапожковского района.

Автор трёх поэтических сборников: «Звенящие просторы» (Рязань, 2017), «Месяц над околицей» (Рязань, 2019), «Хрустальный поцелуй» (2021).

Обладатель серебряной «Ники» XVIII Международного литературного фестиваля «Под небом рязанским» (Рязань, 2023) в номинации «Поэзия (свободная тематика)» и бронзовой – в номинации «Военно-патриотическая лирика, посвящённая СВО».

* * *

Ночь. Шум дождя и слёзы по стеклу,
О чём ты плачешь, старости подружка?
Расстанусь я с тобою поутру,
Ведь нам не по пути, прости, старушка.

Пришпорю я гнедого под бока
И пронесусь галопом над полями.
Не береги дождями душу мне пока,
Ещё хочу пройтись босым лугами.

Ну дай мне покуражиться в седле –
Ведь до зимы ещё осталось время.
Спою с девушками частушки на селе,
Потом, быть может, и покину стремя.

Уйду зимою в спячку, как медведь,
А может, и займусь своей берлогой.
Не знаю, сколько буду ещё петь
И сколь длинна ещё моя дорога.

* * *

Красным тёплым одеялом
Накрыло солнце реку, лес.
Стою, укутанный дурманом,
Любуюсь красками небес.

Деревня милая, простая,
Щемящий крик моей души,
Пусть бедная, почти нагая,
Но не жалевшая гроши.

Откуда матушка Россия?
Да всё от сельского двора.
Ты для побед черпала силы...
Пришла опять твоя пора.

И снова сельские ребята
И городские – из села –
В строю, в окопах, как когда-то,
Россия, встали за тебя.

Я верю, что ребята сдюжат,
Непобедим русский мужик,
России-матушке послужат...
А над деревней – бабий крик.

МАТЬ

Всхлипы разрезают тишину,
Слёзы, слёзы горя, а не радости.
Сына провожает на войну
Мама, со стола сгребая сладости.

Для неё он малое дитя,
Пусть и далеко ему за тридцать.
На ухо сыночку пошептал,
Господу успела помолиться.

Наказала лучше воевать,
Помнить своего героя-деда.
А отца забрал Афганистан.
Тяжелы для женщины Победы...

Матушка-Россия, просто мать,
Родная, тяжела твоя судьбина.
Провожать и не всегда встречать
Воинов своих, кровинку-сына.

ТАК БОЛЬНО

Не прикоснуться мне к твоим рукам
И не погладить волосы седые.
Принадлежишь уже ты небесам...
Любите мам, пока они живые!

И не перед кем голову склонить,
И не услышать нежное «сыночек»...
Мамуля, ты умела так любить!
Но прозвенел с небес тебе звоночек.

А без тебя, родная, пустота.
Померкли вмиг и звёзды, и цветы,
И на душе страданья, маета.
Так больно, мама! Вот ушла и ты...

* * *

Проскакало рыжим жеребёнком
Солнечное детство на селе.
Соколом промчалось, соколёнком,
И обратно не вернуться мне.

Побродить ещё бы хоть немного
По траве нескошенных лугов.
Отыскать я вновь хочу дорогу,
На которой повстречал любовь.

Только не найти её, родную,
Заросло вокруг всё ивняком.
Глухари тут о любви токуют
И резвятся здесь с молодняком.

А когда-то я вот в этой роще,
Обнимая рыжую зарю,
Думал, ничего нет в мире проще
Прокричать ей поутру: «Люблю!»

А не прокричал, умчавшись в город,
Оставив рощу и село своё,
А город – это камень, это холод,
Всё это не ко мне и не моё...

А ЖАЛЬ

Сколь ни холил свою весну
И ни мял я цветочный май,
Ни шептал, что люблю одну,
Не услышала ты, а жаль.

Не сложилось у нас весной,
В изумрудном цвете берёз,
С малахитовой жёсткой травой,
В аромате твоих волос.

Разлетелся весенний дурман
Пеньем птах по шелковым лугам,
И остался молочный туман
Да влюблённый в май мальчуган.

Сколь ни холил свою весну
И ни мял я цветочный май,
Ни шептал, что люблю одну,
Не услышала ты, а жаль.

* * *

О чём поёте, соловьи?
Что на селе сегодня в моде?
Вы раньше пели о любви.
Сейчас, наверно, о погоде.

Хочу, чтоб спели вы о тех,
Кто вырос в этой деревеньке
И в города сбежал от всех,
Им шапка стала не по Сеньке.

Забывших про старушку мать –
Стоит в молитве у иконы.
Пропой! Они должны понять:
Одни у Господа законы.

На свете главное – любовь,
А без любви не будет жизни...
Не надо непонятных слов.
Любовь! С рождения до тризны.

Простите, певчие Руси,
Быть может, вас чем и обидел.
Прости, соловушка, прости.
Таким село я ныне видел...

* * *

Я БОЛЕН РУСЬЮ

Тихий, мягкий, сонный вечер
Опустился над селом.
Поутих лохматый ветер,
Задержавшись за углом.

Тихо запахи смородин
Расползались по дворам.
Нехотя за огородом
Закат уныло догорал.

Девки тихо у окошек
Губки красят не спеша,
Гладят кофточки в горошек,
Ночка будет хороша.

Гармонист при всём параде
Ждёт сигнала от луны,
Как взойдёт – и песен пряди
Полетят «туды-сюды».

И по улицам легонько,
Словно стая мотыльков,
Подпевая потихоньку,
Девки выйдут со дворов.

Соберутся в сельском клубе,
Парни здесь девчонок ждут.
Разберут все по зазнобе,
До зари гулять пойдут.

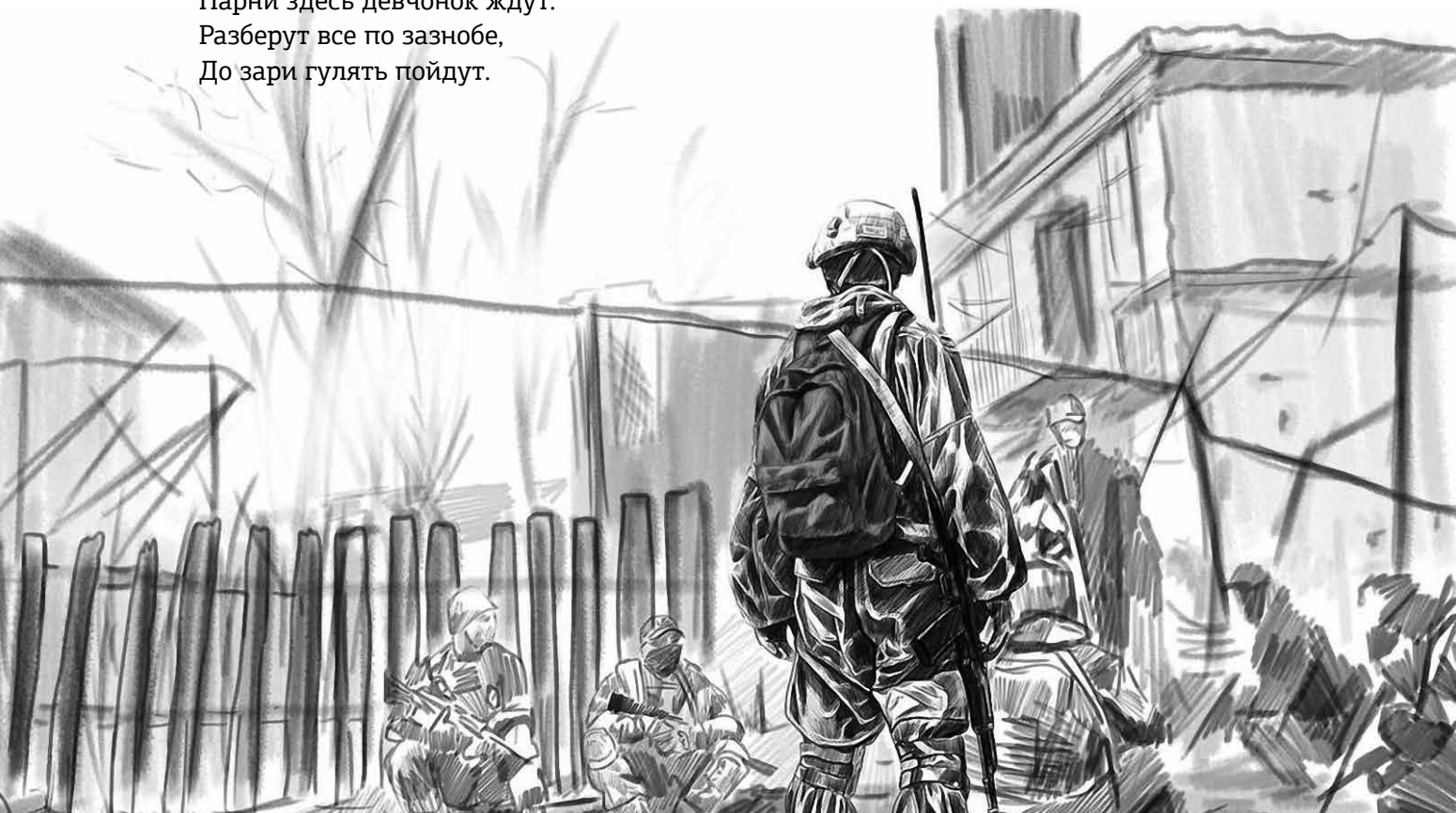
Я болен, сильно болен Русью,
И тяжелей с годами боль моя.
С берёзовой зелёной грустью
Ржанные снятся мне поля.

Деревни снятся мне родные,
Переулочки в десять домов,
Матери наши, ещё молодые,
Сильные руки отцов.

Люди мне снятся простые:
Взгляды добрые баб, мужиков.
Частушки звонкие, лихие
И двери настежь без замков.

Но всё промчалось, тихо на деревне.
Зловещая, недобрая там тишина.
Русь – из села, то знали мы издревле.
А выживет ли без села страна?

Я болен, сильно болен Русью,
И тяжелей с годами боль моя.
Перед иконою истово молюсь я,
Прошу у Господа, деревня чтоб жила...

Дмитрий ПАСАЛИН

Сотник Рязанского отдела ВВКВ (Великое братство казачьих войск) России и зарубежья, клирик-алтарник (пономарь) Успенского храма с. Мосолово Шиловского района Рязанской области с 2011 года. В 2018 году окончил Рязанское епархиальное училище, по классификации «катехизатор». В настоящее время учится на третьем, заключительном курсе по подготовке церковных специалистов при Рязанской православной духовной семинарии.

Произведения печатались в альманахах «Дебют» (т. 5, 2019), «Русь моя» (т. 5, 2019), «Георгиевская лента» (т. 2, 2019), «Наследие» (т. 3, 2019). Награды: медаль С. А. Есенина, медаль А. Ахматовой, Георгиевская медаль, звезда «Наследие».

ЖИВОЙ

Скрежет. Танков стальных армада.
Жизнь от смерти длиной в волосок,
Но осталась одна граната
Да единственный мой бросок.

Выстрел танка, бросок гранаты,
Секундантов нет в той дуэли,
Он стальной, я живой, мы солдаты.
Кто достиг в этой схватке цели?

Небо кубарем, земля из-под ног,
Пеленой на глаза смерти лик,
Видно, жизни моей вышел срок,
Вдруг услышал я матери крик...

Я очнулся в натопленной хате.
Запах ладана, слёзы и стон,
Глас священника, он о солдате
Поминальный читал канон.

Закричал я что было силы:
«Люди добрые, я живой!»
Но со мной рядом смерть ходила,
Обнимая меня рукой.

Святый Боже! Господь милосердный!
Дай обнять мне родимую мать,
Каюсь, грешный я, знаю, смертный,
Но мне рано ещё умирать.

Скрежет. Танков стальных армада.
Боевой в поле держат строй,
Тихий голос я слышу комбата:
«Слава Господу! Васька живой...»

ШТРАФНИКИ

Видать, Господь определил мне вдоволь
на земле помучиться, чтоб по самые
ноздри. Хотя куда уж больше.
А. П. Глымов (сериал «Штрафбат»)

Ночь седая, прошитая пулями,
Ставит жизнь мою на кону.
Голова как пчелиными ульями
Разгуделась – никак не усну...

Завтра к дотам. По минному полю.
После ста боевых для нас грамм
Мины многим могилы отроют,
Сотням братьев моих – штрафникам.

Вслед за нами пойдут сразу танки,
Как по гати, по нашим костям.
Нам не больно, мы не подранки,
Что до боли нам – «глухарям»!

Мы ушли, но мы с вами в драке,
Мы ушли, но мы с вами в строю.
Те – погибшие в страшной атаке,
О которых сегодня пою!..

Я ВЧЕРА НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

Я вчера не вернулся из боя,
Не подняться в атаку, не встать.
И грехи омыwać свои кровью
В русском поле остался лежать.

В сердце вдарил осколок от мины,
Я споткнулся, чтоб землю обнять.
Вот такие в тот день именины
Мне устроила вражья рать!

Мать-старуха заплачет украдкой,
Похоронку сжимая в руках.
Пред иконой затеплит лампадку,
Станет Бога молить о сынах!

Мы вернёмся весной журавлями,
Будет клину тому каждый рад.
Тёплый дождик прольёт над полями,
Где в атаку поднял нас комбат!

ИСПОВЕДЬ ТАНКА Т-34

Жало в горло. Снаряд – хладный взгляд,
Дух могильный ударил мне в ноздри.
Знаешь, Господи, всё же я рад,
Что приду к тебе осенью поздней.

Я устал видеть смерти лицо,
Тяжелы стали, брони и латы.
Видно, время моё подошло
Пасть на поле железным солдатом.

Здесь у каждого танка свой срок,
Не поможет и толща металла.
Но отдам я свой воинский долг,
Для того чтоб война замолчала!

Битва главная – там, впереди.
Как охота пальнуть по Берлину!
Полыхнуло огнём по груди –
Я с разгона наткнулся на мину...

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа,
Смерть крадётся по реке,
Всплеск снарядов слева, справа,
Мессер виден вдалеке.

Я медалями обвешан,
Не пойду ли я ко дну?
Ты прости, Господь, я грешен...
Снял с себя тогда одну!

Как далёк желанный берег,
Смерть близка да за спиной,
Волны бьют, как буйный Терек,
Помоги мне, Дух Святой.

Вспомнил я, жену, детишек,
Брата младшего – мальчика
И себя в худом пальтишке:
Жили бедно, без отца.

Плот уткнулся прямо в берег,
Пот холодный льёт с лица,
Не убьют меня, уверен:
Мать-старуха у крыльца,

Крест в руках. «Возьми, сыночек,
Обойдёт тебя беда».
Но слезу утёр платочек,
Отказался я тогда.

Но мне крест дал ангел Божий,
В душу положил мою,
Всю войну пройду, быть может,
Не погибну я в бою...

Отгremели пушки, беды,
Не погиб тогда в бою,
Я дошёл до дня Победы,
Бога я благодарю!

Переправа, переправа!
Жизнью веет на реке!
И от радости у мамы
Слёзы льются по щеке!

Михаил ДАНЫШОВ

с. Красное Сапожковского района
Рязанской области

Михаил Алексеевич Даньшов – член Союза писателей России. 66 лет. Выпустил три сборника стихов: «От сердца к сердцу», «Красные нити», «Моя вечерняя звезда». Стихи печатались в региональных и всероссийских журналах и поэтических альманахах.

МАЛАЯ РОДИНА

Я счастлив тем, что в этом мире есть
Мой уголок, где я хоть что-то значу.
Здесь родина моя. И только здесь
Поёт душа, ликует или плачет.

Едва ли в мире есть ещё места,
Где сердце так же трепетно забьётся.
Здесь с материнским молоком впитал
Любовь к земле, что родиной зовётся.

От куполов церковных и икон
Теплом струится благодать над полем.
Мой милый край, под колокольный звон
К тебе спешу по вешнему раздолью.

И, нашей встречи радость не тая,
Под перелив шального жаворонка
Мне тянет руки родина моя
Голубоглазой озорной девчонкой.

Звенит весна среди родимых мест.
Отсюда путь мой был когда-то начат.
Здесь родина моя, и только здесь
Поёт душа, ликует или плачет.

ЗВОНЯТ МОЕЙ РУСИ КОЛОКОЛА...

Взмывая, словно птицы с колокольни,
В распахнутые настежь небеса,
Плывут над всею Русью белоствольной
Колоколов церковных голоса.

Они зарёй стекают с небосвода
На лес, на поле, на речной причал
И вместе с солнцем над землёй восходят,
Играя в первых утренних лучах.

Они, как маяки, заблудшим душам
К спасению указывают путь,
Ведут сквозь бури к долгожданной суше,
В пучине зла не дав нам утонуть.

В них Божьей Матери открытые объятия,
В них мудрый глас Небесного Отца.
И музыке вселенской Благодати
Молитвой откликаются сердца.

Чтоб нас и к храму, и к родному дому
Тернистая дорога привела,
Пусть неустанно благодатным звоном
Звонят моей Руси колокола.

ОТКРОЮ ДВЕРЬ РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА...

Открою дверь родительского дома.
Здесь время замерло. Лишь кованый засов
Пугливо взвизгнет. Средь вещей знакомых
Других я не услышу голосов.

Сниму пальто, раздвину занавески
И окунусь в далёкие года,
Где дни светлее солнечного блеска,
Где детство заблудилось навсегда.

И никуда от этого не деться,
Не затеряться в отблесках густых,
И у печи холодной не согреться,
И боль не спрятать в комнатах пустых.

Кричу надрывно, но никто не слышит.
И звуки, замерзая на лету,
Стучат по сердцу и, скользя по крыше,
Бесследно пропадают в пустоту.

Смахну слезу и выйду торопливо,
Перекрестившись в сторону икон.
И долго вслед парнишка молчаливый
Смотреть мне будет из пустых окон.

РУСЬ

Мне эту боль в душе не загасить,
От этой правды никуда не деться:
Россия есть, но нет Святой Руси,
А без Руси Россия как без сердца.

С икон взирает скорбный лик Христа
На Русь, распятую в расхристанной России.
Доколь, скажите, мы, замкнув уста,
Ждать будем нового пришествия Мессии?

Всё те же, кто Спасителя распял,
Святую Русь за горсть золотых предали.
Но к окровавленным её стопам
Стекается народ многострадальный.

И люди не простят иудам жертвы.
Они к распятию с хоругвями идут.
А Русь Великая восстанет вновь из мертвых
И призовет предателей на суд...

НЕ ЛЕТАЮТ АНГЕЛЫ НАД ГОРОДОМ

В тёмном небе, молниями вспоротом,
Круг за кругом делая устало,
Белый ангел мечется над городом,
Городом, где святости не стало.

Не найти её теперь крылатому
Там, где совесть вытравлена золотом,
Где латают, как асфальт, заплатами
Дыры в душах долларом измятым.

Где метро, в кольцо сомкнувшись хордами,
Словно монстр в бетонном крепком панцире,
Слизывает нас, бездушных, ордами
И отрыгивает на безликих станциях.

Там давно молчит небесный колокол
Или льёт нам в уши пасторали.
Видно, и его сманили золотом
Те, кто нашу родину украли.

Те, кто день и ночь из телебашни
Ложь и страх нам впрыскивают в вены,
Чтобы мы забыли день вчерашний
И Союз, вовек благословенный,

Где был славен труд серпа и молота
И наш герб с венком из спелых злаков,
Что на сердце у меня наколоты
Самым дорогим на свете знаком.

КРАСНЫЕ НИТИ

На судьбу не ропщу понапрасну я.
Здесь родиться мне счастье дано.
Мне с рожденья село моё Красное
Красной нитью в судьбу вплетено.

Здесь рассветы мои, словно яблоки,
Вызревали в тенистых садах.
Здесь я жизнь постигал не по азбуке,
А в нелёгких крестьянских трудах.

Если вдруг оступался, то, падая,
Я цеплялся за красную нить.
И тянулась травиночка каждая,
Чтоб меня от беды охранить.

И, уставший, путями избитыми
Отовсюду к нему я спешил,
Чтобы здесь, под родными ракитами,
Вновь расправились крылья души.

ВНОВЬ ЗА ОКНАМИ ОСЕНЬ РОМАНС

Вновь за окнами осень сыплет листьями
с клёна
На уставшие плечи опустевших полей,
И возносит над пашней хриплый крик
к небосклону
Покидающих гнёзда седых журавлей.

И летят эти звуки, словно стрелы стальные,
Раня души людские всё больней и больней.
Ведь под крик журавлей провожает Россия
На священную битву своих сыновей.

Вновь за окнами осень, господа офицеры.
Вновь багровые зори над страной встают,
Чтоб, кто в сердце сберёт честь, отвагу и веру,
Поднимал батальоны за Россию свою.

Час настал, господа, не нарушив присяги,
В это время шальное за народ постоять.
Кружит ветер листву, словно алые стяги.
И с надеждой на вас смотрит Родина-мать.

Снова выбор за вами, господа офицеры.
Снова крик журавлиный не даёт вам уснуть.
А судьба неизбежно вас подводит к барьеру,
Чтобы в прорезь прицела в души к вам
заглянуть.

Вновь за окнами ветер листья жёлтые гонит
По изогнутым спинам бесконечных дорог,
Будто кто-то срывает золотые погоны
И швыряет их в лица тем, кто честь не сберёт.

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

С той поры, когда жизни моей колесо
По дорогам судьбы покатилося,
Материнское сердце с моим в унисон
В беспокойной груди рядом билось.

Был извилист мой путь, а подъёмы круты.
И случилось, что падал я с криком.
Но над пропастью мне наводило мосты
Сердце матери с ангельским ликом.

Отводило от бездны в далёком краю.
И, присев в трудный час к изголовью,
Без иголки латало мне душу мою,
Согревая своею любовью.

И сияло оно с каждым днём всё сильней
В зыбких отблесках сладкого детства,
Ярче всех на земле путеводных огней
Материнское чуткое сердце.

А когда, как лампада, угасло оно,
Всё вокруг стало серым и сирым:
Полумрак на душе, полумрак за окном,
Будто солнце погасло над миром.

БОЛЬ

Храм старинный в чистом поле,
А вокруг тоска и голь.
Как в пристанище Юдоли,
Здесь живёт земная боль.

Не телесная – другая.
Боль покинутых жилищ.
Боль, что душу выжигает
Видом серых пепелищ.

Боль, что сердце жмёт и колет
И кричит, кричит: «Доколь
Будет здесь по чьей-то воле
Всё помножено на ноль?»

Боль кричит лугам, и рекам,
И берёзке у межи:
«Что же стало с человеком?
Если сможешь, расскажи».

Ей листва, с ветвей слетая,
Отзывается в тиши:
«Видно, в людях не хватает
Человеческой души.

Нет в них зова предков боле.
Знать, навеки он затих.
Слышишь? Храм в безлюдном поле
Тихо молится о них».

ДОГОРАЕТ ЗАРЯ

Догорает заря и над полем пшеницы
Осыпается в каплях росы золотой.
В дальний лес на ночлег день уставший
ложится,

До утра окунувшись в сумрак ночи густой.

Льёт мерцающий свет сито звёздного неба.
С головой обнажённой я у поля стою.
Как причастье, вдыхаю запах спелого хлеба.
До чего ж хорошо в милом с детства краю!

Я теперь не хочу с этим полем прощаться.
Разведу костерок на обрыве крутом.
Посижу у огня, разомлевший от счастья.
А дела и заботы – это всё на потом.

И огонь, разыгравшись, жадно хворост глотая,
В полумрак зычно щёлкая, словно хлыстом,
Дней ушедших клубок предо мной разматает...
Жаль, нельзя затеряться в сладком времени
том.

Меркнет пламя костра, только мне всё
не спится.
Чтобы дольше хранить этой ночи тепло,
Я дыханием грею в ладонях синицу,
И напрасно журавль манит в небо крылом.

МОЛИЛАСЬ ЖЕНЩИНА...

Молилась женщина, воздев к иконам руки.
С дрожащих уст едва срывался глас:
«Господь, скажи, за что нам эти муки?
Иль Ты, Отец, совсем забыл о нас?

Ведь Ты же видишь, брат идёт на брата,
Но Ты не кажешь своего лица.
Уподобляясь Понтию Пилату,
Ты руки умываешь без конца.

Я ж пред тобою вся как на ладони.
Без добрых дел я не жила и дня,
А по ночам молилась у иконы,
Чтоб Ты хоть чуточку, но возлюбил меня.

Но Ты в ответ, наверное, в награду –
И в мире не одна такая я –
Забрал моё единственное чадо.
В чём виноваты наши сыновья?..»

Её молитва прерывалась стоном,
Когда ей виделось сквозь сумерки лампад,
Как будто сын с намоленной иконы
С неё не сводит любящий свой взгляд.

И словно он оттуда, издалече,
Где расцветают райские сады,
Пришёл к ней и, обняв её за плечи,
Уснул, как в детстве, на её груди.

Она ж, нарушить тишину не смея,
Рукой прикрыла бледные уста,
Прижав ладонью к сердцу и лелея
Нательный крест с распятием Христа.

Надежда МИХАЛИНА

Член Российского союза профессиональных литераторов, член правления Рязанского отделения РСПЛ, главный редактор Забайкальского межрегионального альманаха «Вместе» (г. Чита). Автор поэтических сборников «На берегу забытых снов» (2002); «Благослови меня, любовь» (2003); «Проводы лета» (2015), книги прозы «Мамины руки» (2014), книги стихов и прозы «Зимние бабочки» (2021) и книги сказок для детей «Шуша и Квакуша» (2021). Неоднократный участник, призёр и организатор литературных конкурсов и фестивалей различного уровня, в том числе международных. Награждена медалью Международного элитарного союза народной дипломатии (г. Нур-Султан) за успехи в международной деятельности по укреплению дружбы между народами.

* * *

Уходит лето быстро, безоглядно
В своём зелёном выцветшем пальто.
На стылых ветках зябнущего сада
Настраивает осень камертон.

Ещё немного – в вихре листопада
Закружит ветер жёлтую печаль.
Ещё чуть-чуть – заплачут безотрадно
Дожди, седым покровом выткав даль.

Совсем чуть-чуть осталось до заката,
И в ожиданье мечется душа...
Но разве лето в этом виновато,
Что осень правит жизнью не спеша?

* * *

На пороге слякотная осень.
После летней неги и жары
Листьями шуршащими заносит
Грустные, холодные дворы.

Отскрипели в поле коростели,
Хризантемы в парке отцвели.
Лишь кружатся звёздные метели
Да летят устало журавли.

Замер клён, купаясь в свете лунном,
Погружаясь в зыбкий омут тьмы,
В ожиданье первых поцелуев
Жгучих губ оснеженной зимы.

Горьковатый дым костров осенних
В бездне исчезает голубой.
Золотом дорожки ветер стелет...
Может быть, мы встретимся с тобой.

* * *

Осень в лужах хлюпает
И дождями плачется:
Загулялась, глупая,
Промочила платице.

Небеса белёсые
И ветра безродные.
У деревьев осенью
Ноженьки холодные.

Косогоры блёклые,
В реках воды тёмные.
По ночам под окнами
Бродят сны бездомные.

На полях крикливые
Стайки собираются...
Дни стоят дождливые.
Плачет осень, мается.

* * *

Словно вызнобив память о лете,
Хочет осень с обновкой поспеть:
Паутин невесомые сети
Разбросала на жаркую медь.

В тихой радости бабьего лета
Ощуаю печальный настрой,
Травяная мелодия спета,
Белоснежная не за горой.

Журавлиной щемящей тоскою
Переполнен закат за рекой...
В сад заветный калитку закрою,
Если сможешь, попробуй, открой.

ДОЖДЬ

Тяжелеющие выси
Подпирают тополя.
Частый дождик плетью высек
Перелески и поля.

За рекой ворчит угрюмо
И гремит пустым ведром
Бурный спорщик неразумный –
Озорной бродяга гром.

В мокрой тяжести черёмух
Мой плетень совсем поник,
А над ним висит огромный
Яркой радуги рушник.

* * *

На душе светло и весело:
Нет отраднее картины –
Осень рыжая развесила
На деревьях паутины.

Вновь листва в лесу таинственном
От смущения зарделась.
В свой наряд, хранимый исстари,
Златокося оделась.

Лишь вчера здесь суетливое
Буйно лето куролесило.
Нынче – осень – диво дивное!
На душе светло и весело.

* * *

Под лоскутным ярким одеялом
Дремлет осень в роще молодой.
Горьковатый воздух застоялый,
Тишь, блаженство, солнечный покой.

Паутинок лёгких ожерелья
На наряд из листьев золотых
Примеряют сонные деревья,
Взор озёр туманится лесных.

И гуляет ветер-непоседа
По пустынной скатерти полей,
Летних трав стога в душистой неге
Прошивают ниточки дождей.

На земле гостит седая вечность,
След её затерян средь теней...
...Ощуаю жизни быстротечность
Осенью и чаще, и больней.

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

Среди желтеющих деревьев,
Вдаль устремлённых светлых просек,
В печали тихой замерев,
Дождливый блюз играет осень.

С ладошек листьев бисер слёз
Залётный ветер резко сбросил.
Под сенью зябнувших берёз
Дождливый блюз играет осень.

Прощальный лебединый крик
Тяжёлую тревожит просинь.
Усталый лист к земле приник.
Дождливый блюз играет осень.

Моя мятежная душа
Покоя благостного просит.
Мне вдохновенно, чуть дыша,
Дождливый блюз играет осень.

ПЕСНЯ ОСЕННЕГО ВЕТРА

В трубочку вытянув губы,
Птиц провожая в полёт,
Ветер осенний угрюмый
Грустную песню поёт.

В речке студёные волны
Сходу в гармошку собрал,
Песней своею наполнил
Береговой краснотал.

Кружится осень седая
Под перепев-пересвист,
С трепетной ивы слетает,
Плавню спускается лист.

Пал на озябшую землю
Сирой осенней слезой,
Ветру поющему внемлет,
В сонный впадая покой.

Ветер свистит, лихостится,
Пляшет и просится в дом.
Странной мятежною птицей
В танце кружит под окном.

Кажется, силы иссякли –
Затих, обессилев к утру...
Дождливые крупные капли
Слезами текут по стеклу...

ПРЕДЗИМЬЕ

В жухлом золоте тропинки
Топчут частые дожди,
И осенние грустинки
Рвутся вздохом из груди.

Ветер северный ретиво
Обскакал сады, дома,
Ждёт покорно, терпеливо
Череды своей зима.

Скоро-скоро все дорожки
Снежным вихрем заметёт,
И увидим за окошком
Белых ангелов полёт.

ГРАЧИ

Грачи на юг не полетели,
Сидят, скукожившись, в саду.
Им скоро синие метели
В ладонях принесут беду.

Их только трое – одиноких
На белом фоне чёрных мет.
Уже пропущены все сроки,
А им троим и дела нет.

Мне эта вера их до донца
Тем и светла, и дорога,
Что их, к теплу привыкших солнца,
Согреют Родины снега.

СЕСТРЁНКА

РАССКАЗ

Рифат ИЗМАЙЛОВ

*Посвящается
санитарам, медикам, спасавшим жизни советских
воинов в годы Великой Отечественной войны*

1

– Здравствуй, дедушка! – заходя в дедову комнату, поздоровался я.

– Здорово, внучок, проходи, поможешь старику медали да ордена на пиджак повесить. Руки-то уже не те.

Деду уже к девяноста подходит, а он всё кремень. Старой закалки человек. Великую Отечественную прошёл, потом всю жизнь в совхозе трудился, бригадиром был. Пятерых детей с бабушкой на ноги поставили, внукам

помогают, правнуков уж увидели. Дед порой фору и молодым даёт своей бодростью и правильным настроем. На парад вот с детьми и внуками собирается.

Дед в старой металлической, ещё советской коробочке перебирал медали, передавал их мне, показывал, куда и какую прикрепить. Только он знал, где какая должна быть.

Он медали подавал да вспоминал и рассказывал:

– Вот эту за Берлин дали, а вот эта, внучок, за Прагу... а вот эта – юбилейная...

Рассказывал, рассказывал да и в тишине замер.

Посмотрев на него, я увидел, что держит он в руках фотокарточку старую, помятую. А на ней девчушка, ей по годам и восемнадцати нет.

– Кто это, дедушка? – спросил я.

А дед будто и не слышал, стоял и смотрел, смотрел, искренне любя, смотрел с огромной грустью.

– Дед, кто эта девушка? Кто это? – повторял я.

– Сестрёнка, сестрёнка... – улыбаясь, чуть слышно проговорил он.

Дедовых братьев и сестёр я ещё с детства знал, семья большая у него была, как и у всех в те времена. К кому-то в гости ходили, кто-то к нам приходил. Но про эту сестрёнку дедушкину я никогда не слышал. Интересно стало очень.

– Расскажи, дедушка, кто она? – стал я упрашивать деда.

Дед выпрямился, будто опомнился, стал прежним. Посмотрев на старые часы на стене, сказал:

– Время есть, ещё успеем, успеем.. Ну-да садись, внучок, расскажу.

2

И начал дедушка рассказ:

«Война, брат, дело жуткое, страшное.

Я уж тебе многое рассказывал: на фронт я в восемнадцать в сорок третьем попал. Пехота, окопы, походы. Сапогов не одну пару стёр...

Сколько друзей полегло, не счесть...

За Родину, внучок, стояли, за народ, за родную землю. Да, били фашиста. Местами силен он был. Но, брат, русский народ наш из какой породы сделан, не знаю. Соберёт себя в ту самую нужную “кондицию” и побеждает, упорно идёт и побеждает.

Первая атака, первые выстрелы – это испытание для каждого. Люди за первую атаку старели кто на год, кто на два. Мальчишка юнцом становился, юнец – мужчиной. А там уже привыкаешь, делаешь своё дело ради Победы.

3

Уже с полтора года я на фронте был. Рота поредела, бои серьёзные были. И вот пополнение в роту прислали, разного народу: кто из бывалых – из других полков... и мальчишки попадались.

А среди пополнения девчушка-санинструктор. Девочка ещё совсем! Как такую на фронт-то взяли? Хорошая она была очень, помогала всем: где раненых успокоит, кому перевязку враз сделает. Каждый норовил ей помочь: сумку донести, пайком поделиться. Молоденькая совсем была, всем она приглянулась; приглянулась как дочка, как младшая сестра. Всем полюбилась она. Вот так и стали её не по имени звать, а Сестрёнкой или Сестричкой.

Восемнадцать ей было тогда, после курсов к нам попала, в самое пекло...

Первый бой её и мне запомнился...

Танки, самоходки, а мы в атаке, занять надо рубеж. Раненых много в роте, убитых. Один упал, второй. Шум, взрыв, пули летят. С привычки-то не по себе. Товарищ рядом бежал в атаку, упал. Я медсестру звать, да забыл как.

В голову только “Сестрёнка, Сестричка” пришло.

Кричу: “Сестрёнка, Сестрёнка!” Сам дальше бегу.

За сбитым “Тигром” присел, обернулся – смотрю, а Сестрёнка подползла к раненому и голову ему бинтует.

А после боя трясло её, плакала, рыдала. Боевое крещение прошла. Двоих тогда она с поля боя вынесла, помогла, и сама жива осталась. Бойцы ей сто грамм фронтовые наливают, для успокоения, а она отказалась. Так и уснула в слезах, накрывшись шинелью.

4

Проходили месяцы, мы наступали. Сестрёнка наша уже “в полный рост” бойцов спасала, к ордену “Красная Звезда” представили её. И отдать должное, внучок, в нашей роте потерь от ран не было. Сестрёнка всех спасала, вытаскивала. После ранения возвращались бойцы,

после лечения. Любили её все как дочурку, как нашего ангела-хранителя.

А потом, внучок, наступил тот самый день. Навсегда в памяти у меня он. Штурмовали район в городе, наступали. Немчуру выкуривали. Ранило меня тогда, брат. Две пули вошли в ногу. Боль, братишка, не передать... А немец, зараза, бьёт. Упал тогда я, кровь-то хлещет. И страшно, умирать ведь не хочется. Победу хочется увидеть, к которой шли.

И вот она подползает, Сестрёнка наша, с сумкой с красным крестом.

И легче сразу, в нужные руки попал. Она мастерски перевязывать стала и шепчет: “Успокойся, милый, будешь жить теперь, долго будешь жить”.

И после этих слов так спокойно мне стало...

Вот тогда и случилось то самое страшное, что помню, что всегда перед глазами...

Немец обстреливать стал, снаряд в десятках метров рванул. А она... она, как всегда бойцов прикрывала, так и меня тоже собой прикрыла.

5

А дальше, внучок, очнулся я в медсанбате с контузией и ранением. Как очнулся, доктора сразу за грудки: “Сестрёнка, где моя Сестрёнка?”

А он и не знает, про кого я спрашиваю.

Время шло, мучился я: где она, где мой спаситель?

Через пару дней политрук навестил меня в медсанбате. Тогда я и узнал...

“Погибла, – говорит, – Сестрёнка наша. Тебя спасла, своим телом закрыла. Уже давеча похоронили...”

Одно слово было в моей голове: “Нет!” Не верилось мне, не хотелось этому верить.

Политрук из офицерской сумки достал её партбилет и фотокарточку. Вот эту, которую ты видишь.

И сказал: “Сиротой она была, немцы родителей ещё в сорок первом убили, а брат на фронте в сорок втором погиб. Так что, брат, ты для неё один родной остался на этом свете, раз она тебе жизнь подарила. Тебе и хранить память о ней”. И вручил мне вот эту фотокарточку.

Поклялся я тогда себе вечно о ней помнить, жизнь достойно прожить, раз Сестрёнка мне её подарила.

А фотокарточку так до конца войны и пронёс я в солдатской гимнастёрке, ближе к сердцу. Как икона она меня оберегала, ни одного ранения, ни царапины».

6

Я уже не выдержал, перебил рассказ деда:

– Звали-то её как, дедушка?

Дед вздохнул, как будто решался на что-то, и сказал:

– Звали её, внучок, Алёнушка. Алёною звали.

– Дед, как маму зовут? – с удивлением переспросил я.

– Да, как мамку твою. Ведь Сестрёнка не только мне жизнь спасла, но и многим из нашего поколения.

По старым морщинистым щекам деда текла слеза. Никогда не видел его со слезами. Сильна память о своей спасительнице, сильна благодарность.

Дед утёр щёку, встал и со словами «Спасибо, Сестрёнка!» положил фотокарточку в грудной карман парадного пиджака, ближе к сердцу.

Потом выпрямился, улыбнулся и сказал:

– Пойдём, внучок, на парад. Люди ждут. Почтим память тех, кто Победу принёс, почтим память Сестрёнки моей.

ИЗ ИСТОРИИ:

В годы Великой Отечественной войны сотни тысяч медработников трудились и служили в тылу и на фронте. Они шли в атаку вместе с солдатами и офицерами, вытаскивали их, защищали, прикрывая собой.

Помощь была оказана десяткам миллионов раненых.

«Раненых на поле боя не оставлять!» – и они не оставляли, делая для этого всё, что могли, и даже больше.

Их работа приравнялась к БОЕВОМУ ПОДВИГУ!

Не вызывает сомнения одно: история холодной войны хранит ещё немало тайн, ожидающих разгадки.

Автор

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В ОКЕАНЕ

Вадим КУЛИНЧЕНКО,

*капитан 1-го ранга в отставке,
ветеран-подводник, публицист*

В 2001 году в Москве вышла книга-исследование американских писателей Шерри Зонтаг и Кристофера Дрю «История подводного шпионажа против СССР». В США эта книга увидела свет раньше, у нас перевод появился только после трагедии АПЛ «Курск». Книга вышла тиражом 5000 экземпляров и сегодня уже редкость. Этот труд приподнимает занавес над самыми секретными операциями, которые осуществляла военно-морская разведка США в 50–90-е годы прошлого столетия, фактический период холодной войны. Но главное, в книге прослеживается подводное противостояние двух мировых держав в океане. К сожалению, эта тема непопулярна у нас до сих пор.

Подобных книг-исследований у нас нет, есть отдельные статьи, но не обобщающие материалы. А ведь этот период недавней истории весьма интересен и поучителен. Я не берусь в небольшой статье провести серьёзный анализ этого периода, хочу только напомнить отдельные вехи противостояния в океане.

Военное противостояние США и СССР, как известно, началось сразу же после того, как союзники по антигитлеровской коалиции покончили с фашистской Германией. Для военных моряков это противостояние началось несколько позже, на то была причина. Если США сразу оценили стратегическую роль военно-морских сил (ВМС) – «Кто владеет трезубцем Нептуна,

тот владеет миром», – то в СССР ВМС продолжали играть вспомогательную роль в Вооружённых силах, страна оставалась под гипнозом генералов: «На танках дойдём, куда надо!»

И только Карибский кризис в октябре 1962 года, когда произошло, пожалуй, первое серьёзное столкновение геополитических интересов США и СССР в Мировом океане, заставил советское руководство пересмотреть роль ВМФ во внешнеполитических процессах, а вместе с тем и своё отношение к ВМФ.

После окончания Второй мировой войны наша страна долгие годы оставалась единственным государством, противостоящим давнишнему стремлению США к экономической и политической гегемонии в мире. Международные отношения в эти годы развивались крайне противоречиво. Заключались договоры и соглашения, призванные снизить уровень противостояния, и почти одновременно возникали конфликты, усиливающие это противостояние. Но надо признать, что характер международных отношений на всех этапах послевоенной истории складывался на основе баланса сил между Востоком и Западом. Этот баланс в океане СССР практически приходилось поддерживать одному, в то время как ВМС США имели существенную поддержку со стороны ВМС своих союзников, в частности НАТО. И хотя с большим трудом, но ВМФ СССР справлялся с этой задачей.

Карибский кризис возник в результате попытки США силой подавить революцию на

Кубе. Однако Советский Союз к этому времени осуществил ряд военных программ (создал атомную бомбу в 1949 г., а в 1953-м и водородную, межконтинентальные ракеты с подводным стартом в 1959 г., первую атомную лодку в 1958 г.), которые позволили нашей стране чувствовать себя достаточно уверенно. Тогда советское руководство решило на угрозу ответить угрозой. Излишняя самоуверенность руководителей США и СССР поставила мир перед непосредственной угрозой термоядерной войны, которую удалось предотвратить буквально в последний момент. Опыт карибских событий заставил СССР и США в последующем быть более осмотрительными в двусторонних отношениях и ввести элементы регулирования в кризисных ситуациях. Однако противостояние в глубинах океана продолжало нарастать. Карибский кризис продемонстрировал явное отставание СССР от вероятного противника в области морских вооружений.

ВМС США к началу шестого десятилетия обладали абсолютным превосходством в авианосцах (в 1961 г. вступил в строй первый атомный авианосец «Энтерпрайз»), подавляющим числом крупных надводных и десантных кораблей, превосходили СССР по числу атомных подводных лодок. Первая атомная подводная лодка с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) «Джордж Вашингтон» вышла на боевое патрулирование в 1960 году. За следующие 10 лет вес ПЛАРБ в американской ядерной триаде возрос с 1% до 36%. Развернулось постоянное патрулирование авианосных ударных групп (АУГ) и ПЛАРБ вблизи наших границ. Такое положение заставило СССР уделять больше внимания развитию ВМФ.

В СССР с начала 50-х годов началось обновление ВМФ. Ставка делалась на подводные лодки, началось строительство дизельных лодок небывалой серии в 200 единиц. Строились и ракетные надводные корабли, но в условиях, о которых я сказал выше, пришлось вести поиск оптимальных решений в условиях недостижимости «зеркального» паритета. Пополнялся надводный флот, однако главное внимание уделялось дизельным и атомным

подводным лодкам с ракетным и торпедным вооружением.

Поиски оптимального варианта подлодок с баллистическими ракетами (РПК СН) затянулись, и головной корабль первой крупной серии второго поколения (пр. 667) поступил на флот лишь в 1967 году. В этот же период было построено несколько серий атомных и дизельных подлодок с крылатыми ракетами (США начали опыты с крылатыми ракетами, но потом отказались, впоследствии признав это ошибкой). Сегодня подводные лодки всех флотов мира имеют на вооружении крылатые ракеты.

В 1969 году мы пришли к научному обоснованию своих программ вооружения и техники с широким привлечением к этим работам АН СССР и научно-исследовательских учреждений промышленности и Министерства обороны.

В последующем на протяжении многих лет продолжалось строительство крупных серий атомных и дизельных подлодок различного назначения с постоянным улучшением их тактико-технических характеристик. Уже в конце 60-х годов прошлого столетия американские военные с тревогой стали следить, как Советский Союз ускоренными темпами создаёт мощный атомный, ракетный подводный флот различного назначения. Ещё недавно американское военное командование пребывало в самоуспокоенности, уверенное в своём превосходстве. А в 70–80-е годы под влиянием направленности развития ВМФ СССР в Америке стали больше внимания уделять укреплению и развитию сил и средств противолодочной обороны. Уже в 60-е годы в Мировом океане стала развёртываться система дальнего гидроакустического обнаружения подводных лодок и слежения за ними СОСУС, которая с тех пор постоянно совершенствуется. В условиях возрастающего противодействия наши подводники продолжали решение возложенных задач. Люди были золотым фондом подводного флота СССР.

Обилие решаемых задач и ограниченные возможности по их решению постоянно сопутствовали ВМФ. С начала 60-х годов мы начали осваивать многие районы Мирового океана. К

постоянной боевой службе в различных районах океанов советские корабли приступили в 1963–1964 годах, и главное место отводилось подводным лодкам.

Договоры ОСВ-1 (1972 г.) и ОСВ-2 (1979 г.) существенного влияния на боевое патрулирование ПЛАРБ и нашу боевую службу РПК СН не оказывали, так как не накладывали ограничений на развитие подводных лодок и их оружие. Это давало возможность расширять районы их действий и усложняло борьбу с ними, что усугубляло противоборство в глубинах. Выявление районов боевого патрулирования ПЛАРБ, их обнаружение и слежение за ними становилось приоритетной задачей сил ВМФ, в том числе и подводных лодок.

Не отменялись походы на боевую службу (БС) и наших РПК СН. Только за 1971–1976 годы стратегические атомоходы совершали от 38 до 43 выходов на БС в год. Однако регулярным выходам кораблей на БС препятствовала слабая ремонтная база, не позволяющая сократить сроки межпоходовых ремонтов.

Все выходы на БС наших подводных лодок были сопряжены с огромными трудностями из-за глобальной системы оповещения ВМС США о роде деятельности наших подводных сил. Однако и при таком противодействии ВМФ Союза сумел показать, что не одни американцы хозяева в океане.

В мае – июне 1985 и марте 1987 года были проведены две военно-морские операции ВМФ «Апорт» и «Атрина», когда в Атлантике были развёрнуты две группы по пять советских субмарин незаметно для американцев и НАТО. Это вызвало шок в США и имело не только военное, но и важное политическое значение. Все лодки вернулись на свои базы, морские операции достигли своих целей, а в США до сих пор гадают: как такое могло случиться?

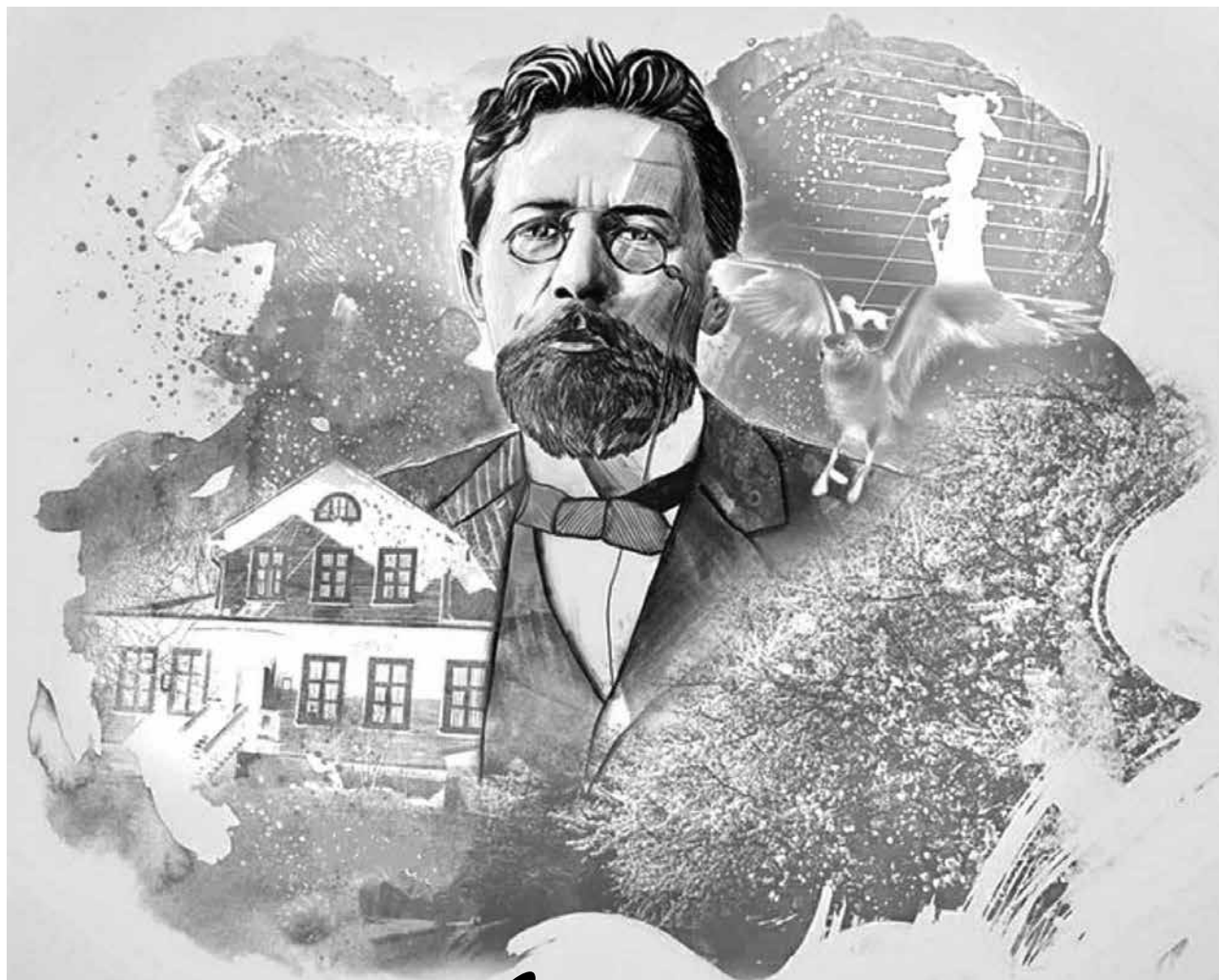
Одной из важнейших задач флота было выявление атомных лодок вероятного противника и слежение за ними, в первую очередь за ПЛАРБ и АУГ. Это была и наиболее сложная задача. Зачастую такие действия со стороны следящих вели к столкновениям под водой, которые не всегда кончались благополучно.

Автору этого материала пришлось испытать такое «удовольствие» в 1967 году. В книге «Тайны подводного шпионажа против СССР» авторы приводят 19 подобных столкновений, но их было гораздо больше.

Одной из сложнейших проблем, вставших перед ВМФ в связи с началом постоянной боевой службы, было обеспечение его системой базирования. Баз на заморских территориях Советский Союз не имел, а плавучие ремонтные мастерские, а также суда снабжения решить все проблемы, возникавшие с длительным пребыванием кораблей вдали от своих баз, не могли. Попытки нашего руководства решить этот вопрос блокировались США путём дипломатического давления на потенциальные страны, готовые оказать подобные услуги СССР.

Но, несмотря на эти сложности, советские моряки продемонстрировали своё мастерство в 1968 году на учениях «Север», в 1970 и 1975 годах – на манёврах «Океан» и «Океан-2». В конце 70-х годов прошлого столетия на БС постоянно находилось более 120 кораблей и вспомогательных судов, в том числе до 30 подводных лодок, из которых не менее 15 атомных. Цифры деятельности ВМФ в эти годы впечатляют. К сожалению, наша широкая общественность до сих пор пребывает в неведении о том, сколько сил, нервного напряжения и высшего человеческого мужества было проявлено в это время личным составом ВМФ СССР, в том числе и подводниками. Нет обобщающих трудов по этому периоду. Сегодня, кажется, забыта та холодная война, надвигается другая, где роль ВМФ остаётся туманной...

Остаётся лишь с горечью заметить, что со второй половины 80-х годов прошлого столетия в связи с изменением внешнеполитического курса нашей страны и глубоким экономическим кризисом (особенно смутой периода распада СССР) стала резко снижаться интенсивность БС нашего флота. Несколько спала и активность ВМС стран Запада, однако в меньшей степени, чем нашего ВМФ. Потенциальная угроза нашей стране с океанских направлений сохраняется, и об этом забывать нельзя. Нельзя забывать и уроков прошлого.

Невероятная встреча в Москве

РАССКАЗ

Валерий РУМЯНЦЕВ

В клубе автозавода «Москвич» происходило невероятное: Антон Павлович Чехов встречался с героями своих литературных произведений. Это был настоящий праздник для всех, а настоящие праздники, как известно, в календарях не нуждаются.

К указанному культурному заведению подкатывали одна за другой иномарки, иногда подъезжали автобусы – и площадка перед входом в фойе клуба стала заполняться людьми. Приезжали не только чеховские литературные герои. На классика жаждали посмотреть и послушать его литераторы, известные политики, актёры, читатели... всех и не перечислишь.

Те, кто был знаком с Чеховым или считал, что вправе пожать руку Антону Павловичу, сразу же подходили к нему, чтобы поприветствовать, а потом следовали в фойе клуба. Возле писателя долго никто не задерживался, потому что за спиной каждого из них уже стояли те, кто желал выразить своё почтение герою сегодняшнего дня.

Описать все встречи невозможно, да и нет смысла. Мы остановимся только на тех из них, которые, по нашему скромному мнению, могут вызвать интерес у читателей.

Вот к писателю подошёл бывший президент Украины Виктор Фёдорович Янукович и, улыбаясь и протягивая руку для рукопожатия, сказал:

– Рад приветствовать великого украинского поэта!

– Господин Янукович, вы называли меня великим украинским поэтом. А что вы скажете о Гоголе?

Виктор Фёдорович на мгновение задумался и ответил:

– Ну... Гоголь – мой любимый поисковик.

Окружающие, кто услышал эти слова, захихикали. А Янукович понял, что ляпнул что-то не то, и спешно отошёл в сторону от писателя-классика.

Когда к Чехову приблизился экзекутор Иван Дмитриевич Червяков, Антон Павлович сразу узнал его и воскликнул:

– Червяков! Ты ли это?! Голубчик мой! Хорошо помню, как я, будучи совсем молодым, писал рассказ «Смерть чиновника»...

– Такие люди, как я, бесследно не исчезают, – назидательно высказался Червяков, небрежно, как бы делая одолжение, протянул руку и добавил: – Как видите, я жив и здоров. И я уже давно не экзекутор, поднимайте гораздо выше. Я – государственный советник Российской Федерации 1-го класса.

Сатирический чёрт дёрнул Чехова за язык, и он съязвил:

– Прошу вас, ваше превосходительство, принять уверения в моём весьма высоком к вам уважении.

– Ну что, Антон Палыч, сегодня не очень-то

вас читают, – усмехнувшись, промолвил Червяков. – Прошёл, как говорится, срок годности ваших текстов...

Червяков хотел ещё что-то сказать, но февральский морозец сделал своё дело – и неожиданно для себя государственный советник... громко чихнул.

Достал платок, вытер губы, извиняться не стал. Решил, что цели своей достиг: все увидели, что он теперь не какой-то там экзекутор. Без лишних слов повернулся и с чувством собственного достоинства в своём мундире государственного советника Российской Федерации 1-го класса важно проследовал к служебному автомобилю BMW.

Не спеша сел в машину. Водитель включил мигалку, установленную на крыше автомобиля, и резво тронул с места.

Ещё через несколько минут Чехов закончил кратковременное общение с Любовью Раневской, Леонидом Гаевым, Ермолаем Лопухиным и предложил им пройти в фойе клуба, так как в его сторону уже направлялись другие гости, и каждому надо было уделить хотя бы минуту внимания.

Эти литературные герои были особенно дороги Антону Павловичу. Он внимательно посмотрел вслед Раневской – и вдруг услышал, как рубят вишнёвый сад.

Звук топоров очень быстро смолк, и Чехов подумал: «Что же я забыл спросить у них, как там студент Трофимов?» Если бы он поинтересовался, то узнал бы, что Трофимов, являясь членом Национал-большевистской партии, осуждён вместе с Эдуардом Лимоновым и отбывает наказание.

Антон Павлович уже заканчивал мимолётный разговор с подошедшим к нему учителем гимназии Буркиным и ветеринарным врачом Иваном Ивановичем. И в этот момент мимо них проследовал Беликов по прозвищу «Человек в футляре». Беликов боялся заболеть коронавирусом, при общении всегда соблюдал дистанцию два метра и старался иметь как можно меньше контактов.

Когда Чехов увидел на лице Беликова респиратор, а на руках – резиновые перчатки

синего цвета, он обратил внимание на этого человека и из его уст вырвалось:

– А это что за чудо?

– Антон Павлович, вы что, не узнали? Это же Беликов, – сказал Буркин.

– А-а, да, да... – согласился писатель. – А он совсем не изменился.

– Ну что вы от него хотите? – посмеялся Буркин. – Человек в футляре.

– А разве то, что мы живём в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт – разве это не футляр? – возмутился Иван Иванович. – А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор – разве это не футляр?

Увидев, что к писателю спешит располневший человек, несущий в руке, видимо, торт, учитель гимназии и ветеринарный врач проявили такт и постыжились удалиться.

Подошедшим оказался Николай Иванович Чимша-Гималайский, в его глазах светилась радость. Чехов был уверен, что его подопечный держит в руках торт. «Зачем он пришёл с тортом?» – подумал писатель и задал вопрос:

– Что это у вас в руках?

– Это, Антон Павлович, крыжовник. Очень, очень вкусный. Да вы попробуйте, попробуйте, – и он уже начал открывать коробку.

– Не надо, не надо, спасибо, – воспротивился Чехов и предложил: – Проходите в фойе клуба. Там теплее, чем на улице.

Глаза Николая Ивановича были наполнены счастьем, восторг охватил его лицо, он хотел что-то сказать ещё, но Чехов показал рукой направление, куда надо идти. И Чимша-Гималайский безропотно подчинился.

При виде этого счастливого человека у Антона Павловича упало приподнятое настроение. Им овладело тяжёлое чувство, близкое к отчаянию.

Всё повторяется, изменяясь до неузнаваемости. Неожиданно, гремя бубенцами и взвивая вихрем снежную пыль, подскочила пара с пристяжной на отлёте и Артыновым на козлах вместо кучера. Лошади встали как вкопанные. К ним подбежал уже ожидавший их Модест

Алексеевич и помог Анне выбраться из саней, а «кучеру» – соскочить на землю.

Артынов поддерживал Анну за локоток. За их спинами плёлся Модест Алексеевич; кроме «Анны» второй степени, он уже успел получить орден «За заслуги перед Отечеством» четвёртой.

Песцовая шуба Анны была нарасташку, и в глаза бросалось глубокое декольте. Артынов что-то шептал спутнице – и она смеялась. После его слов «Декольте придумали мужчины по просьбе женщин» Анна рассмеялась ещё громче.

Не обращая ни на кого внимания, в том числе и на Чехова, все трое направились к зданию клуба. Артынов, улыбаясь, продолжал что-то говорить Анне, а она хохотала ещё громче.

Что можно сказать, наблюдая эту сцену? Не так страшен хомут на шее, как невозможность его снять.

Когда Антон Павлович почувствовал, что февральский морозец всё настойчивее крадёт-ся к его телу, а холодный ветерок усилил своё дыхание, он зашёл в помещение клуба и последовал в кабинет директора. Там снял пальто и протёр запотевшее пенсне. На публике он неизменно появлялся в костюме и при галстук-е-бабочке. Так было и сегодня. В сопровождении директора клуба Чехов направился в фойе.

Когда проходили по узкому коридору, директор показал пальцем на одну из комнат и сказал:

– А здесь у нас была очень хорошая библиотека.

– А почему была, а не есть? – удивился Антон Павлович и остановился.

– Завод стал разваливаться, должность библиотекаря сократили, денег на приобретение книг ни копейки...

– Храм для верующих в художественное слово закрыт?

Директор в ответ только пожал плечами и, как нашкодивший юнец, почувствовал себя виноватым перед выдающимся писателем, который стоял рядом с ним. И это неудивительно: чувство вины чаще испытывают те, кто ни в чём не виновен.

– Да-а... – возмутился Антон Павлович, – я не знаю, куда мы идём... И время покажет не только то, куда мы идём, но и то, от чего отказались.

До фойе они шли ещё несколько минут, и никто не проронил ни слова.

Фойе было уже переполнено гостями, но в зал пока никого не приглашали.

Чехов написал более пятисот произведений, и многие его литературные герои находились здесь. Вон показалось лицо дяди Вани, который собирался стать гением, но вся его жизнь ушла на сборы. Это он в отчаянии воскликнул: «Пропала жизнь! Я талантлив, умён, смел... Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский...»

А вон стоит и тяжело дышит располневший Старцев, больше известный как Ионыч. Ему в жизни уже ничего не интересно, он даже перестал играть в винт. И лицо Кати, в которую когда-то был безумно влюблён, совершенно забыл.

Чуть правее промелькнула фигура Андрея Ефимыча Рагина, который до сих пор своим образом жизни учит всех, как не попасть в «палату № 6».

Недалеко от него золотых дел мастер Хрюкин показывает забинтованный палец полицейскому надзирателю Очумелову и что-то говорит ему. Теперь его кусанула собачка той женщины, которую Чехов назвал «дама с собачкой». На сей раз Хрюкин не тыкал окурком в морду собачке, а всего лишь попытался потрогать её за нос. Кстати, и хозяйка собачки тоже где-то здесь.

Перечислить всех героев, толкущихся в фойе, невозможно. Тут были: полицейские, портные, арестанты, повара, богомолки, педагоги, помещики, врачи, чиновники всех рангов и ведомств, крестьяне, генералы, инженеры, конокрады, купцы, солдаты, судебные следователи, профессора, пастухи, адвокаты и представители ещё очень многих профессий.

Одни из них в погоне за деньгами потеряли то, что за деньги не купишь. Другие, являясь рабами больших денег, мнили себя рабовладельцами. Третьи не всегда находили шанс оставаться человеком. Четвёртые не уяснили: чтобы излечиться от невежества, нужно самому

стать врачом. Кто-то из них не понимал, что жизнь учит только тех, кто склонен к самообразованию, и что каждый человек – кузнец своих глупостей. Кто-то не сообразил, что любовь с первого взгляда – это часто обман зрения. А кто-то из мужчин подарил женщине крылья – и она улетела от него... Здесь нет ни одной жизни без ошибок, но есть много жизней без работы над ошибками.

Но у всех этих героев есть общее: они не научились жить – поэтому соглашаются на существование. Их жизнь – это несовершенный подвиг.

Антон Павлович, получив профессию врача, учился лечить не только больного человека, но и – больное общество. И в этом деле литературные герои были его надёжными помощниками. Да, он не вылечил общество, но безошибочно установил диагноз.

Присутствовали тут и актёры. И это неудивительно: произведения писателя экранизировались более двухсот раз.

Как бывает в таких случаях, одни бродили по фойе, создавая броуновское движение; другие собирались кучками по каким-то непонятным даже им самим принципам. Все разговоры, естественно, были о Чехове.

Вон в углу стоит «дядя Гиляй» – известный репортёр Владимир Алексеевич Гиляровский, которого обступила группа современных литературных критиков. Зная, что Гиляровский дружит с Чеховым, они задавали ему много вопросов. Отвечая на один из них, он сказал:

– Однажды я приехал к Антону Павловичу в Крым и в ходе общения поинтересовался, почему он не ответил на мою открытку, где было всего четыре строчки. А строки такие:

Каламбуром избитым
Удружу – не будь уж в гневе:
Ты в Крыму страдал плевритом,
Мы на севере – от Плеве.

Антон Павлович ответил, что послание до него не дошло, и добавил: «Открытка твоя, наверное, пригвождена к делу приставом Гвоздевичем».

Кто-то негромко посмеялся, кто-то улыбнулся.

Гиляровский прервал беседу и решил пройти по фойе в надежде найти Чехова. Недалеко от буфета он услышал голос Антона Павловича:

– ...Своими произведениями я хотел только честно сказать людям: посмотрите на себя, посмотрите, как вы все плохо и скучно живёте...

«Дядя Гиляй» остался доволен, что Чехов покинул холодную улицу, не стал мешать общению писателя со своими литературными героями и проследовал дальше. Поздоровался с Николаем Некрасовым и Александром Куприным, раскланялся с Игорем Северяниным и очутился рядом с очередной группой посетителей. И тут его взгляду открылась следующая картина.

Начинающий писатель Павел Бурлеев громко сообщил, что он написал книгу рассказов о Чехове, и добавил:

– Причём каждый рассказ состоит всего из четырёх-пяти предложений. Хотите послушать?

Не получив ответа, он продекламировал:

– Рассказ называется «Чехов и больной». Как-то один больной пришёл к Чехову и говорит, что у него и зубы болят, и голова болит, и рёбра болят, и суставы болят, и в глазах темно, и в пальцах слабость. «А фамилия ваша какая?» – с готовностью помочь спросил Чехов. «Не скажу», – ответил больной и убежал. Тогда Чехов плюнул и написал рассказ «Лошадиная фамилия».

Некоторые из слушателей похихикали.

– Вот видите, вам рассказ понравился, – с чувством глубокого удовлетворения высказался Бурлеев и спросил: – А никто из вас не может мне посоветовать, какое издательство могло бы напечатать книгу моих рассказов о Чехове?

– Я слышал, что подобные книги выпускает один издатель здесь, в Москве, – сказал художавый мужчина и протиснулся ближе к начинающему писателю.

– А не подскажете адрес? – ещё больше оживился Бурлеев.

– Его адрес я не знаю, а вот фамилия его... – мужчина запнулся. – Хотел быстро сказать – и

забыл... какая-то чудная... обозначает что-то среднее между мужчиной и женщиной... в общем, не мужчина, не женщина...

Из толпы посыпались подсказки:

– Может, Бисексуалов?

– Гермафродитов?

– А может, Интерсексуалов?

– Гендеров?

– Вспомнил! Вспомнил! – воскликнул художавый мужчина. – Его фамилия Недядько. Его ещё там зовут «не дядька, не тётка».

– Вот спасибо, дорогой мой человек, вот спасибо, – порадовался начинающий писатель. – А уж адрес-то его я сам найду.

А в центре фойе стоял Михаил Михайлович Пришвин, которого окружила группа актёров. Он им внушал:

– Чехов – поэт нежнейших прикосновений к страдающей душе человека. Читая Чехова, становится стыдно позировать. Антон Павлович своим искусством даёт нам образцы поведения, он в числе десяти, двадцати писателей, давших нам русскую литературу на поведение. В наше время героических требований к личности Чехов – яркий представитель нашего русского родного дома – каждому претенденту на героя может служить проверкой: действительно ли ты цвет или пустоцвет...

Напротив Пришвина на стене висел большой портрет Чехова, который написал Осип Эммануилович Браз. Казалось, что писатель внимательно слушает, что о нём говорит собрат по перу. Ниже портрета можно было прочитать слова Константина Сергеевича Станиславского: «Антон Павлович – самый большой оптимист будущего, какого мне только приходилось видеть. Он бодро, всегда оживлённо, с верой рисовал красивое будущее нашей русской жизни».

Массивные дубовые двери в зал распахнулись. И толпившиеся в фойе гости не спеша направились в громадное помещение, с потолка которого свисала, как неопознанный летающий объект, массивная люстра.

СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

26 декабря в старинном московском особняке, Доме Трубецкой-Бове, состоялось заключение Соглашения о сотрудничестве между Союзом писателей России и Российским военно-историческим обществом. Соглашение было подписано председателем Правления СПР Николаем Ивановым и исполнительным директором РВИО Виталием Мартынюком. В своих обращениях к присутствующим на встрече они чётко подчеркнули значимость и историческую важность этого момента.

С содержательным приветственным словом к делегации Союза писателей России в составе: первого секретаря Геннадия Иванова, генерального директора Василия Дворцова,

заместителя председателя Правления Нины Поповой и члена Правления Анатолия Трубы обратился Советник председателя РВИО Ростислав Мединский.

Наша делегация пришла не с пустыми руками — мы принесли новые издания, вместившие в себя напряжённый труд последнего года работы Союза, и подарочные книги. Это сразу вызвало неподдельный интерес, осветивший новые грани совместной работы.

В ходе встречи наметились и другие интересные направления взаимодействия наших дружественных организаций.

Планов впереди много, энергии и желания тоже, доброго пути Соглашению!

Нина ПОПОВА

Никас Сафронов. Из истории России. Храм Спаса на Крови. Х., м. 47 х 37, 2011

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru